

литература • культура • молодёжь • время/март 2018

ИДЕАЛЬ

16+

**МНЕНИЕ
ЭКСПЕРТА:**
Анвар Маликов

**ГЕРОЙ
НОМЕРА:**
Ильхам Сафиуллин

ПРОЗА:
Аяз Гилязов
Рауль Мир-Хайдаров
Нури Бурнаш
Булат Безгодков

МЫ ПЕРЕЖИЛИ «КАЗАНСКИЙ ФЕНОМЕН»

НА СОЛДАТСКОЙ Фотостудии

фото и видеосъёмка
аренда студии

<https://vk.com/tel2507997>
[Инстаграм: fotonasoldatskoi](#)

г. Казань, ул. Солдатская 8, оф. 202 т. 250-79-97

ИДЕЛЬ

Редаксовет:

Ильдар БАЯЗИТОВ
Разиль ВАЛЕЕВ
Римзиль ВАЛЕЕВ
Ркаил ЗАЙДУЛЛА
Айгуль ГОРНЫШЕВА
Фарид МИФТАХОВ
Газинур МУРАТ
Гульчачак НАЗИПОВА
Данил САЛИХОВ
Ляйсан САФИНА
Айрат СИБАГАТУЛЛИН
Джавдат СУЛЕЙМАНОВ
Сюмбель ТАИШЕВА
Лаззат ХАЙДАРОВ
Данис ШАКИРОВ

Руководитель филиала, главный редактор (тат.)
Радик Рашидович САБИРОВ

Главный редактор (рус.)
Айсылу Айдаровна ХАФИЗОВА

Заместитель главного редактора
Диляра НИЗАМОВА (рус.)

Заместитель главного редактора
Гелюся ЗАКИРОВА (тат.)

Редактор:
Энже БАСЫРОВА

Корректор:
Ландыш ЗАГРТДИНОВА (тат.)

Макет, верстка
Равил ШАРАФУТДИНОВ

Главный бухгалтер
Лилия БИКБАЕВА
Тел. +7(843) 222-09-84, доб. 1270

Офис-менеджер
Раиса САГАДИЕВА

Учредитель: АО «ТАТМЕДИА»
420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Издатель: АО «ТАТМЕДИА»
420097, Республика, Татарстан,
г. Казань, ул. Академическая, д. 2

Создано при поддержке Республиканского
Агентства по печати и массовым
коммуникациям «ТАТМЕДИА»

Адрес для писем:
420066, г. Казань, а/я-52. «Идель».

Адрес редакции:
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2, 7 этаж.
e-mail: idel-kazan@mail.ru
Адрес сайта: www.idel-rus.ru
Тел +7(843) 222-05-45

Подписные индексы
На татарском языке – П2363
На русском языке – П2361
Свободная цена

За достоверность рекламных объявлений
ответственность несет рекламодатель

При перепечатке ссылка на
«Идель» обязательна. Рукописи
не возвращаются и не рецензируются.
Мнение редакции не всегда
совпадает с мнением авторов.
Редакция не располагает возможностью
выступать ходатаем в
официальных организациях.

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
под номером
ПИ №ФС 77-54276 от 24 мая 2013 г.

Общий тираж – 3648 экз.,
из них на тат. яз. – 2494,
на рус. яз. – 1154
Тираж сертифицирован

Отпечатано в типографии
АО «Татмедиа» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2
Подписано в печать 05.03.2018
Заказ Е-509
Формат 84x108, 1/16. Усл.-печ. л. 6,72
Уч.-издл. 8,5

 ТАТМЕДИА

Фото 1 и 4 обложки – Марина Усольцева
Фото 3 обложки – kremlin.ru

СОДЕРЖАНИЕ

- 3** МНЕНИЕ ЭКСПЕРТА
Анвар Маликов
«Казанский феномен». Вернутся ли молодежные банды
- 11** ГЕРОЙ НОМЕРА
Айсылу Хафизова
«Я хочу навсегда забыть о криминале и снимать кино!»
- 17** ПРО КИНО
Ольга Голыжбина
Николай Морозов: «Я не спрашивал, за что они сидят»
- 23** КИНОСЦЕНАРИЙ
Максим Ардашев, Тимур Садыков
Синописис фильма «Братья»
- 24** ПО ПОНЯТИЯМ
Казанский гоп-словарь
- 25** ПРО КИНО
Айсылу Хафизова
Тимур Садыков: «Кастинг не удался – у современных подростков другие лица»
- 29** БАЛ-ОМУТ
Шамиль Халилуллов
К международному женскому дню
- 31** ПРОЗА
Булат Безгодов
Отрывок из романа «Влюбленные в Бога»
- 40** ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ
Анна Павлюкевич, Ринат Билалов

41 ПРОЗА
Нури Бурнаш
(из «Чагынского словаря»)

43 ПОЭЗИЯ
Руستم Сабилов, Эдуард Учаров

44 ПРОЗА
Рауль Мир-Хайдаров
Пешие прогулки

57 В ПЕРЕВОДЕ
Аяз Гилязов
Тропинками детства

71 КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
Адель Зуров, Артур Хисматуллин
Гопник style. Как отстой вошел в моду

75 КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
Анастасия Иванова
Ляйсан Арсентьева: «Каждый день нужно бросать себе вызов!»

71

80

77 КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
Проба пера. Трагедию Холокоста забывать нельзя!

79 СПОРТ
Ангелина Акберова
Я не призываю болеть – наслаждайтесь хоккеем!

80 СПОРТ
Артур Хисматуллин
Чемпионский характер, олимпийский дух

44

17

Мартовский номер журнала «Идель» посвящен «казанскому феномену». Явление это, громко заявившее о себе в 80-х и 90-х и напугавшее всю страну, теперь практически забыто. Лишь поколение тех, кому сейчас больше сорока, помнит, как «делили асфальт», как каждый прекрасно знал, какие дворы и улицы принадлежат одной группировке, а какие – другой, как родители мальчиков встречали и провожали своих детей из школы, ведь иначе они могли и вовсе не вернуться домой.

Состояние постоянного страха и незащищенности, осознание того, что помощи ждать неоткуда – в наше время все это кажется далеким, страшным сном. Многие из поколения нынешних 20-летних никогда даже не слышали об уличных боях стенка на стенку, об этой бессмысленной необъявленной войне, которая бушевала в Татарской АССР и унесла много юных жизней – в этом им очень повезло. Но те авторы, чьи материалы вы увидите в мартовском номере, сходятся во мнении: помнить надо, чтобы не дать возможности этому явлению повториться вновь.

В рубрике «Мнение эксперта» первый руководитель пресс-службы МВД ТАССР Анвар Маликов рассказал о том времени, когда милиция, осознав свою беспомощность перед новым сокрушительным явлением, искала пути противодействия ему, и о том, какими методами «казанский феномен» был, наконец, искоренен. Продюсер Ильхам Сафиуллин, бывший в те годы на другой стороне баррикад, поделится своим мнением об описываемых событиях.

Проза представлена отрывками из романа известного писателя Рауля Мир-Хайдарова «Пешие прогулки». В этом году роману исполнится 30 лет, но эта книга, поднимающая тему коррупции, до сих пор переиздается и пользуется читательским интересом. По просьбе редакции писатель лично подготовил для нас сюжетную линию из романа, наиболее соответствующую тематике номера.

Татарстанский прозаик Булат Безгодков предлагает вниманию читателей «Идели» отрывок из романа «Влюбленные в Бога». Главный герой – подросток, нам открывается история его становления в мире казанских группировок. «Совершенно неважно было, татарин ты или русский, важно какое у тебя нутро, как крепок твой хребет. В этом климате выросли многие...» – признается писатель.

Также мы публикуем результат коллективного труда подписчиков наших групп в социальных сетях – «Словарь гопника», куда постарались включить слова и выражения, характерные именно для казанских группировщиков.

В ходе обсуждения номера в социальных сетях наши читатели делились своими историями. Их рассказы, основанные на личном опыте и воспоминаниях, также вошли в журнал.

Тема кино в номере представлена интервью с Николаем Морозовым, режиссером, шокировавшим в 80-е годы страну документальным фильмом «Страшные игры молодых», посвященным «казанскому феномену». Кадры из этого фильма ужасают и по сей день.

Режиссер Тимур Садыков представит вниманию читателей веб-сериал «Братья», где тоже предпринимается попытка осознать «феномен». Создатель сериала считает, что о том страшном времени необходимо рассказать нынешним подросткам – это больше не должно повториться.

Изюминкой мартовской «Идели» мы считаем эссе выдающегося татарского писателя Аяза Гилязова «Тропинками детства», которое впервые здесь публикуется в переводе на русский язык. В 2018 году празднуется 90-летие со дня рождения аксакала литературы.

Как видите, дорогой читатель, мы подготовили для вас достойную компанию, и вы точно не потеряете время зря.

► Анвар Маликов

«КАЗАНСКИЙ ФЕНОМЕН». ВЕРНУТСЯ ЛИ МОЛОДЕЖНЫЕ БАНДЫ

Тема органи- зованной моло- дежной преступности снова становится актуаль-

ной, и люди опять вспоминают уроки пресловутого «казанского феномена». Я был одним из тех, кому в свое время пришлось погрузиться в эту тему. Не претендуя на масштабный охват и глубину осмысления, расскажу о том, что пришлось пропустить через себя. Благодарю Александра Дмитриевича Авдеева, который помог восстановить в памяти детали. Этот замечательный человек, называющий себя милиционером до мозга костей (а я считаю его интеллигентом высшей пробы), был одним из организаторов борьбы с подростковыми группировками. Его ремарки помечены в тексте «А.А.»

ОРДЕН И ОБОРОТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

Казани в июне 1984 года вручали орден Ленина. Вполне заслуженный. Прикрепить к знамени города награду приехал председатель Совета министров РСФСР Виталий Воротников. Были большие торжества. Но на кадрах кинохроники того времени видно, что первый секретарь Казанского горкома КПСС Михаил Сухов далеко не рад...

Присланный в 1983 году из Москвы товарищ Сухов пробыл в Казани недолго, в 1987 году его

вернули в столицу зампредом Гостелерадио СССР по кадрам. У нас он широкой общественности ничем не запомнился, кроме своей сухости. Но именно он был тот человек, кто повернулся лицом к проблеме организованной молодежной преступности. Казань тогда уже гудела и полнилась слухами, но во властных структурах запрещалось называть вещи своими именами.

Однажды Михаил Михайлович, как рассказал мне работник горкома партии, совершенно неожиданно для своих подчиненных

Анвар Адиевич Маликов в 1982–1985 годах был командиром оперативных комсомольских отрядов (ОКОД) Кировского района, затем – Казани. В 1986–1991 годах являлся руководителем пресс-службы МВД Татарстана.

пригласил к себе в кабинет на площади Свободы нескольких лидеров подростковых группировок и долго с ними беседовал с глазу на глаз. И так не улыбочивый, он после этого стал еще мрачнее...

А.А.: На самом деле Сухов с главарями группировок не встречался. Мы организовали ему встречу с двумя информированными осведомителями, чтобы они подтвердили объективность нашей постоянной информации о тенденциях развития преступности в городе.

Встретился он с ребятами и с другой стороны баррикад – активистами оперативных комсомольских отрядов (ОКОД), противостоявших шпане.

Надо сказать, ОКОДы и боевые комсомольские дружины (БКД) были мощной силой, но она пошла на спад пропорционально подъему группировок. Когда я был бойцом БКД Казанского госуниверситета в середине 70-х, мы держали в страхе всю шпану от улицы Баумана до парка Горького. До тех пор, пока не подняла голову банда «Тяп-ляп». Тогда мы получили первый ощутимый отпор.

Дружины КГУ и КАИ оставались последним оплотом студенческого движения борьбы с молодежной преступностью, но и у них возникли проблемы с пополнением. Элитным считался отряд при горкоме комсомола. В нем состояло два десятка интеллигентных и бесстрашных бойцов, с которыми мы выезжали в рейды в самые отдаленные районы города и на дискотеки в заводских клубах. Заправлявшие там группировщики по отношению к нам вели себя тихо...

После тех встреч Сухова последовали похожие аудиенции у городского прокурора, у других силовиков... С того времени вся мощь власти, до того все силы полагавшей на выполнение очередных решений партии и на достойную встречу очередного юбилея, была направлена на эту тему. За парадно-отчетным

Александр Дмитриевич Авдеев в 1957–1963 годах был членом боевой комсомольской дружины (БКД) КГУ, заместителем секретаря комитета ВЛКСМ университета. После университета пошел на службу в милицию, в 1977–1989 годах работал в должности заместителя начальника УВД Казани.

фасадом обнаружилась ужасающая действительность...

РОКОВОЕ 31 АВГУСТА 1978 ГОДА

Когда же зародилось это явление, которое позже с подачи московских журналистов получило название «казанский феномен»?

Массовые проявления были в Казани со второй половины 70-х годов, хотя драки «двор на двор», «улица на улицу» и раньше существовали как повсеместное явление советского времени. Кроме того, уголовная субкультура пронизывала все общество. Другое дело, что в Казани и Набережных Челнах все это получило гипертрофированные формы, оформилось в некую идеологию уже не по уголовным «понятиям», а по какому-то своим, с выстроенной дисциплиной и определенными целями.

А.А.: В начале 70-х я, будучи начальником аналитического отделения штаба МВД Татарской АССР, впервые столкнулся с фактами появления в Казани непонятных групп. В дежурную часть МВД республики (в Казани тогда еще не было своего УВД) стали поступать сообщения граждан из Приволжского района о группах дерзко ведущих себя подростков, одинаково одетых. Затем было отмечено подобное в Московском и Бауманском районах, в Центральном парке им. М. Горького. Похожие вещи стали наблюдаться в бурно развивавшихся Набережных Челнах и Нижнекамске.

Командиры ОКОДов Казани. Третий справа в первом ряду – А. Маликов

В 1974 году информация о группировках стала настолько тревожной, что мы начали постоянно информировать о ней свое руководство, но должного реагирования не было. Очевидно, к этому относились как к обычным дракам между молодежью разных микрорайонов. Однако эти драки стали жестокими и не походили на традиционные стычки «до первой крови».

На конец 70-х пришелся расцвет деятельности криминальных групп «Тяп-ляп», «Новотатарские», «Жилка», «Грязь» и многих других. Об их существовании знали все, но действенных мер пресечения их выходок не было. Тогда существование организованных преступных группировок полностью отрицалось.

В то время произошла маргинализация целого поколения, совпавшая с гребнем демографической волны. Большое число людей «понаехало» на стройки и заводы – кто из деревни, кто издалека. Они породили неприкаянное поколение. Родители не стали в полной мере городскими, и для детей они не были авторитетом. Плюс ко всему была критическая масса молодежи в огромных «спальных» комплексах города. А для формирования криминальной среды в молодежной среде достаточно двух-трех «лидеров» отрицательной направленности и десятка «шестерок» вокруг них. Для остальных же важно было сообщество, некая защищенность, в том числе и от традиционного криминалета.

А.А.: Группировка Ново-Татарской слободы не желала подчиняться «Тяп-ляпу». Кульминация конфликта была 31 августа 1978 года. Вначале появились сообщения от пешего патруля, что в слободе появились

неизвестные мотоциклисты, с их стороны слышны выстрелы. Через некоторое время другой наряд сообщил, что за железнодорожным полотном в районе 5-й городской больницы скопилась большая группа молодежи. По тревоге в этот район со всего города были стянуты патрули, в том числе внутренних войск.

Когда группа молодежи человек в пятьдесят начала переходить через железную дорогу в Ново-Татарскую слободу, солдаты попытались их остановить, но в ответ раздались выстрелы, был ранен военнослужащий. При виде прибывающих милицеевских нарядов участники группировки стали отходить к станции Вахитово и при этом убили одного из местных жителей. В преследовавших милиционеров была брошена граната, она, к счастью, не взорвалась.

Было задержано человек семьдесят. До этого уголовного розыска были известны основные фигуранты «Тяп-ляпа», но нужно было решать сложнейшую задачу –

ДЕТИ «ГРЯЗИ»

Эх, Абраг Галимул-...
 для себя час ты вышел Юго-...
 Западной! Ты так много...
 да я не узнал жителя ша...
 калов на окружной те...
 бя стан... Я лезу из...
 да тебя.

Первым к одинокой...
 жертве подошел Руслан...
 Киев. Удостоверившись...
 что незнакомый ладан...
 жинет на «враждебной»...
 улице, вернул и ударил...
 по голове, и по букам...
 принадлежал несчастной...
 югитам, заслышав. В...
 голову метил и Ильсур...
 Галимуллин... Впрочем...
 остальные полпреды...
 «Грязь» тоже старались...
 не отставать. Почти сра...
 зу же лицо жертвы зали...
 ла кровь, парень унал...
 С поразительным хлад...
 кровьюем копилки до...
 Новрузем назвали друг...
 «сестра» к жес...

лезом, не снимая вар...
 жек... Рука отказывается...
 сать: это был бы обр...
 мый день грудничка...
 если бы... Если бы А...
 Галимуллин не ушел...
 Садозаев...
 ТАСАР старший...
 вант милиции А...
 Вазанов подколо...
 раскрыто престу...
 на 2-ой Юго-З...
 не сразу. Когда...
 шла трагедия...
 командиров...
 кураторе респу...
 расследовал...
 лое преступле...
 товыськи...
 во проноши...
 рах от места...
 трагедии...
 были член...
 пирами...
 пидение...
 уверенно...
 не...
 Но ес...
 деня и

В Казанском городском временном комитете по борьбе с преступностью

По поручению временного комитета специалисты УВД Казгорисполкома, ряда НИИ и вузов города изучали несколько вариантов внедрения в юрғанах и подразделениях милиции автоматизированной системы управления силами и средствами охраны общественного порядка. К внедрению в казанской милиции рекомендован комплекс средств автоматизации «Патруль», позволяющий моментально определять местонахождение заявителя обратившегося в дежурную часть милиции по телефону «02» с сообщением о правонарушении, передать через средства телекоммуникационной связи необходимую информацию и приметы правонарушителя непосредственно на экран бортового компьютера патрульной автомашины милиции, ближайшей к месту происшествия, что в несколько раз сокращает время реагирования нарядов милиции на сообщения граждан о правонарушениях в общественных местах города.

АСУ «Патруль» обеспечивает автоматизированный сбор из подразделений и служб милиции информации о преступлениях, правонарушениях и лицах, их совершающих, и другой оперативно-розыскной и справочной информации. Автоматизированная информационно-поисковая система, входящая в АСУ «Патруль», образует в пределах города компьютерную сеть, круглосуточно удовлетворяющую запросы дежурных нарядов, оперативных и следственных работников райорганов милиции в информации, содержащейся в автоматизированных базах данных УВД, МВД республики, взаимодействует с другими автоматизированными системами МВД СССР. Опытная эксплуатация системы в нескольких РУВД г. Москвы получила положительную оценку специалистов, которые считают, что внедрение системы в Казани позволит значительно увеличить раскрытие преступлений по «горячим следам».

В настоящее время исполком горсовета ведет переговоры с НИО «Кибернетика» о внедрении АСУ «Патруль». Городской временный комитет по борьбе с преступностью обращается к трудовым коллективам города с просьбой оказать помощь в финансировании связанных с этим работ. Средства будут концентрироваться на расчетном счете городского фонда борьбы с

как доказать. Нам удалось убедить прокуратуру возбудить уголовное дело по статье «бандитизм». Это был первый в СССР процесс по такой статье применительно к молодежной среде.

Мы тогда еще не знали, что такие же сложные дела нас ожидают практически по всему городу. Пружина «Казанского феномена – экстремальной модели», как это назвали позже в «Литературной газете», начала распрямляться.

Первый секретарь горкома КПСС Рашид Мусин сделал серьезные выводы и призвал партийные органы усилить воспитательную работу среди молодежи. До этого руководство города получало от нас достаточно полную информацию о группировках. А после случившегося было собрано специальное совещание, где Рашид Мусинович заявил, что ни один сотрудник милиции не понесет партийной ответственности, потому что все произошедшее – не столько вина милиции, сколько вина идеологов. Но мы все же понесли различные наказания по линии МВД СССР.

Зато в Казани появилось, наконец, городское подразделение патрульно-постовой службы (ППС), сначала батальон, потом полк. Затем в его составе организовали подразделение специального назначения (знаменитая «восьмая рота») и конный

взвод. Создали дежурную часть УВД. Это дало новые возможности для пресечения уличной преступности. Но лишь в 1982 году партийные органы разрешили нам открыто говорить во время встреч с населением о том, что банда на самом деле была и что ликвидирован ее костяк.

МЕТАСТАЗЫ «ТЯП-ЛЯПА»

Когда банда была разгромлена, пошли «метастазы». Молодежные группировки распространились по всему городу. Отчасти это было ответной реакцией для защиты от наиболее агрессивных банд.

Группировщики ходили на «сборы», занимались на самодельных тренажерах в подвалах («качались»), патрулировали свои сферы влияния. Во многих группировках было запрещено курение и распитие спиртного. Даже впоследствии они привнесли свой порядок в места лишения свободы, организовали тренажеры.

Формой одежды для «пехоты» (подростки 14-16 лет) были

трикотажные шапочки, надетые по самые глаза, телогрейки и «прощайки» на ногах. Они участвовали и в «пробежках», тренировочных и боевых – нападениях на чужие территории, когда от обрезков арматуры и бомбочек из баллончиков от си-фонов чаще всего страдали мирные прохожие. Это называлось «мотаться», а сами они были «мотальщики» (в 90-е появился термин «лазить»).

А.А.: В какой-то момент группировщики стали совершать утренние боевые «пробежки» под названием «С добрым утром». Это было в 8-9 часов утра, когда на улицах милиции вообще не было, а в райотделах происходили пересменки. Пришлось милиции перенести начало рабочего дня на один час раньше. Еще всем сотрудникам было предписано в местах своего проживания по утрам выходить во дворы и наблюдать за обстановкой.

ЖЕСТОКОСТЬ ПОДРАСТКОВ

НОРМА ИЛИ ПАТОЛОГИЯ?

Преступления и наказания

Смерть

ОТ ТОК...

... (Окончание. Начало на 1 стр.)

Чтобы ориентироваться в этих сложных условиях, нужно четко представлять, что такое патология. К сожалению, и судьи, и педагоги, и родители, и подростки, об особенностях их поведения мало знают. Между нормой и патологией зачастую стирается. Сложнее всего в подростковом возрасте характеризовать с помощью слова «единичный случай» застенчивый, слишком активный, слишком агрессивный.

Я бы поставил в этот ряд «единичные жестокости». Это, повторюсь, норма для подросткового возраста. Однако иногда склонишь взгляд на толпу, толпачку, а жестокость, которую причиняют, кровью, дерзостью, жесткостью, и не обманешься.

Есть большая опасность воспринимать как единичное злобное поведение, не соответствующее чему-то нормальному. Это результат длительного воспитания в условиях догматического мышления.

Нани представления о жизни своей не похожи на представления подростков. Так, вызывающее поведение группировщиков с точки зрения взрослых — это норма, для нас оно — девятиклассник, то есть, девятиклассник. А им может показаться ненормальным ваш образ жизни, с его дураками и лицемерием.

Представьте, куда нас завел массовое обследование в кабинетах...

... такой пример: три подростка, где обиделись, решили сделать...

... здесь на первый план...

Влияние группировок на молодежь было настолько сильным, что они не дали прижиться в Казани различным течениям «неформалов» – хиппи, панкам и т.п. Били их повсеместно. Даже модные тогда в стране прически «а ля панк» молодежь не осмеливалась носить. Шокирующе выглядели огромные «хороводы» группировщиков на танцплощадках по всему городу в конце 70-х, даже на университетских дискотеках. Те, что постарше, были уже в меховых шарфах и меховых шапках местного производства. Не снимая их, вставляли в круг на весь зал и переминались с ноги на ногу – таков был их ритуальный танец. Никто не смел войти в этот круг. Потом появился новый ритуал: они стали строиться в колонну по четыре и исполнять «квадрат»: шаг назад, шаг вперед и после ленивый выброс ноги вверх. Жутковатое было зрелище.

Они заполнили все рестораны и более-менее приличные кафешки. Удручало, что и студенты начали перенимать их стиль и идиотскую походку «пингином».

«МОТАЛЬЩИКИ» И «ЧУШПАНЫ»

Весь город был поделен на сферы влияния. Под контроль были взяты даже техникумы и профтехучилища. Туда не смели поступать ребята с враждебных территорий. Как правило, враждовали соседствующие группировки, а союзы заключались с отдаленными. Пройти через вражескую территорию безнаказанно было нельзя. Выехать в центр города тоже: обязательно наткнешься на «врагов». Везде и всегда можно было встретить группы по 10–15 «мотальщиков», куда-то целенаправленно двигавшихся чуть ли не строем.

Когда подростки ехали на учебу в отдаленное учебное заведение, подконтрольное дружественной

группировке, нередко по пути автобусы и троллейбусы закидывались металлическими шарами. В итоге дело кончилось тем, что для большинства выпускников школ возможности для продолжения образования были резко ограничены. А из других городов вообще перестали приезжать абитуриенты.

Да и в школу ходить нормальным мальчишкам было некомфортно. Был такой презрительный ярлык для тех, кто не «мотался» – «чушпан». Такие были «вне закона», с них требовали регулярную денежную дань. Они спокойно не могли выйти прогуляться. Обязательно остановят и спросят: «Мотаешься?». По «кодексу» группировщиков, если тебя остановили «враги», ты должен честно сказать, за кого мотаешься и получить свое. А если соврал, что не мотаешься, побьют свои. Кстати, между враждующими группировками шел обмен соответствующей информацией, в том числе и в ходе встреч их главарей в ресторанах. Такие факты были зафиксированы милицией.

Ближе к 90-м появилась прослойка «пишущихся». Эти не состояли в группировках, но манерами подражали их участникам, даже рисовали на стенах названия группировок в сочетании с трехконечной короной.

Большой резонанс вызвала серия убийств в массовых уличных драках середины 80-х. Били обрезками арматуры по голове. Поэтому новым элементом зимней «формы» стала суконная шапка-ушанка с овчинной оторочкой, наглухо завязанная под подбородком.

Скрывать это стало уже невозможно. В Казань перестали приезжать школьные экскурсии...

А.А.: Групповые драки стали возникать в местах массового отдыха – в ЦПКиО им. М.Горького, на Лебяжьем, в Зеленом Бору, Матюшино, на Светлой Поляне. В лесопарковых зонах появились тренировочные лагеря группировок.

Особенно запомнился случай на озере Глубоком в январе 1987 года. К парному кавалерийскому наряду на Лебяжьем подбежала женщина и сообщила, что на противоположных сторонах Глубокого собрались агрессивные группы молодежи. Кавалеристы сообщили об этом по рации в дежурную

«КАЗАНСКИЙ ФЕНОМЕН» В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ О ПОДРОСТКОВЫХ ГРУППИРОВКАХ

Теме подростковой преступности и, в частности, хулиганских группировок в Казани в последние два-три года посвящено немало газетных публикаций. Если внимательно просмотреть все эти статьи в хронологическом порядке, начиная с 1986 года, можно выявить такую закономерность: число их возрастает чуть ли не в геометрической прогрессии и достигает пика к 1988 году, с лихвой заполняя таким образом вакуум многолетнего умолчания проблемы, будоража общественное мнение коих-статацией: оказывается, подростковая преступность есть и с ней нужно что-то делать. Затем в общем потоке «подростковых» публикаций происходит качественный перелом, некоторая сенсационность, обличительный пафос постепенно уступают место трезвым рассуждениям на предмет «кто виноват?» и «что делать?». Выступления журналистов на симпозиумах и в печати дополняют теоретики и практики в области пра-

ЛИНИЯ ФРОНТА ПРОШЛА ЧЕРЕЗ ПЛОЩАДЬ СВОБОДЫ

Я просил журналистов не ограничиваться «чернухой», а копать в поисках социальных корней. Что милиция только тушит пожар на торфяном болоте и ставит примочки на нарывы организма, пораженного метастазами. А об этом тогда еще не писали...

Появились публикации таких серьезных журналистов, как Юрий Щекочихин из «Литературной газеты», который первым заявил, что «казанский феномен» – это общероссийское явление, просто в Казани его изучили и смело об этом написали. Вышла одноименная книга казанского журналиста Любови Агеевой... Затем подтянулись и ученые.

А до той поры считалось, что одна милиция должна решать проблему, которая была социальной. Ну, на комсомол еще было принято пенять. У рядовых граждан складывалось впечатление, что милиция бездействовала. Ее же тогда не слушали, а в период расцвета гласности на нее вообще повесили всех дохлых собак. Поэтому она и не высывалась.

К тому же на городском уровне не было системы аналитики, ею не принято было заниматься. В МВД были отдельные светлые головы, такие, например, как Савелий Тесис, Александр Авдеев, Евгений Гатцук. Они пытались обобщать и выработать систему мер.

Прекрасно все знали директора ПТУ, школ, они сигнализировали, что подростки не могут ходить на занятия...

Самые громкие звонки для власти я связываю с несколькими случаями, когда «линия фронта» прошла прямо перед зданием обкома КПСС. Однажды прямо в сквере на

площади Свободы «рабочеквартальцы» закидали обломками кирпичей тусовавшихся здесь «тельмановских». Я прибежал туда из горкома комсомола, но оставалось только осмотреть усыпанный красными кусками сквер. А потом неподалеку, на тишайшей и ухоженной улице Большая Красная, по которой высшие партийные руководители пешком возвращались домой, на глазах одного из первых лиц обкома КПСС стая подростков налетела на паренька...

ПЕРЕЛОМ В СОЗНАНИИ ВЛАСТЕЙ

И совсем идиотская история была весной 1984 года, когда вся педагогическая общественность и родители были в панике из-за слуха о готовящемся нашествии... «панков». Они якобы должны были приехать в день Пасхи из западных городов Советского Союза и убивать всех подряд. А группировщики Казани перед лицом внешней угрозы якобы заключили между собой мир и собрались выступить единым фронтом. Говорили, что вместе с мотальщиками будут одеты так же, как они, сотрудники милиции...

Сначала власть отмахивалась, но под давлением директоров учебных заведений даже КГБ был вынужден заняться поиском распространителей слухов. Мне удалось встретиться с одним из «источников» в подпольном (в прямом смысле слова) тренажерном зале. Этот «качок» рассказал, как повстречал на вокзале человек 20 панков из Киева. После моих подробных расспросов байка рассыпалась.

Какая глубинная задача была у распространителей этого слуха, осталось загадкой. Но факт – в вечер перед Пасхой город обезлюдел. Улицы патрулировались всем личным составом милиции и сотнями

окодовцев. То и дело в дежурную часть звонили граждане, сообщая о появлении больших групп молодежи. На самом деле это были окодовцы... В эту ночь не было зафиксировано ни одного уличного преступления. Естественно, никаких «панков» и в помине не было.

Мне показалось, что именно с этого времени наступил коренной перелом в сознании властей. Начали проводить совещания, осмысливать явление. Сначала накручивали правоохранителей, потом педагогов, затем стали взывать к общественности... Наконец явление назвали своим именем.

«ЧЕРНЫЕ СПИСКИ»

Предметная работа пошла, когда были составлены списки группировок – всего их было 70–80, в том числе крупных и агрессивных – где-то 15. Потом появились списки активных участников. Лично мне в горкоме комсомола для работы дали «черный список» из трех тысяч человек с адресами, местами работы, учебы. Я должен был закрепить за ними «шефов-комсомольцев» – та еще была благоглупость! Но не пересажать же все три тысячи?

Я объехал практически все ПТУ и техникумы города, побывал в десятках школ, во всех инспекциях по делам несовершеннолетних... Не забуду никогда встречи с растерянными педагогами и с разъяренными родителями мальчишек, которых приходилось провожать в школу и встречать...

Милиция сосредоточилась на выявлении лидеров группировок, которые старались оставаться в тени. В районах города были созданы неофициальные сводные формирования правоохранительных органов под названием «Лидер». Была проведена большая и тонкая работа

с привлечением агентурной сети. Выявили около трехсот главарей. Но тогда еще не было законодательства об организованной преступности. Тем не менее, силовики почти всех их пересадили – по разным статьям, в том числе по которым раньше суды давали зачастую условные сроки.

А.А.: До этого уголовные дела по групповым дракам не возбуждались. Задержанных привлекали к административной ответственности. Во время групповых стычек задерживались в основном подростки, и в их отношении прокуратура процентов на 80 отказывала в возбуждении дел, находя в их действиях только признаки мелкого хулиганства. Это было от непонимания остроты обстановки, да и сказывалось нежелание портить статистику детской преступности.

Тоталитарная система еще работала, административный ресурс, когда надо, был мощный. Суды назывались правоохранительными органами, а не органами правосудия. Им были даны соответствующие рекомендации. Судей и прокуроров приглашали на межведомственные совещания по этой теме, чтобы прониклись общей задачей.

Надо отдать должное, в целом для молодежи стало многое делаться: повсеместно во дворах за счет предприятий создавались спортгородки, хоккейные корты, в жилых массивах работали подростковые клубы с кружками по интересам. Всем дворцам, домам культуры и ведомственным клубам строго предписано было проводить по выходным дискотеки. Я сам ездил по вечерам

по всем танцполам города, и если где клуб был закрыт, руководство завода получало от парторганов нагоняй. Помню, как инструктор Кировского райкома КПСС Александр Барышев брал меня с собой на подворовые обходы, а наутро поручал обзванивать директоров предприятий на счет непорядка на их подшефных площадках.

Другое дело, что многими плодами этим благих дел пользовались в своих целях группировщики. Скажем, хоккейные корты стали местом их сбора и драк, благо оружие – клюшки – всегда при себе...

В целом, уже не только силовики, но и предприятия, организации были вовлечены в системную работу. Заниматься начали так, что к нам стали приезжать делегации со всей страны перенимать опыт, так как везде была проблема групповой подростковой преступности. Просто в других регионах ее продолжали замалчивать.

ТОРФЯНОЕ БОЛОТО ПО-ПРЕЖНЕМУ ДЫМИТ

На спад «казанский феномен» пошел с 90-х. Новый всплеск прогнозировался где-то лет через семь, когда основной костяк главарей, еще более заматеревших, должен был выйти после отсидки. Но так совпало, что в это время стал активно развиваться частный бизнес, и организованный преступный мир переключился на коммерсантов. Сначала крышевали, рэкетировали, потом сами занялись делом. Этим ребятам уже не нужны были уличные разборки, и они практически были прекращены. Дворовую братву, «пехоту» привлекали к своим делам.

Сформировался тот самый образ «нового русского» со специфическими манерами. Им совершенно не нужны были психопатические личности, девианты, лишний шум.

Главари стали стремиться в депутаты, и не только для получения иммунитета от уголовного преследования, а чтобы «решать вопросы».

Сегодня опять появились опасения, что «казанский феномен» может вернуться, и уже есть симптомы. Любой кризис, ухудшение жизни населения, безработица на фоне резкого расслоения общества дают такие предпосылки. Но все-таки ситуация у нас заметно улучшилась по сравнению с теми годами. И если ОПГ вернутся, они будут технологичными, более продвинутыми. Примитивный же бандитизм идет от мигрантов, которые не связаны ни с территорией, ни с местными устоями.

А.А.: МВД Татарстана училось работать в условиях массового появления оголтелых преступных сообществ. Мы дали всей стране методику работы в этой сфере. Основная масса ОПГ была разгромлена только в начале 2000 годов при министре внутренних дел республики Асгате Сафарове. Но это – процесс без конца. Мы рубили одну голову, а вместо нее вырастали две, причем часто еще более наглые.

Проблема до сих пор острая. Сейчас вновь возрождаются группировки, в том числе и в школах. Теперь они уже контролируют ночные клубы и прочие подсобные заведения. Боятся, что это бомба замедленного действия, и ее фитиль еще не выдернут. Поэтому не надо расслабляться. Опыт борьбы есть, надо им постоянно пользоваться. ■

► Айсылу Хафизова

Я ХОЧУ НАВСЕГДА ЗАБЫТЬ О КРИМИНАЛЕ И СНИМАТЬ КИНО!

В тот момент, когда правоохранительные органы нашего региона всерьез взялись за подростковую преступность, а московские журналисты назвали происходящее «казанским феноменом», наш собеседник был в «зоне риска» – ему было 15 лет, он жил в Казани, занимался спортом и, как каждый уважающий себя подросток, умел постоять за себя... и за своего друга. Когда он вышел на свободу, в стране уже был другой строй, а «улица» жила по совсем другим законам.

фото Маринны Усольцевой

Ильхам Сафиуллин – продюсер полнометражного игрового татарского фильма «Трехногая кобыла», а также исполнитель одной из ролей в ленте. Презентация проекта состоялась 19 октября 2008 года в пресс-центре IV Казанского международного фестиваля мусульманского кино «Золотой минбар». Родился в Казани 26 февраля 1961 года.

– Ильхам, когда вы впервые соприкоснулись с подростковой преступностью?

– Случилось так, что мы с родителями переехали из интеллигентного района в более криминальный. Мне тогда было лет 15-16. Тогда он назывался Ленинским, а потом стал Московским. В таких районах преступность превышала все показатели, и люди уже с детства готовы были идти в лагеря. Когда уже знаешь, что посадили твоих сверстников, кого-то из школы, кого-то из училища. Тогда уже начинали в школах собирать на «общак», то есть, собирать на лагерь, так называемый «грев». И тогда уже потихонечку стало входить в моду каратэ. Если парень ходил на эти тренировки, автоматически считалось, что он состоял в так называемых группировках. Я думаю, что это было своего рода братство, эти люди по духу своему выбирали себе подобных. Навыки и умения приложить было негде, а им нужно было проверить свою силу. И вот, эти ребята потихонечку стали забирать себе места на танцплощадках, например. Это конец 70-х. И мне не раз попадало от «теплоконтролевских» парней. И это были серьезные ребята. Занимались все. Не курил никто, не говоря

фото Марины Усолцевой

уже об алкоголе. В то время у меня уже были приводы в милицию за мелкое хулиганство, мальчишеские проделки. Я переехал в Ленинский район, и в первый же день мне сделали «прописку», как в малолетней колонии. Меня избили очень хорошо, надели на мою голову раму оконную. Стекло, конечно же, разбилось. После этого я перестал ходить в эту школу, я очень сильно испугался. И я обратно вернулся в свою школу, но так как были документы уже в новой школе, получилось, что я несколько лет не учился. Я жил в теплушках со своими товарищами.

– Как реагировали родители?

– Бегали со всей родней по всему городу, меня искали. С братьями своими, сестрами, их девять человек, мужа еще их. Они меня очень

любили, до сих пор любят. Потому что я ведь был необычным ребенком. Я не понимал, как можно жить в рамках, почему нельзя выходить на улицу. Пятилетним мальчишкой я заходил в автобус, говорил водителю, что мой дядя – водитель автобуса, правду говорил, и доезжал, куда мне нужно. Я объезжал всех родственников и возвращался домой. Меня уже многие знали.

– Чем же закончилась история с «бегами»?

– К моменту окончания школы все были очень рады, что я ушел, так как я в школу вообще не ходил. Я попал в училище – только там по тем временам можно было получить водительское удостоверение. Это же советское время! Права были нужны, чтобы попасть в автобат, там

не так прессуют. В то время дедовщина сильная была, не понятно, почему это творили – свои же пацаны своих же избивали страшно. В училище нужно было отучиться 3,5 года после школы. И еще ты подписывал контракт на два года – обязательная отработка на буровой, только после этого ты можешь получить права. Вы себе не представляете – это по 300 метров бурят, такие штанги там тяжелые, в Сочи, еще где-то.

Остается мне полгода до окончания. А я мотокроссом занимался. У нас соревнования – первенство Поволжья и Урала. Все гонщики с собой отвертки таскают – это в зажигании ковырять, чтобы правильное воспламенение было. Я в ту осень получил уже повестку на уточнение – это когда ты приходишь в военкомат, и тебе называют дату, когда тебя будут забирать. Меня должны были забрать в Афганистан. Тогда всех туда забирали, это 80-й год.

– Но училище окончить и поехать в Афганистан вы уже не смогли и попали за решетку?

– Да, я, защищая своего товарища от демобилизовавшегося десантника, совершил непреднамеренное преступление. Я не мог этого принять, как будто все это произошло не со мной. Я решил потом разбиться на мотоцикле и очнулся в больнице. Потерял зрение, дней пять ничего не видел. Я лежу и слышу – мама ходит, милиция. Они говорят, что я, похоже, слышу их. Мама взяла меня за руку. Велела рассказать все, что произошло, дать признательные показания, чтобы оформить явку с повинной. Дня через четыре я стал различать силуэты, и меня перевели в тюремную больницу.

А в той больнице лежат люди, которые, как правило, уже очень давно находятся в изоляции. И они знают,

что больница – это полуволя. Там питание хорошее, там отношение к тебе хорошее, там можно встретить хороших людей. Для кого-то они не хорошие, но по лагерным меркам это хорошие люди, достойные. Их стараются держать изолированно. И я, слепой, попал к ним. Там же веры нет никому, один даже кидал меня, помню, пинал меня, проверял, действительно ли я не вижу. И так получилось, что здесь оказался мой сосед. У моей бабушки он когда-то деньги занимал, ее ровесник, тридцать с чем-то лет уже сидит. И он мне стал объяснять, как надо жить в зоне. Этот дядька старый меня обучил первым азам. Я там пробыл не больше месяца. И после этого меня перевели сразу в карантин.

– Что означает карантин в данной ситуации?

– В ИВС (*изолятор временного содержания – прим. ред.*) сначала везут, отдел с тобой разбирается, трое суток держат, с тобой разбирается управление, есть ли к тебе какие-то претензии, помимо этого преступления. Пропускают через сито, и только после этого ты попадаешь в СИЗО (следственный изолятор – прим. ред.). И потом попадаешь в камеру на двадцать спальных мест, а сидит там 80 человек. Они стоят по очереди, лежат, где только можно лежать. Там не лежат достойные люди, они стоя будут спать. Бывает, что все достойные оказались, вот, все стоя и спят. Ты спишь немного, потом уступаешь место другому. И он так же. По очереди спят, по очереди едят. Не каждому еще за стол можно сесть. Там уже начинается своя жизнь. Ты по своим правилам не живешь.

Когда меня привели туда, конечно, был шок. Был запах. Страшнейший запах горя, мочи и страха. У всех

лица были, как в море. Даже хуже. Они ждали, что откроется дверь – и это свобода. И когда новенький заходит, представляете, сколько глаз на него смотрит! И все от него что-то хотят. Я зашел и сел за стол. Меня научили так – надо сесть за стол и поздороваться со всеми. И все. Как будто я домой пришел. Прошли час-полтора, принесли обед, и за стол садятся именно те, кому положено. И если в «хате» 80 человек, то за столом сидит, наверное, четыре человека. И еще с ними те, кто им шестерит. И человек 12, кто держит всю эту «хату». После того, как они поедят, за стол садятся все остальные.

Эти четверо встают, идут к столу и мне говорят: «Нифига! Ты тоже здесь?!» Оказалось, что мы знакомы. Потому что в то время уже зарождались свои группы в районах, были парни, которые за район ходили драться или договариваться. Район не был бесхозным. И они оказались моими знакомыми ребятами, которые в то время так же, как я, ездили уже на «Явах», которые могли себе позволить выехать из района и обратно вернуться живыми и здоровыми. И в то же время мотоцикл был одним из показателей, что ты имеешь какое-то отношение к определенным кругам. Эти ребята тоже были «явистами», и мы друг друга знали до того, как попали сюда. Я уже имел «уличное» имя. Говорят, что это кличка, но это никак не кличка. Это имя человек себе зарабатывает на улице, оно не так просто прилипает. И я остался за этим столом.

– А если бы среди них не оказалось ваших знакомых?

– Это огромная удача, если ты попал туда, где есть люди, которые тебя знают. Потому что они на 90 процентов на себя берут ответственность за

то, что ты не сделаешь каких-то запрещенных вещей. А если их не будет, человеку самому придется все это пройти от начала и до конца. Как он это пройдет, мы не знаем. Может быть, в эту же минуту все и закончится. Его может кто-то узнать, сказать: «А я ж тебя знаю!», и все, и отсюда ты уже не выйдешь. Не успеешь даже добежать. Все может произойти. Я же не знал, что они там сидят. А вдруг бы сидел какой-нибудь враг мой, которого я где-то обидел, а их много. И все. Тюрьма спишет любого.

В том лагере была одна жизнь. Потом меня вывезли в другой лагерь. Там началась уже другая жизнь. В каждом лагере своя жизнь. Так же, как и в любом отряде. В каждом лагере есть несколько отрядов. В каждом отряде по сто человек. Они делятся на четыре бригады. В каждой есть свой бригадир, который водит на работу, на зарядку, как погонщик стада, даже в туалет. Обязанность бригадира – сдать всех. Если не сдаст, его там никто не будет держать. И в то же время есть трудовые зоны, где следят только за выполнением плана. Зона должна выпустить определенное количество продукции, она сама себя кормит, не на дотациях сидит. В этих зонах бригадир отвечает только за поставленную задачу. Там уже другая жизнь. Если есть план – можешь быть каким угодно, главное – выполнить план. Представляете, приезжаешь с зоны, где в тапочках нельзя выйти даже из подъезда. Три раза вышел – тебе два года срока дают. За что?! За тапочки! «Неповиновение» – 188-я статья. И вот, ты приезжаешь в Альметьевск! Е-мое! На тракторах, в грязи, спят в чем упали, лежат пачками. Утром на работу идут одуревшие. План! Если нет плана – бугры урюют. Там каторга.

– А в то время «на воле» «казанский феномен» был в самом разгаре...

– А что такое «казанский феномен» в вашем понимании?

– Организованная преступность.

– «Феномен» никогда не был организованной преступностью. Организованная преступность пришла тогда, когда люди стали получать деньги. За то, что они ничего не делали, а находили цеховиков, которые не платили налоги. Они их обкладывали своей данью, которая называлась «за боюсь». С них сначала брали 10-15 процентов. А когда стали просить больше, цеховики побежали в милицию, а те их приняли с распростертыми объятьями, и после этого начался беспредел с обеих сторон. Потому что столкнули братву с братвой. Это были не иностранцы, это были те же ребята, которые жили в том же дворе, учились в той же школе, ходили в те же столовые, ездили на тех же трамваях и автобусах. И они друг друга убивали. За что? По сей день никто не знает. Тогда, кроме «Тяп-ляпа», никого и не было, так хорошо организованного. Еще были «ново-татарские», потом были «соцгородские» в Ленинском районе и были «тукаевские». Вот, наверное, и все. Остальные были – ну так, ребята с нашего двора.

– Есть версия, что все это было именно хорошо организовано, делали это знающие люди, и подготовка бойцов была чуть ли не профессиональной.

– Это все бред! Я готов ответить за каждое свое слово. Я не думаю, что кто-то может сейчас рассказать, как все это развивалось. Этих людей в живых-то нет. Молодежь чем-то надо было занять. Эта масса

людей, которая была брошена на произвол судьбы, потому что родители с утра до ночи работали, родители не следили за этими детьми, а дети росли, как сорняк. Не получали музыкального образования, не читали книг, они жили как дворняжки – что поймали, то сожрали. А большинство воровало, что плохо лежит. Потому что у них ничего не было, ничего. Все, что было у них, это то, что они своровали, взяли поносить, отняли. У нас такое было в детстве – у всех в кармане была мелочь, которая оставалась от разных поручений, когда родители посылали тебя в магазин за продуктами. Оставалась какая-то мелочевка. Тогда это были деньги, можно было уже мороженое купить за 6 копеек. И кто был постарше, они оставляли мальчишек и заставляли прыгать. Это называлось «шакалить». К нему подходили: «Деньги есть?» – «Нет» – «Подпрыгни». Пацаненок прыгал, а мелочь звенела. И за это их уже били. Большинство, конечно, говорило, что деньги у них есть, потому что по-другому никак.

– Тогда кому и для чего все это было нужно?

– Просто силу собирали, которую хотели применить в первом оброке, что ли. Чтобы понимали, что хорошо живут верхи, а низы ничего с этого не видят. Те же верхи, сообщив, что можно получать низами, они эти низы тихонечко и запустили, потому что все, все равно, приходило наверх, и они могли разрулить ситуацию.

В городе по тем временам было две сильные группировки. Это «Тяп-ляп» и «Строительный институт». Там был такой Шашурин, который тренировал ребят этих, студентов. Они были со всех районов, жили в общагах. Почти все были

здоровые, накормленные, сытенькие. Все остальные в других районах были доходяги, они не знали, как ударить, только умели пинать по футбольному мячу. А эти пришли, здоровенькие мальчишки, большинство после армии, и Шашурин их тут тренировал. Они занимались каратэ. Те, что могли дать отпор – только шашуринские ребята. Все. Больше с «тяп-ляповскими» один на один никто не выходил. Но когда были перестрелки, «новотатарские» им давали отпор. В то время они могли себе позволить сесть на автобус, так как автобусные парки были рядом, шоферы никуда не могли деться, потому что могли получить по башке, это такие же молодые ребята. Они садились на эти автобусы, подъезжали, оставляли их, ровненько бежали, потому что знали: дисциплина – это залог успеха. Забегали в любой клуб, где шла дискотека, роняли как можно больше народу, потому что они были хорошо подготовленные, каждый знал, куда попасть, это отработывалось до автоматизма. Один человек мог уронить сразу троих. Сразу! И они потом садились в автобус и исчезали. Какая организация была. Кто это делал? Оно стихийно произошло.

«Тяп-ляповские» все сели по 77-й – «бандитизм». До того эта статья применялась лишь в послевоенные годы. И после долгого периода тишины она впервые была вновь применена именно тогда. К «Тяп-ляпу» относились Павлюхина, поселок Мирный и сам район завода «Теплоконтроль». По тем временам не было никакого «Хади Такташа», это были обычные ребята, которые могли поиграть в хоккей в соседней коробке. А вот когда я уже попал в тюрьму, тогда-то и началось самое страшное. За что они

дрались, я не знаю. Я сейчас их могу позвать, они чуть младше меня, им сейчас за пятьдесят. Они и сами не понимают, как это получилось. Шарами, цепями, кто это породил?

– К моменту вашего освобождения все уже было по-другому?

– Когда я вышел, начали «кидать» продавцов машин, придумывать игры, появились наперсточники. А потом поняли, что можно получать с тех, кто возит товар. И каждый нашел тех, кто зарабатывал. Они на них сели и стали крышей. Если кто-то другой приходил, они говорили, что нет, мы уже здесь. Если при коммунизме все было общее, то потом люди вдруг поняли, что это все принадлежит им. И они могли зайти к директору завода и сказать, что это завод их. В любое место ткни, и мы найдем, какая группировка крышевала какой завод. Снаружи все было так же. Люди стали собираться стаями, по двести, по триста человек. Просто чтобы показать, что они – сила. Опять же, закрылись все заводы. Все позакрывалось, этим людям некуда было идти. И они выходили на улицы и занимались криминалом – не будешь же постоянно у мамы просить денег и в холодильник заглядывать.

– Был ли шанс у рядового «бойца» подняться? И если был, то какой?

– Всегда. Их видно. Все живут в стае. Каждого видно, на что он способен. Это не государство – стая.

– А какие поступки нужны, чтобы подняться?

– В первую очередь – не предать, когда возьмут тебя в милицию, ты должен сразу зашить себе рот, а это редко кому удается. По крайней мере я таких единицы знаю. Все

остальное само разрулится, если рот зашит. По сути наша милиция занималась не криминалом. Мы же не Колумбия какая-нибудь. Это все придумано. Это обыкновенные ребята, которые хотят сытно есть, гулять с красивыми девочками.

– Чего нельзя делать?

– Ни у кого ничего не просить. Никогда. Но это наживается на своем горбу, пока ты сам не столкнешься с этим, все это пока слова. Крысятничать нельзя. У своих воровать. На жен чужих нельзя смотреть, это табу. На жен своих друзей особенно. Знаете, наш разговор всколыхнул все эти воспоминания, которые я хотел бы оставить в прошлом. У каждого свой рюкзак. У каждого. Есть какие-то дни, часы, месяцы, не знаю, за которые мне очень стыдно. Очень стыдно, что я прожил их именно вот так. Но, в общем, смотря на тех людей, которые родились так же как я, заняли посты, я не вижу разницы. Никакой разницы, что их дорога, что моя. Мне очень хотелось, чтобы я после себя оставил след. След. Я наследил и, видимо, даже напачкал где-то, сейчас я это подметаю и хочу после себя оставить что-то, например, кино, которое я вижу вот так.

– От каких ошибок вы бы предостерегли своих детей?

– От наркотиков. От них нужно бежать, потому что все это дорога в никуда. Не обсуждается.

– Если говорить о кино, один режиссер проводил кастинг на роли в фильме о «казанском феномене», но найти таких было сложно – у современных парней лица другие...

– Это будет пародия на 90-е, потому что у них даже зубы вставные, они сейчас метросексуалы, ушки, как у девочек, носики, губки,

взглядики, в них стала присутствовать женственность. Раньше за это били, и прежде чем парень что-то сделает, он соображал 20 раз. Он не мог на другую улицу пойти, он не мог без спроса старших что-то сделать. Эти ребята, они даже не технари, непонятное стадо. Общество потребления растет. Я считаю, мужчина должен быть мужчиной. От него должно вонять охотником, а не жертвой.

– Но вы же любите красивую одежду, дорогой парфюм?

– Я в принципе одеваюсь для вас, чтобы показать вам: одежда это в первую очередь ваше лицо. Я слежу за тем, в чем я выхожу на люди, и людям это нравится. Если бы каждый это делал, мы поднимали бы друг другу настроение. А что эта серая масса? Куда ни взглянешь, везде все онкологией болеют, а в голове-то вскрыешь – только денег им надо. А кроме денег же еще что-то есть.

– Именно поэтому вы решили начать снимать кино?

– Да. Мы сейчас работаем над очередным проектом, у него малюсенький бюджет, но я хочу посвятить его нашим мамам, бабушкам, татарской женщине. Я собрал ту же команду, которая снимала фильм «Трехногая кобыла», Влада Петрова, Эдуарда Ситдикова, тех, кто с ними работает. Рабочее название проекта «Марьям». Году в 2010-м мы сняли небольшой демо-ролик к фильму, в нем снялась актриса театра Камала, педагог Казанского государственного института культуры Флера Хамитова. И даже короткий ролик оказался очень трогательным, люди стали спрашивать, где и когда можно увидеть фильм. Мы попробуем. Дорогу осилит идущий. ■

фото Марины Усолицевой

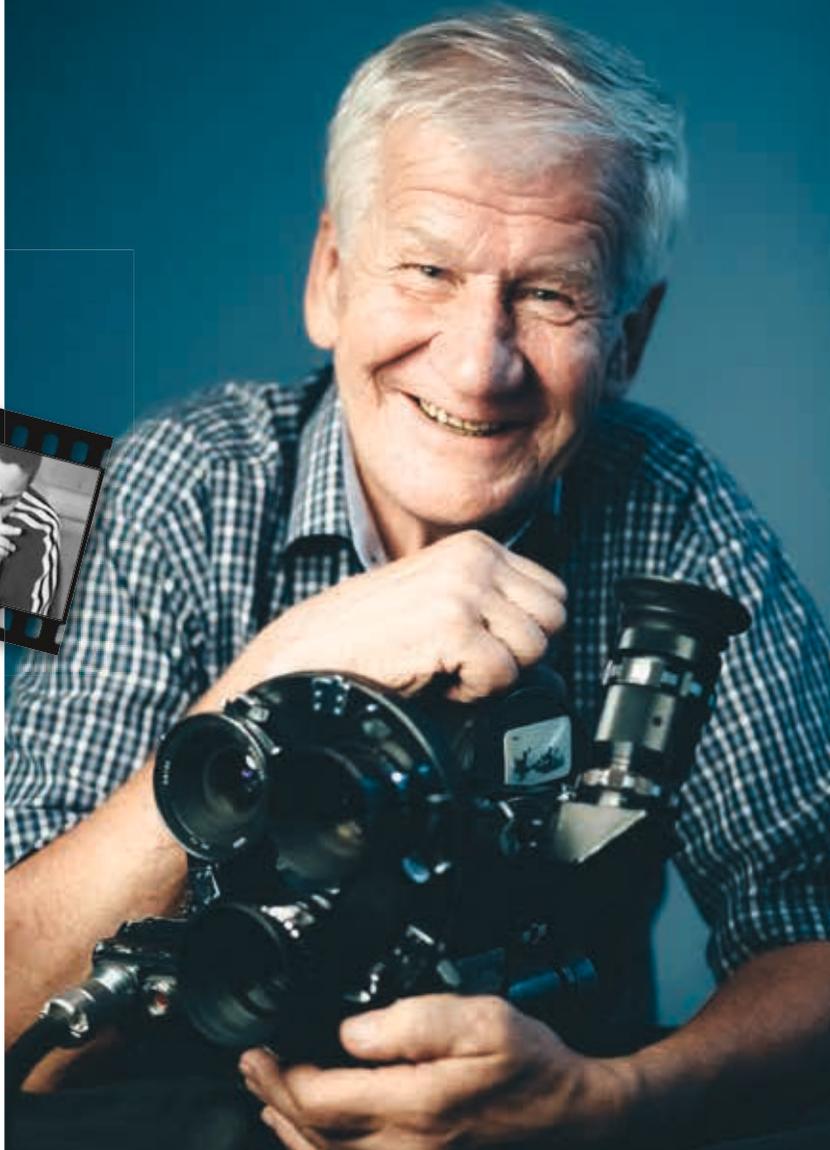
► Ольга Голыжбина

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ: «Я не спрашивал, за что они сидят»

Легендарный казанский кинооператор поделился с нашими читателями воспоминаниями о работе над знаменитыми документальными фильмами о подростках, преступности и ее последствиях.

фото из личного архива Николая Морозова

Николай Алексеевич Морозов родился в 1947 году в городе Иман Приморского края. Учился в КАИ. В 1974 году поступил во ВГИК. Снимая учебные работы, познакомился с режиссером Робертом Хисамовым, с ним образовался творческий тандем на долгие годы.

В 1986 году Николай Морозов и Роберт Хисамов обратились к теме подростковой преступности и сняли серию фильмов. Оценки были неоднозначными. В Казани фильмы многие ругали. Высокую оценку лентам дал Ролан Быков. Неоднократно обращались к ним создатели телепрограммы «Взгляд», приглашали авторов на свои передачи. За эти острые публицистические документалки казанские кинематографисты в 1987 году были награждены премией МВД СССР.

Сейчас Николай Морозов – директор продюсерского центра «ИМАН фильм», член Союза кинематографистов РТ и РФ, заслуженный деятель искусств РТ. Доцент кафедры киноискусства факультета кинематографии и телевидения Казанского государственного института культуры. Заслуженный деятель искусств РТ, почетный сотрудник МВД РТ, награжден нагрудным знаком Министерства культуры РТ «За достижения в культуре» и медалью «За доблестный труд», которую получил первым среди кинематографистов Татарстана.

Время, когда более шестидесяти (по некоторым данным, до ста двадцати – прим. ред.) молодежных банд разделили Казань на зоны влияния и «подвинули» многие государственные институты, руководствуясь принципом «нас боятся – мы хозяева», не могло остаться незамеченным не только писателями, но и кинематографистами нашего региона. Да, и в ТАССР в 80-е умели снимать кино. Прославленная Казанская студия кинохроники, будучи подразделением Минкульта СССР, производила киножурнал «На Волге широкой» с настолько качественной «документалкой», что ее показывали в каждом кинотеатре Поволжья на протяжении многих лет. В основном фильмы были посвящены нефтехимии Татарии и Мордовии, освоению целины и выращиванию кукурузы, но в 1987 году Казанская студия кинохроники начала выпускать несвойственную ей продукцию. Оператор Николай Морозов и сценарист Роберт Хисамов создали серию документальных фильмов о подростковых группировках – «казанском феномене», который много лет будоражил весь Союз. Эти документалки были растиражированы тысячами копиями по всей стране, фильмы и отрывки из них до сих пор то и дело всплывают на федеральных телеканалах.

Принято считать, что Морозов с Хисамовым сняли трилогию: «Пустота», «Страшные "игры" молодых» и «Крик. ПТУ не с парадного подъезда». Каждый из получасовых, разумеется, черно-белых фильмов откровенно рассказывает о времени беззакония, безнаказанности и безысходности для малолетних отморожков, захвативших власть на улицах города. Все три фильма – шоковая терапия для советских

граждан, не привыкших к такому визуальному ряду. В картинах Морозова-Хисамова и шока, и насилия – с лихвой.

Первой и неудачной попыткой Николая Морозова обратить внимание людей на набирающее все больший вес явление стал добрый и несколько наивный фильм «Зовет страна Апрелия», созданный в 1986 году. Его, кстати, оператор снимал без своего сценариста Роберта Хисамова.

О том, как операторской группе удалось отснять драки «стенка на стенку», изуродованные тела 14-летних школьников, свернувших не на ту улицу, и спецлагеря для несовершеннолетних убийц, рассказал сам автор серии. Как он сам себя называет, «режопер» (на самом деле – оператор, режиссер, постановщик и еще много-много слов через запятую), легенда казанской документалистики Николай Морозов.

Нашего героя мы, к своему большому удивлению, нашли в подсобке Городской клинической больницы №18 на Горках. Там у оператора сохранилась маленькая студия, или, скорее, штаб-квартира, заваленная горами старых документов, архивных файлов и километрами пленки. В середине 80-х годов при больнице вполне официально существовало сразу несколько съемочных групп во главе с Морозовым, весь немаленький коллектив занимался съемкой учебных видео по эндоскопии. По ним тренировались делать уникальные операции во всем СССР. Ролики, к слову, до сих пор востребованы, а оператора, как он сам говорит, «так никто оттуда и не попросил».

– Николай Алексеевич, почему вы взялись за эти фильмы? Эта тема как-то затрагивала вас лично?

– Я бы не сказал, что я прямо в лоб столкнулся с этим, только понаслышке знал про «Тяп-ляп», беду «Теплоконтроля» (первая ОПГ, появившаяся в Казани в середине 1970-х годов – прим. ред.). Целая категория людей, я бы даже сказал, большинство, не пересекались с этой проблемой и не догадывались о ее масштабах. Мнение о том, что все это в 80-х было на поверхности, абсолютно не верно. Писать об этом запрещали, все держали в секрете до последнего. Взрослые люди практически не соприкасались с этим явлением, а если и соприкасались, то думали: ну и что, подумаешь, пацаны по району бегают, и мы бегали и собирались. Когда я узнал об этом и понял, что это за страшное явление, тогда и захотел рассказать о нем людям. А узнал я об этом очень интересно: первый судебный процесс, который проходил в Казани над ОПГ – это закрытый суд над «Тяп-ляпом». Он проходил в следственном изоляторе №1, никакой прессы и посторонних. Единственным, кто туда проник и слушал все это, был Роберт Хисамов. Он и рассказал мне все.

Мой сын Кузьма на тот момент учился в старших классах. Когда я понял, что это существует, я понял и то, что этим делом надо заниматься, что я не допущу подобного со своим сыном. Я не просто встречал Кузьму из школы, я приходил домой к пацанам, которые были завязаны там, и говорил: «Если ты еще раз к моему сыну подойдешь, я твою башку об эту лестницу разобью». Моя жена была настолько встревожена, что была готова сделать то же самое. Не за каждого же мальчика так могли заступиться, надо было в это дело окунаться, тут и Хисамов оказался в теме, процесс закипел. И цензура нам не помешала, тут нашла коса на камень – на Морозова. Первый фильм был для разгона.

– Как вы получили одобрение руководства на эти съемки, если все так тщательно скрывалось?

– Эти фильмы – даже не кино, это все – часть киножурнала «На Волге широкой». Никто бы мне не разрешил снимать такие фильмы. Вроде как киножурнал, значит, узкий просмотр в своей деревне, никуда не вылезет и нигде афишироваться не будет. Откуда же они могли знать, что фильмы станут так известны.

– Мы уже выяснили, что фильмов все-таки было четыре. Почему «первую пробу» «Совет страна Апрелия» – признали неудачной? О чем была кинолента?

– У бардов в то время было такое движение «Остров Буян», движение серьезное – своим членам они давали «бардбилет», у него была своя жизнь, свои деньги. Я очень много общался с бардами в то время и,

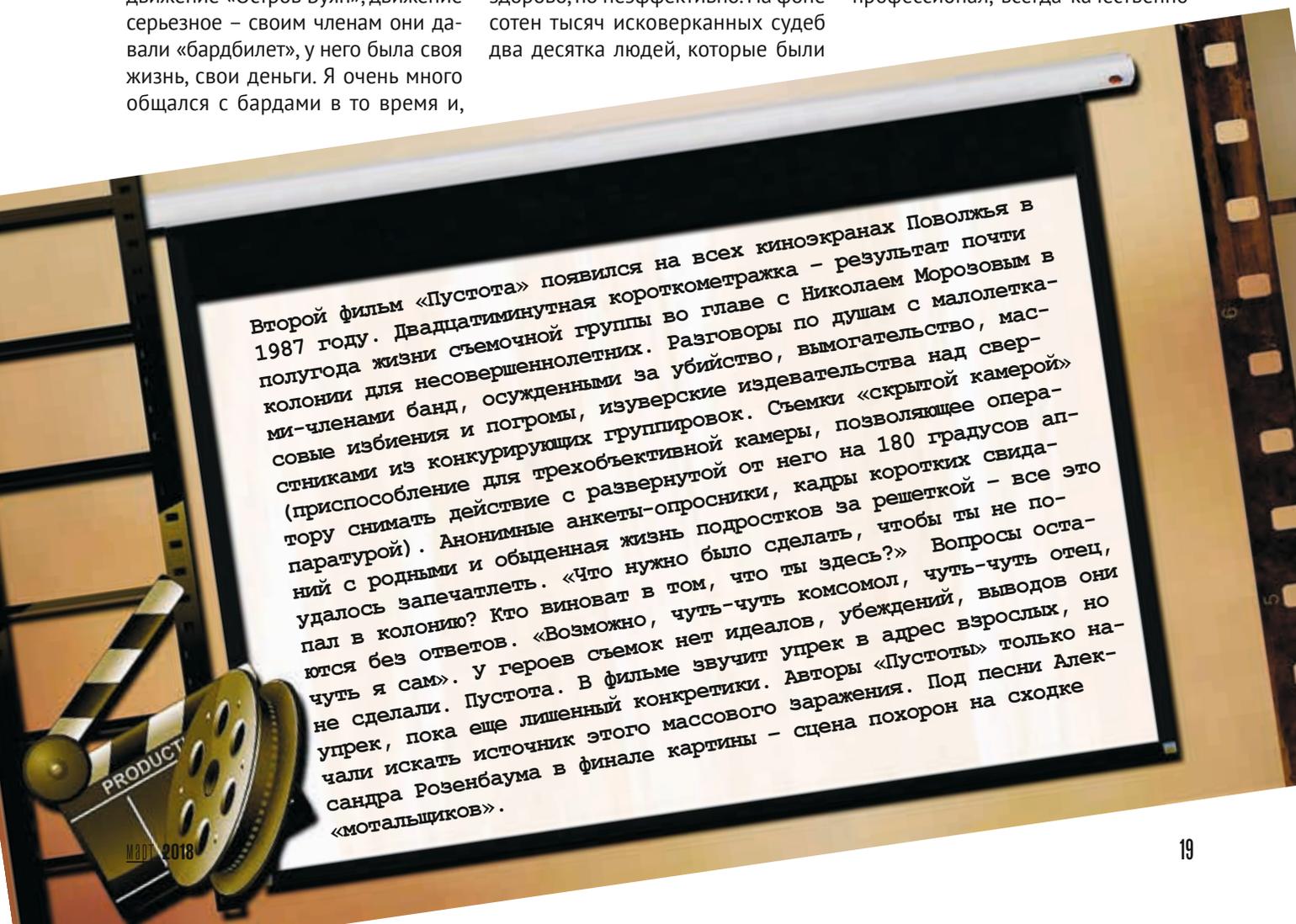
столкнувшись с проблемой гопников, я узнал, что был такой клуб самодеятельной песни «Апрель», его возглавлял очень интересный человек Стас Аршинов. Снимая бардов, я подумал: а почему бы не попробовать направить гопников в другое русло. Да и не была эта идея выдумкой: были реальные случаи, когда ребята, побывав на фестивалях, услышав эти песни, втягивались в движение. Мы думали, что у пацанов-то ума хватит, зачем в эзки идти?

Но нет, не получилось. Думать, что бардовское движение может заменить ОПГ, было довольно наивно. Но мы действительно тогда не понимали, не видели еще масштабов этой болезни. Бардовское движение – это здорово, но неэффективно. На фоне сотен тысяч исковерканных судеб два десятка людей, которые были

отпущены из этого ада в нормальную жизнь, это несерьезно. Позже мы все поняли и постарались снять все честно, разобраться.

– Как вы получили разрешение на съемку в детской колонии, на судебных заседаниях? Ведь вашими героями были несовершеннолетние, а в фильме камера постоянно дает крупные планы лиц героев и их родственников.

– Вы знаете, раньше не было такого. Это сейчас мы в страшной ситуации. Раньше снимать можно было практически все, главное – убедить, что ты снимаешь с благими целями и ты не желтая пресса, не будешь ловить «жареное», а попытаешься разобраться. Но если ты документалист, профессионал, всегда качественно

Второй фильм «Пустота» появился на всех киноэкранах Поволжья в 1987 году. Двадцатиминутная короткометражка – результат почти полугода жизни съемочной группы во главе с Николаем Морозовым в колонии для несовершеннолетних. Разговоры по душам с малолетками-членами банд, осужденными за убийство, вымогательство, массовые избиения и погромы, изуверские издевательства над сверстниками из конкурирующих группировок. Съемки «скрытой камерой» (приспособление для трехобъективной камеры, позволяющее оператору снимать действие с развернутой от него на 180 градусов аппаратурой). Анонимные анкеты-опросники, кадры коротких свиданий с родными и обиденная жизнь подростков за решеткой – все это удалось запечатлеть. «Что нужно было сделать, чтобы ты не попал в колонию? Кто виноват в том, что ты здесь?» Вопросы остаются без ответов. «Возможно, чуть-чуть комсомол, чуть-чуть отец, чуть я сам». У героев съемок нет идеалов, убеждений, выводов они не сделали. Пустота. В фильме звучит упрек в адрес взрослых, но упрек, пока еще лишенный конкретики. Авторы «Пустоты» только начали искать источник этого массового заражения. Под песни Александра Розенбаума в финале картины – сцена похорон на сходке «мотальщиков».

делаешь свою работу, для тебя открывается много дверей.

К моменту, когда мы задумали снимать «Пустоту», я уже много лет снимал документальное кино, меня, конечно, знали в Казани. Я снимал там, где никто не мог снимать. Чтобы снять нормальное кино, любой оператор должен понимать, как и чем живут его герои, он должен жить «на полях» вместе с ними. Вот и мы жили. У многих членов нашей группы, конечно, сохранялась рабочая пятидневная неделя, но я фактически жил там – выходные, праздники, вечера – я все время проводил в колонии.

– Не бежали ли из кадра сами герои «Пустоты» и их близкие, или съемки шли в добровольно-принудительном порядке?

– Тут все очень просто – я стал для них своим человеком. Зачем мне нужно было их через руководство заставлять мне позировать в кадре? Чтобы они сидели как вкопанные и говорили мне по листочку? Мне это и даром было не нужно: я хотел снять правду, снять их реальную жизнь в колонии, их настоящие, искренние рассуждения и мысли. Я никогда не прибежал к насилию. Примечательность документального кино в том, что ты настолько сживаешься со своими героями, потенциальными или действительными, что люди тебя не замечают. Для них чувак, который ходил с камерой, был принадлежностью бытия, такой же, как постовой, который следит за передачами от родных в колонии. Они знали, зачем я пришел, и что цели у меня благие. Были ребята, которые подходили ко мне, говорили, что не хотят сниматься. Я просто не брал их в кадр, потом сидели, калякали. Они помогали мне по-своему, рассказывая что-то или объясняя. Мы со всеми прощались как приятели. Если говорить о судебных заседаниях, то на

них и родители ребят, и сами они ходились в таком состоянии, в такой ситуации, что не обращали никакого внимания на камеру.

– Разговаривая с ребятами, вы знали, за что они осуждены, по каким статьям?

– Я даже не спрашивал, за что они сидят. При съемках на зоне – это самое последнее дело, спрашивать, по какой статье сидишь. Это зонавская этика. Знаете, почему? Потому что когда их начальство вызывает, заходя в кабинет, он должен выкрикнуть: «Заклученный Сидоров, статья такая-то». Ему это уже вот все где... А зачем я ему буду нервы трепать – опять вспоминать все это. Я с ними за жизнь говорил.

– Вы знаете, что стало с вашими героями? С мальчиком Бойко, например, который, судя по частоте появления в кадре, был одним из ваших любимых героев. Вы помните их?

– Про кого-то слышал, мне рассказывали, что кто-то прямо на зоне кончился. Про Бойко интересно было бы узнать, конечно, но системе исполнения наказаний не досуг же со мной разбираться бегать. Мне кажется, что все, что нужно было сказать, мы в фильмах сказали. Ну узнал бы я, что Бойко открыл ресторан и сейчас известный в Москве бизнесмен, или он не дожил до конца отсидки, что бы от этого поменялось?

Третий, пожалуй, самый откровенный и жестокий фильм серии – «Страшные "игры" молодых» – появился уже в 1988 году. Здесь уже не встретитесь романтики розенбаумовских песен, мнений экспертов и лирических размышлений. Только голая, страшная документалистика: кровавые кадры с хирургического стола, где оперируют подростка, только что вытасченного из круга группировки чужого района. Мальчики семнадцати лет, изуродованные, с расстройствами психики. Это уже не дети, герои фильма – настоящие подонки, члены сформированных ОПГ, в которых принято убивать одного непокорного толпой в десятки голов. В «Страшных играх» Морозов показал, к чему приведет новая идеология, позже получившая название «Казанский феномен»: дикарство и порванные лица, больницы, переполненные искалеченными в драках людьми, истории реальных ребят, не вовремя вышедших на улицу, мать, забирающая труп сына из морга, следственный изолятор, народный суд, приговор и пятые похороны в районе за три месяца. Сама картина – довольно категоричная критика и образовательной, и судебной госсистем. Первая, по мнению авторов, подготовила плодородную почву для зарождения и развития молодежных банд, вторая довела начатое до конца, породив безнаказанность. Критиковалась сама суть отбора детей в старшие классы, отсекающая «неудобных» в ПТУ, бестолковые программы обучения, устройство колоний и спецшкол, бессилие закона. Именно этот фильм получил самую широкую огласку, вызвав бурные дискуссии в чиновничьих кабинетах.

– **Зачем вы начали снимать третий фильм?**

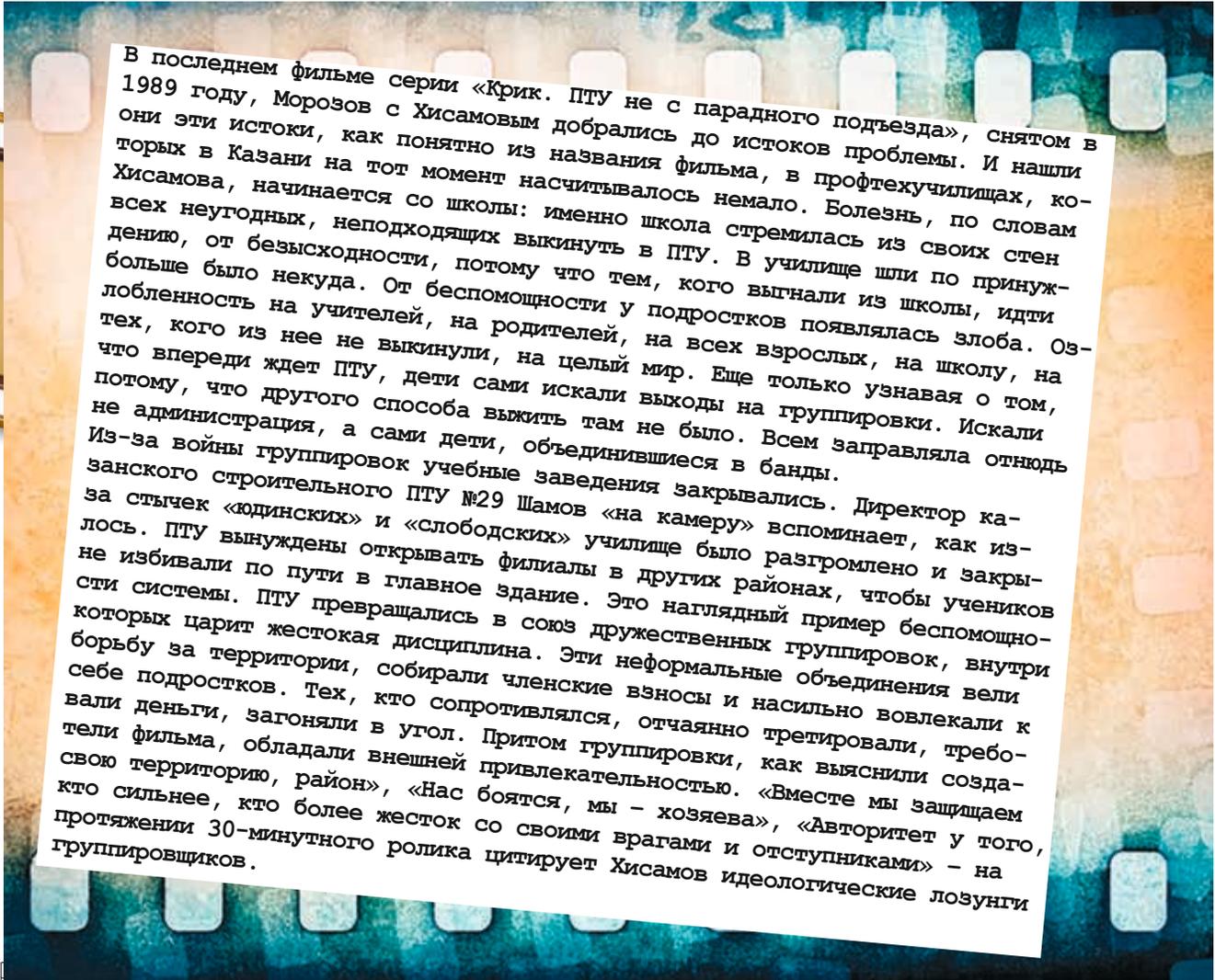
– Даже после выхода «Пустоты» нам все равно не верили, это было не надо никому из руководства, закрывать глаза было проще, чем решать проблему. Мы побывали в колонии, поговорили с пацанами, поняли их психологию: пока их по башке не стукнешь, не ткнешь лицом в последствия, в то, к чему все это приводит, ничего не изменится. Решили снимать третье, самое популярное, как потом выяснилось, кино. Раньше всю кинопродукцию, выходившую на всех советских студиях, оценивала специальная

комиссия киноведов, все копии наши уходили в Москву. Посмотрев наш третий фильм, Москва запросила доптираж. Комитет по кинематографии замучился тиражировать «Страшные "игры" молодых», его увидел весь Советский Союз, именно третьим фильмом мы достучались, нас услышали. Это кино открыло людям глаза.

– **Где вы брали материал для фильма – сцены похорон, сходки группировок, изуродованные тела в больницах, толпы мотальщиков?**

– Кадр похорон, крик матери – этот кадр часто вспоминают, мы

засняли его во дворе около 13-й больницы тасмовской. Мне позвонили за два часа до этого, мы срочно выехали. Были, конечно, свои знакомые в некоторых кругах, которые сообщали – что и где собирается в городе, в каком районе. Мы тогда уже очень много про милиционеров снимали, работали с ними. Самый расцвет моей «наглости» наступил уже в 90-е, тогда в некоторых дежурных частях висел мой номер телефона для таких случаев. Бывало, на убийство приехали, начальник следственного управления МВД Опаров только прибыл разбираться, а мы уже тут с камерой.

В последнем фильме серии «Крик. ПТУ не с парадного подъезда», снятом в 1989 году, Морозов с Хисамовым добрались до истоков проблемы. И нашли эти истоки, как понятно из названия фильма, в профтехучилищах, которых в Казани на тот момент насчитывалось немало. Болезнь, по словам Хисамова, начинается со школы: именно школа стремилась из своих стен всех неугодных, неподходящих выкинуть в ПТУ. В училище шли по принуждению, от безысходности, потому что тем, кого выгнали из школы, идти больше было некуда. От беспомощности у подростков появлялась злоба. Озлобленность на учителей, на родителей, на всех взрослых, на школу, на тех, кого из нее не выкинули, на целый мир. Еще только узнавая о том, что впереди ждет ПТУ, дети сами искали выходы на группировки. Искали потому, что другого способа выжить там не было. Всем заправляла отнюдь не администрация, а сами дети, объединившиеся в банды. Из-за войны группировок учебные заведения закрывались. Директор казанского строительного ПТУ №29 Шамов «на камеру» вспоминает, как из-за стычек «юдинских» и «слободских» училище было разгромлено и закрылось. ПТУ вынуждены открывать филиалы в других районах, чтобы учеников не избивали по пути в главное здание. Это наглядный пример беспомощности системы. ПТУ превращались в союз дружественных группировок, внутри которых царит жестокая дисциплина. Эти неформальные объединения вели борьбу за территории, собирали членские взносы и насильно вовлекали к себе подростков. Тех, кто сопротивлялся, отчаянно третировали, требовали деньги, загоняли в угол. Притом группировки, как выяснили создатели фильма, обладали внешней привлекательностью. «Вместе мы защищаем свою территорию, район», «Нас боятся, мы – хозяева», «Авторитет у того, кто сильнее, кто более жесток со своими врагами и отступниками» – на протяжении 30-минутного ролика цитирует Хисамов идеологические лозунги группировщиков.

Сцены с психиатрическими обследованиями и зашиваниями ранений в хирургии снимали в 15-й больнице, это была больница скорой медицинской помощи, сейчас – ЛДК-2 онкологического диспансера. Там был длинный коридор, по которому поступивших из приемного покоя везли на рентген, туда-сюда. В этом коридоре нам выделили комнату, и каждый вечер после съемок мы возвращались туда и ждали, ждали, когда привезут тех самых пацанов, которых изувечили в очередной бойне. Ждать долго не приходилось, но сидели мы в таких засадах так не одну неделю.

– **«Наша лента жестока. Жестока потому, что это – правда. Думайте, пацаны» – этими словами заканчивается последний фильм трилогии, такой прямой послыл. Увидели ли тогда его ваша аудитория? Ведь ребята из группировок вряд ли ходили по сельским кино клубам.**

– Я сам удивился, но увидели. Раньше же как было: в каждом микрорайоне, у каждого завода был свой Дом культуры, в каждом по кинопроектору. Так вот, специально в обязательном порядке Министерство образования обязывало всех старшеклассников его посмотреть. Целыми культпоходами ходили, всю школу могли с занятий снять. А потом уже и мне знакомые менты рассказали, что в кругах группировок обязателька была, чтобы каждый посмотрел это кино. Они по своим каким-то мыслям расценили, что им это нужно, трактовали как-то по-своему. Я точно знаю, что они видели.

– **Третий фильм был по-настоящему успешен. Вы достигли своей цели?**

СИЗО 1, справа Хисамов

фото из личного архива Николая Морозова

– Разбираясь с этой ситуацией в колонии в «Пустоте», а затем и в «Страшных "играх" молодых», мы стремились показать, крикнуть, что это действительно страшно, что этот процесс, это явление в Казани неуправляемо. В принципе мы этого добились. Нам как исследователям нужно было дойти до конца, понять, откуда все это взялось: так появился четвертый, последний

фильм. И мы пришли к выводу, что ноги растут из нашей системы профтехобразования. Это не наша догадка, не фантазия, это рассказы реальных людей, втянутых во все это именно благодаря нашим ПТУ. Кстати, последний фильм уже получил статус настоящего документального кино, он был снят не для журнала, он был самостоятельным критическим фильмом. ■

Я думаю, нам удалось показать проблему с разных сторон и полностью. Я не рискну говорить о том, что именно благодаря нашим фильмам в Казани уничтожили «Казанский феномен», и не скажу о том, что вот показали кино «ПТУ не с парадного подъезда» по СССР, и через год систему профтехобразования ликвидировали. Но мы точно внесли во все это свою лепту – рассказали людям о страшных зверствах, творившихся у них под носом.

► Максим Ардашев, Тимур Садыков

БРАТЬЯ

На мастер-питчинге, торжественно открывшем III Всероссийский форум «Время кино» весной 2017 года, был представлен проект «Братья». В дрифт-касте (предпочтительные актерские титлажи) на одну из главных ролей был указан титлаж Рассела Кроу в фильме «Бритоголовые». Режиссер сериала всерьез обеспокоен нынешней романтизацией этого «бандитского» периода истории нашего региона. Людей на улице убивали, и об этом надо говорить, считает он. Сейчас идет работа над сценарием проекта.

Максим Ардашев родился в Казани в 1979 году. В 2001 году окончил Казанский государственный технологический университет. В 2015 году начал годовое обучение в Сценарной мастерской Александра Молчанова. Автор сценариев к

короткометражным фильмам «Как вызвать дьявола в домашних условиях» (2016, драматическая комедия, режиссер Т. Садыков) и «Заложница» (2017, драма, режиссер А. Медведев). Сценарист анимационного сериала «Стрела наследия» (2016, режиссер С. Киатров).

Тимур Садыков родился в Казани в 1975 году. В 1998 году окончил Казанский Государственный Технический Университет им. А.Н. Туполева. Работал режиссером рекламы на телеканале «Эфир», сценаристом и режиссером на частной студии.

В 2004 году основал студию «Механика продакшн», где выполняет функции режиссера-постановщика и продюсера, снимает документальные и игровые фильмы. В 2015 году снял игровую короткометражку «Быстро», в 2016 – «Как вызвать дьявола в домашних условиях».

ФОРМАТ: горизонтальный веб-сериал 8 серий по 5 минут (возможно расширение до телевизионного формата – 8 серий по 46 минут).

ЛОГЛАЙН: Сергей – бывший казанский группировщик, осужденный за массовую драку, выходит из тюрьмы. Чтобы найти виновника инвалидности своего брата, который получил травмы в той драке, Сергей вновь вынужден погрузиться в криминальный мир.

СИНОПСИС

драма, криминал

События в сериале развиваются параллельно, в 1987 и 1994 годах в Казани. Столица Татарстана в то время – бурлящий котел из многочисленных молодежных криминальных группировок. Контекст истории – расцвет явления, которое окрестили «казанским феноменом».

1994 год. Сергей (22) приезжает в Казань после семи лет лишения свободы за «нанесение тяжких

телесных повреждений» во время массовой драки между членами двух группировок.

Он возвращается в квартиру к своему отцу Виталию Андреевичу (50), который ухаживает за младшим сыном-инвалидом Олегом (20). Олег получил травму в массовой драке, участвуя на стороне противоположной группировки. Отец не пускает Сергея на порог, обвиняя его в инвалидности Олега.

Сергей обращается за помощью к Айдару – бывшему другу из группировки. Айдар дает ему приют и вновь пытается затянуть в прежнюю жизнь, но Сергей хочет лишь найти истинного виновника страшной травмы брата и вернуться в семью. Он изо всех сил пытается избежать участия в преступлениях, на которые его толкают, и одновременно вести свое расследование.

Сергей тайно от отца встречается с братом. Оказывается, Олег после травмы потерял дар речи и не может даже писать. Единственный способ общения с внешним миром – это его рисунки. Олег не идет на контакт с Сергеем, запираясь в своей комнате.

Параллельно во флэшбеках на контрасте показывается история Сергея, который в 1987 году прошел путь от обычного подростка через участие в группировке до скамьи подсудимых. Если линия 1987 года – это превращение нормального человека в «зверя», то линия 1994 года – это мучительная попытка вернуться обратно.

Виталий Андреевич не выдерживает напряжения (тяжелая работа с длительными задержками зарплаты, уход за почти беспомощным младшим сыном, возвращение из тюрьмы старшего сына) и попадает с инфарктом в больницу. Сергей переезжает в квартиру к отцу, чтобы ухаживать за Олегом, с которым он постепенно находит контакт.

Сергей объявляет Айдару, что уходит из группировки. Айдар уговаривает его остаться – у него сейчас нехватка людей. Сергей отказывается. Айдар предлагает сделку: он выдает ему настоящего виновника инвалидности Олега, которого он нашел, а Сергей должен помочь в нападении на инкассаторов. Сергей соглашается. Но Айдар предупреждает, что информацию он получит только после ограбления.

Нападение на инкассаторов происходит по четко спланированному Сергеем плану, без жертв. Преступники скрываются с деньгами. Айдар передает конверт с именем и адресом виновника Сергею. Врывается ОМОН и задерживает всех нападавших. Сергея отпускают. Оказывается, это он предупредил милицию о готовящемся нападении на инкассаторов. Сергей узнает, что по адресу, указанному в конверте, находится новое кладбище.

Сергей забирает отца из больницы. Вечером Сергей, Олег и Виталий Андреевич вместе устраивают тихий семейный ужин, в конце которого Сергей натывается на рисунки своего брата о той массовой драке. Из рисунков Сергею становится понятно, что именно он нанес трагическую травму Олегу, и Олег это знает. ■

ГОП-СЛОВАРЬ

Казанский уличный жаргон принципиально не спутаешь ни с каким другим. Работая над темой этого номера, мы обратились к нашим читателям и авторам, состоящим в группе журнала в Facebook, с просьбой вспомнить и составить словарь казанских подростков 80-90-х. Нам помогли писатели Айдар Сахибзадинов и Булат Безгодов, поэт Алексей Остудин и режиссер Тимур Садыков. «Причесать» словарь помог продюсер Ильхам Сафиуллин.

- МОТАТЬСЯ** – состоять в какой-то группировке, участвовать в драках и т.д.
ПАЦАН – парень, состоящий в группировке
ЧУШПАН (ЧУЖАН) – человек, который «не при делах», не «мотается» с пацанами
НЕ ПРИ ДЕЛАХ – не быть в группировках (так можно было «отмазаться»)
МАТРЕШКИ – девушки пацанов
КОЗЛЫ – сотрудники милиции
КРЫСА – тот, кто ворует у своих (жестко наказывается)
БЫК (БЫЧАРА) – качок, человек с развитой мускулатурой
ШАХА – шестерка
СДЕЛАТЬ КОПИЛКУ – пробить голову арматурой
ШАКАЛИТЬ – отбирать мелочь у школьников
ОТМАЗА – отговорка
ШНЯГА – ошибка в деле
КАПУСТА – деньги
РЫЖЬЕ – золото (тюремный жаргон)
КСИВА – удостоверение
МАСТЫРИТЬ, МАСТЫРКА – членовредительство (замастырить под кожу какие-нибудь микробы)
ГОЛИМАЯ (ПРО ДЕВУШКУ) – не девственница
РАЗБОРКИ – выяснение отношений
ГНАТЬ (ПУРГУ) – нести ахинею, лгать, придумывать, разыгрывать
ФУФЛО – чепуха, подделка, ложь
ИЗМЕНА – сомнение (быть на измене – сомневаться в своих товарищах)
КАНИТЕЛЬ – занятие, помогающее скрасить время в тюрьме («че ты гонишь? найди себе канитель» – перестань то-сковать, начни мастерить что-либо)
ПОСТРАДАЛ ЗА УЛИЦУ – сел в тюрьму
ПАРОВОЗОМ ПОШЕЛ – взял на себя чужую вину, попался на пустяке, а приписали чужие преступления, дали срок сверх меры
ОТВЕЧАЮ – подтверждение правдивости своих слов

ТИМУР САДЫКОВ: Кастинг не удался – у современных подростков другие лица

Для создания демо-версии фильма «Братья» режиссер провел кастинг в мае-июне 2017 года, на который пришло сорок человек. В какой-то момент стало понятно, что подобрать актеров будет не так-то просто – у современных казанских подростков в глазах нет звериного страха.

– Тимур, как возникла идея этого проекта?

– Это веб-сериал под рабочим названием «Братья», 8 серий по 5 минут для трансляции в социальных сетях и на канале YouTube. Это проект, посвященный нашему недавнему прошлому, концу 80-х, когда улицы нашего города заполнили подростковые банды. Идея проекта возникла очень давно. Сейчас возникла нехорошая тенденция – романтизация того времени. Я как свидетель и участник этих событий прекрасно помню, что никакой героики этом не было, ничего романтического. Людей на улице убивали. И об этом надо говорить: это было очень жестокое, очень сложное для нас время, сильно повлиявшее на нас. И до сих пор это аукается. Мне хотелось, чтобы люди помнили, знали. Это была волна уличной преступности, очень мощная.

– Вы застали ее в подростковом возрасте?

– В 85-м году мне было десять лет. А самое жестокое время началось, когда нам было по четырнадцать-пятнадцать. Это были времена, когда на неделе по два-три человека убивали или калечили в уличных драках. Тем

более, я жил в одном из самых криминальных районов Казани. Это напротив ЦУМа, бывшая улица Ванцетти, ныне – Яхина. Мой дом до сих пор стоит, несмотря на то, что все уже там вокруг снесли, теперь в нем находится служба судебных приставов. Нужно понимать, что это еще было тяжелое время с точки зрения быта. Как бы ни идеализировали люди Советский Союз, у меня нет никакой теплоты в отношении нашего советского прошлого. Конечно, это мое детство, и я с большим удовольствием вспоминаю какие-то периоды, было очень много светлых моментов. Но они не связаны с городом, с советским прошлым или школьными годами, хотя у меня был прекрасный класс в школе №1. А в бытовом плане это было мерзейшее существование. С отвратительными условиями, бытовыми неурядицами и просто повальным алкоголизмом. Сейчас бьют в набат: «Нация пьет!» Нация пила всегда, начиная с Великой Отечественной войны, и алкоголизм был жуткий. На самом деле, у нас во дворе мужики выпивали очень умеренно, а в основной массе все вокруг были настоящие алкоголики. Старшее поколение особенно. Способствовало еще и то, что вокруг ЦУМа было больше количество пивных ларьков.

– Это время зафиксировано в документальном кино и в литературе. Что лично вы хотите добавить?

– Когда Николай Морозов снимал «Опасные “игры” молодых», я еще был подростком. Материалы-то были, статьи выходили большие, художественная литература. Я знаю, что милицейские чины, которые занимались этим, писали об этом. Я знаю, что чины КГБ, которые, собственно, и прекратили все это, тоже писали об этом. В принципе, это заслуга одного человека, который просто сумел договориться с криминальным миром и прекратить враз. К сожалению, ненадолго, но огромное количество криминала на наших улицах просто ушло. Мы же знаем, сколько потом «таких» депутатов пересажали. Вспомните печально известного Шашурина. Про остальных мы не будем говорить, доказательств у нас нет, есть только слухи.

Семейная драма «Братья» разворачивается в двух временных линиях. 1987-й – это конец Советского Союза. Конец одной страны, одной эпохи, одной идеологии. 94-й – это начало другой страны, другой идеологии, другой эпохи совершенно. И оба времени были очень жестокими. Мы пережили страх и ужас конца 80-х, и 90-е нам уже не так сильно аукнулись – мы уже знали, как бывает хуже. Если говорить о примерах, то референсом мы брали сериал «Во все тяжкие», о

том, как прекрасный, добрый и милый учитель химии Уолтер Уайт превратился в жестокого наркодилера и убийцу Хайзенберга. Примерно то же самое будет у нас. Деградация очень милого, где-то даже симпатичного подростка Сергея и превращение его в озверевшего уличного бандита, а потом раскаяние. В общем, такая детективно-драматическая у нас составляющая.

– Что такое веб-сериал?

– Это очень короткий формат, специально созданный для трансляции в интернете. Основной канал обычно YouTube. Менее известный – Vimeo, платформа для видеохостингов. Создается канал. На него выкладывается сериал. Если хронометраж сериала в ТВ-формате колеблется от 25 до 60 минут, иногда и до полутора часов доходит, то веб-сериал – это 5-8 минут. Очень короткий, емкий и сжатый формат.

– Что же можно рассказать за 5 минут, если это не скетчком?

– Есть примеры форматов такого рода – фильмы ужасов, где за 5 минут успевают напугать, делают триллеры, детективы. Конечно, формат очень подходит для скетч-шоу, в комедийный жанр он очень хорошо укладывается. Мы имеем сейчас материал на полноценный восьмисерийный сезон телевизионного формата. То есть 8 серий по 45 минут. Мы хотим со временем трансформировать пятиминутную серию в сорокапятиминутную. Веб-сериал нам нужен для того, чтобы привлечь внимание. Во-первых, к той проблеме, которую мы поднимаем, во-вторых, к самому проекту, естественно. Я являюсь абсолютно независимым кинематографистом, у меня нет поддержки со стороны государства, я не являюсь каким-то аффилированным лицом, все реализуется либо за счет инвесторов, либо пожертвований, либо краудфандинга. Первый свой фильм я снял целиком на собственные средства. А на второй мы собрали деньги на краудфандинговой платформе. Финансирование приходит со всех сторон. В этом прелесть независимого кино и одновременно его проклятье. И поскольку независимому кинематографисту проще работать с не крупными формами, мы выбрали формат веб-сериала.

– Расскажите, пожалуйста, о своих предыдущих проектах.

– У меня два игровых фильма. Короткометражный фильм под названием «Быстро» снят по одноименному рассказу сибирского писателя Виталия

Сероклинова. Я вычленил главную тему – это телефонный разговор. Я не показываю при этом крупно лица героев, потому что я считаю, что это общее место, когда женщина остается без поддержки и вынуждена решать достаточно сложные, эмоциональные проблемы сама – оставить ребенка, не оставить. Поэтому у меня там развиваются две временные линии, я тоже немножечко там с этим играю. Мне всегда нравится, как Виталий пишет. И мне всегда хотелось с ним поработать. И я у него попросил разрешения использовать его текст. Фильм «Быстро» показали на British shorts movies channel прошлой весной. Это новая платформа, созданная в Великобритании специально для короткометражных фильмов. Они показывают практически все короткометражные фильмы, более-менее интересные. Это кабельный канал. Фильм прокатился по нескольким фестивалям. Призов он не собрал, поскольку в коротком метре очень сложно конкурировать. Короткого метра очень много, его снимают практически все, в отличие от полного метра.

– Кто у вас в команде?

– У меня собственная студия, мы работаем больше как продюсерский центр. Костяк – это я и мой партнер Татьяна Чемикосова. «Кормит» нас реклама. И мы организовывались изначально как рекламный продакшн. И желание было снимать кино, как-то возникли знакомства, в Казани начали появляться мощности, с которыми можно было бы работать. И еще немаловажно – региональный рекламный рынок начал схлопываться. Кризис его очень здорово подкосил. Благословенный 2007 год не повторится никогда.

– Какие мощности вы имеете в виду?

– Появились люди, которые хотят делать кино. Во многом благодаря участию в этом Казанского института культуры. Появилась там кафедра кино и телевидения, и она начала выпускать, скажем так, специалистов. Я не могу их полноценными специалистами назвать. Но это ребята, которые хотят развиваться, и из них уже вырастают люди, которые что-то делают,

Второй фильм – «Как вызвать дьявола в домашних условиях». Это мистическая комедия. Она о том, как долго бездельничавший мужчина средних лет не знал, как устроить свою жизнь, и решил вызвать дьявола. Вместо дьявола к нему явился сосед с бутылкой водки. Фильм прокатился по нескольким российским фестивалям, он был в программе фестиваля «Киты» в Мариуполе, был во внеконкурсе на Казанском международном фестивале мусульманского кино. Сейчас мы его заявили на несколько международных фестивалей.

неплохие у них есть проекты. Но это пока все – энтузиазм. Есть там аппаратура, есть люди, которые, наконец-то, начали писать современные сценарии, не оглядываясь на текущие задачи по подъему татарстанского кинематографа – я к этому иронично отношусь.

По моему глубокому убеждению, нельзя научить быть режиссером. Потому что это не профессия, а мировоззрение. Во всем мире существуют режиссеры, у которых нет профильного образования. Наличие образования расширяет кругозор, прививает вкус. У нас нет административной инфраструктуры – от второго

режиссера до буфета. Потому что нет постоянной работы для этих людей.

– На форуме «Время кино» очень активно продвигается понятие «региональное кино». Как вы к нему относитесь?

– Я его не понимаю. Что такое региональное кино? Это значит – кино, сделанное в конкретном регионе? Или кино местечковое, сделанное только для этого региона, для конкретного регионального зрителя? Или это кино на национальном языке? Корейское кино, английское, американское, итальянское кино – региональное? Мы можем снимать на татарском для всего мира. Вопрос в том, что нужно поднимать определенный уровень тем, который был бы интересен всем. Чтобы собрать кассу, нужно делать фильмы по типу «Аватара», с очень простым и понятным всем сюжетом. Я не понимаю, когда говорят: «Давайте делать региональное кино». Давайте просто делать кино!

– А «Братья» – это региональное кино?

– «Братья» – это просто кино. На самом деле, история понятна абсолютно всем. Мы же не делаем упор на то, что это только для казанцев. Я понимаю, что очень близко воспримут эту тему те, кто тогда это пережил. Это поколение нынешних тридцати-сорокалетних, которые очень хорошо нарвались тогда

на этот криминал и очень пострадали от него. Сейчас для продвижения этого проекта мы будем создавать отдельно страницу в социальной сети, где мы будем просить людей делиться своими историями об этом. Я с большим удивлением узнал, что группировки существовали и в начале 2000-х, и от них были пострадавшие, и достаточно много. И мы работаем над тем, чтобы этот фильм не превратился в сериал формата НТВ о каком-то бесконечном непонятном криминале. Или о каких-то парнях с нашего района, которые были боксерами и вдруг стали членами ОПГ.

– Это будет добрая история?

– Нет, она очень жестокая. И я хочу показать ее без прикрас, как и было.

– Реальных прототипов нет?

– Это собирательные образы. Я не ставлю задачу написать портрет бывших криминальных авторитетов. Скорее показать срез эпохи через драму одной семьи. Мы должны были снять тизер, но после кастинга оказалось, что современные казанские подростки сильно отличаются от нашего поколения. Это так называемые хрустальные дети. В них совершенно нет того страха, который есть в нас. Я ставил их в стрессовую ситуацию и просил отреагировать. И только

один из пяти реагировал агрессией на агрессию. Если бы этот кастинг проходил в то время, то агрессией на агрессию ответили бы все. Но сегодняшние нижекамские подростки нам подошли, как ни странно.

– Не откроет ли ваш фильм «ящик Пандоры»?

– ОПГ существуют и сегодня, конторы есть и сборы идут. Мы не будем романтизировать это явление, мы покажем, какое оно страшное. ▀

Шамиль Халилулов

К МЕЖДУНАРОДНОМУ ЖЕНСКОМУ ДНЮ

8 марта – это такой день, когда женщина все домашние дела делает накануне

Мужчина, купите своей теще три гвоздички, четвертая – в подарок

Женщины – слабый пол, который 8 марта хочет быть еще слабее

Девушек с данными 90/60/90 мужчины готовы поздравлять с Международным женским днем круглый год

Некоторые дамы 8 марта слезают с шеи мужа, чтобы их носили на руках

Весенние чудеса. Только 8 марта гвоздику можно купить по цене розы

Объявление. Меняю квартиру на улице 8 марта. Улицу Клары Цеткин не предлагать

Если не знаете, что подарить жене на 8 марта, будьте хотя бы в этот день в стельку трезвым

О ЖИЗНИ

*За чертой бедности и радуга
черно-белая*

*Ну что у нас за страна! Даже
законы не хотят работать!*

ИСТОРИЯ ОБЯЗЫВАЕТ ПОБЕЖДАТЬ

В начале 2000-х годов в стране особую остроту приобрела проблема подготовки кадров, которые отвечали бы требованиям современного производства. В тот период это, действительно, была проблема государственного масштаба, потому что дефицит квалифицированных специалистов – серьезное препятствие на пути развития экономики. К счастью, ситуация уже изменилась в лучшую сторону, что хорошо видно на примере Татарстана. Совместная деятельность учреждений СПО и предприятий здесь дает положительный результат. Яркий тому пример – Казанский авиационно-технический колледж имени П.В. Дементьева.

У колледжа богатейшая история длиной в 85 лет. Тысячи его выпускников трудятся в разных городах страны, среди них немало руководителей крупных предприятий и тех, кто удостоен правительственных наград Татарстана. Статус колледжа был присвоен техникуму в 2007 году, и с того же года учреждение носит имя дважды Героя Социалистического Труда Петра Дементьева, долгое время возглавлявшего Министерство авиапромышленности СССР. Фактически за всю историю здесь подготовлено более 40 000 конкурентоспособных специалистов и рабочих.

Важный факт – в 2015 году учреждение преобразовано в Ресурсный центр профессионального образования по подготовке кадров для предприятий авиационной и машиностроительной отраслей Татарстана. Здесь созданы все условия для подготовки практико-ориентированных специалистов: учебные кабинеты и лаборатории оснащены современным оборудованием, закуплены станки с ЧПУ, для полигонов учреждения внедрена система автоматизированного проектирования. К услугам студентов – читальные залы, компьютерные и интернет-классы, типография. Ресурсный центр – стажировочная площадка Института развития образования РТ для слушателей курсов повышения квалификации.

Колледж готовит специалистов по таким направлениям, как «технология машиностроения», «автоматизация технологических процессов и производство», «производство летательных аппаратов» и «производство авиационных двигателей». Выпускники данных специальностей широко востребованы на Казанском авиационном заводе им. С.П. Горбунова – филиале ПАО «Туполев» (КАЗ); на АО «Казанское моторостроительное производственное предприятие» (КМПО); ПАО «Казанский вертолетный завод» (КВЗ). У многих ребят происходит впечатляющий карьерный рост. Ничего удивительного, ведь колледж является одним из первых в Казани. Еще с 2003 года начали работу по дуальной форме обучения, где

студенты уже с третьего курса полностью погружаются в производственный процесс на базовых предприятиях.

В целом Ресурсный центр ориентируется на потребности заказчика кадров. Условием успешной деятельности являются изучение рынка труда, знание квалификационных требований работодателей, отслеживание имеющейся структуры профессий, повышение собственной конкурентоспособности путем развития объемов и качества дополнительных услуг.

Необходимо отметить, что в колледже ведется опережающая профессиональная подготовка по стандартам WorldSkills. В учреждении трудятся профессионалы высокого уровня, например, в отделении «технология машиностроения» Л.М. Халилова – руководитель ЦК, эксперт-тренер по компетенции «Обработка листового металла», в авиационном отделении Р.А. Кашапова является экспертом по компетенции «Обслуживание авиационной техники», а Р.Д. Валиуллин – эксперт по компетенции «Производственная сборка изделия авиационной техники». В 2017 году впервые проведен демонстрационный экзамен по компетенции «Обслуживание авиационной техники». Это позволило определить уровень знаний и навыков, позволяющих будущим специалистам вести профессиональную деятельность в определенной сфере.

Педагогический коллектив отличается любовью к своей работе и высоким профессионализмом, а также сплоченностью. Все болеют за общее дело, поэтому здесь и добиваются высоких результатов.

Четкое понимание поставленных задач, многолетние традиции, инновационные технологии и огромное желание приносить пользу обществу дают полное основание верить в то, что коллектив Казанского авиационно-технического колледжа им. П.В. Дементьева движется в правильном направлении. Очевидно, что впереди его ожидает славное будущее, ведь история обязывает побеждать!

Булат Безгодов

отрывок из романа «Влюбленные в Бога»

«У автора счастливый дар говорить интересно о чем угодно, и дело во многом в его «пришельческом» взгляде, — не в проповеди такого взгляда (каждый раз ты здесь недолго, и это отнюдь не курорт, и т.д., и прочие «кармизмы-сансаризмы»), а в том, что он действительно так видит. Резкость это дает такую, что глазам больно, и в то же время это широкоформатное изображение, не приведенное ни к какой «специфике».

Литературный критик Елена Зайцева

Шестеро крепких парней с железными прутьями и молотками встали возле двери. Цепляли¹ тупо и бездарно. Стучали в дверь, просили родителей пригласить меня, дескать, старые приятели наведались. Соседи несколько раз вызывали милицию, но те успевали скинуть железки и молотки в мусоропровод или спрятать в подъезде. Изо дня в день, с утра до вечера пацаны стояли, чтобы выцепить меня. Изредка стояли на улице возле подъезда. Даже с родителями выйти из квартиры не представлялось возможным, поскольку родительское присутствие в таких случаях никогда не считалось преградой. Всю жизнь сидеть в квартире я не мог. Покровителей у меня не было. Оставалось одно — присоединиться к местной гопоте. На рассвете выбрался из квартиры. Весь день болтался по микрорайону и вечером пришел на стадион, на сборы. Подошел к ребятам, поздоровался, ответил на вопросы. Вот и все. В тот же вечер взрослые ребята созвонились с «кировскими» и просто сказали: «Этот человек с нами». Вот и весь вопрос.

Я попал в младший возраст. Мы стояли в кругу и слушали старших ребят. Со стороны выглядело все довольно прозаично. Младшие делали вид, что вникали, и были похожи на послушных солдат, даже стояли, сомкнув ступни. Если затекала одна нога, то переносили вес на другую. Старшие крутили ножи или четки в руках, небрежно сплевывали. Ноги на ширине плеч, руки для важности

на груди или на поясе, плечи расправлены, подбородки кверху. Большая часть старших замечания вставляли изредка. Говорил один, по прозвищу Турбо, говорил возмущенно, жестко и патриотично:

— Пройдитесь по дворам, что за пьянь по коробкам шатается? Иду вчера по шестой коробке, там какие-то сивые бухари меня окликают, сигарету просят. А че галевские у нас гуляют как у себя дома? Я что-то никак не вкурю! — Турбо посмотрел на всех с недоумением. — Вы че, ребята, за районом не следите? Совсем расслабились, люди. Лето? Куражи? Чтоб сегодня же всех разогнали. И вообще, по всем дворам пройдите. Руслан, ты будешь ответственным, за это с тебя спросим. Арматуру нарезали?

— Сотню штук, — откликнулся Руслан.

— Раскидайте по тайникам, в случае войны, чтобы в каждом дворе были арматуры. Чтобы всегда была под руками. Коктейля двадцать бутылок нужно, этим займется Макар. Че приуныл, Макар? И еще это... — Турбо почесал затылок, придумывая, что бы еще такого воспитательного сказать, — если кого-нибудь из вас встретим без ножей и молотков, имейте в виду, все получите... Все, без исключения. Все ясно?

В ответ прозвучал нестройный жидкий хор:

— Ясно...

Турбо обвел внимательным взором тех, кто ответил, а потом тех, кто промолчал. На этом вос-

¹ В данном контексте: ловили, пытались поймать.

питательная часть окончилась. Кто-то из старших был занят болтовней, при этом откровенно рисуясь. Кто-то отводил младших в сторонку и давал личные поручения. Наконец старшие ушли в ночной клуб. Сразу же поднялся веселый гвалт, и только один за все ответственный Руслан пытался утихомирить ребят и навести деловую атмосферу. Поскольку у всех были за пазухой молотки и ножи, мне за неимением оных инструментов всучили железный прут. Всей толпой двинулись по дворам. Первый двор, второй двор, третья коробка, четвертая... Отдыхающая на лавочках молодежь моментально разбежалась, как от чумы. Но вот в моем дворе, возле моего дома у лавочки предстала нашим очам шумная пьяная компания. Я всегда видел, как появляются новые компании, из каких людей они формируются. Но никогда не знал, как потом пропадали люди, и не замечал, как эти общества постепенно прекращали свое существование. А довольно приличные молодые люди, не то что шпана, подобная Третьяку, попадали в лагеря, спивались, гибли или же устраивались грузчиками, кладовщиками, водителями и тоже пили. Вот примерно на таких мы и наткнулись: Баш, Маслина, Кот и другие.

Мы разделились на две кучки по пятнадцать человек и вошли в шестую коробку одновременно с двух сторон. Шестеро галевских мирно сидели на лавочке. Увидели нас и все сразу поняли. Конечно, не ожидали, но поняли. Мало ли что случилось. Может быть, война час назад началась. Может быть, где-то в городе старшие

схлестнулись. Все это неважно. Галевские встали, вынули ножи, некоторые для уверенности подняли кирпичи с земли, прижались друг к другу и потихоньку стали отодвигаться за пределы двора в сторону оврага и ближайшей границы нашего района. Мы галопом сорвались к ним. Галевские тоже побежали. Все произошедшее дальше казалось невозможным. Самого отстающего из них догнали, стали бить по голове молотками. Раз, два, три, и столько кровищи сразу! Он умудрялся вытирать с лица кровь, держаться на ногах, отбегать назад и отмахиваться ножом, а в голове зияли два пролома. Большинство из нас молотками били по голове «аккуратно», чтобы не убить. Но были и такие, кто не особо озабочивался этим. Один из них в пылу бойни крикнул всем нам:

– Держите его, не отпускайте, в плен возьмем!

Но более быстрые в спринте приятели нашей жертвы вернулись, чтобы разделить участь с товарищем. Было отчего восхититься. Им тоже разбили головы, одному вспороли живот, другому щеку, но ребята держались молодцами и не падали. Наконец мы сами побежали с поля боя, чтобы не попасться в лапы ментов. Добежали до стадиона и там разделились, одни разбежались по домам, другие десять побежали ночевать в спортзал, чтобы по команде старших в любую секунду быть готовыми к «цепу». Я побежал с последними. Всю ночь и весь следующий день мы боялись появления в спортзале наших новых врагов. Хотя все хорохорились. Только вечером стало спокойнее, когда в спортзале сошлись сразу несколько возрастов из нашей группировки. Последние новости за сутки оказались неутешительными. В ночном клубе зарезали двух старших. Машину еще одного сожгли, а сам он едва спасся от пуль. Теперь уже хорохорились все. «Молодые» говорили о том, что «старшие» отомстят и тоже постреляют. «Старшие» – о том, что еще более старшие достойно ответят врагам. Соответственно те уповали на взрослых: «Они уже занимаются этим вопросом, завтра перестреляют галевских ублюдков». Но я сильно подозревал, что «взрослые» в это время пьют Hennessy в обществе красивых женщин, в чарующей обстановке ресторана Safar.

Нас собралось около ста с лишком человек в спортзале, хотя общая численность банды зашкаливала за двести пятьдесят, вплоть до людей,

Рисунок Зулейхи Камаловой

переживших пятидесятилетний рубеж, занимающихся крупным бизнесом. Серьезная сила. Мощь. Включили освещение. Лица жестокие, испытые. Позы солидные. Сразу видно: люди с большим жизненным опытом, побывавшие в передрягах, стойкие и выносливые, вплоть до последнего салаги. Около тридцати человек из старших возрастов разом ушли. Оставшиеся ребята затеяли тренировку. Для разминки побежали по периметру зала. Лица сосредоточенные, агрессивные, дескать: «Покажи галевского, и я порву его». Исполняющий тренерские обязанности кричал:

— Левым боком вперед. Правым боком. Левый апперкот! Не останавливаемся, бежим, резче удар! Правый джэб!

Ребята на бегу с ненавистью наносили удары по мнимому врагу. Постепенно растворялся страх. На смену приходило желание борьбы, крови, драки. В спортзале раздался оглушительный хлопок, как будто от сейсмического толчка задрожал свет, на мгновение вновь вспыхнул, потом погас и через полминуты окончательно загорелся. Все семьдесят спортсменов лежали на полу, прикрыв затылки руками. Лишь авторитетный взрослый пацан Креп застыл в позе «конца света», отгородив лицо, и пугливо выглядывал из-под ладоней. Лица у лежащих на полу бледны, озадачены, пристыжены. Это не галевские тротилловую шашку в спортзал через окно кинули. Это не ОМОН световую гранату подбросил. Первым с пола поднялся тренер:

— Все нормально, пацаны, это просто пробки. Давно пора поменять. Так всех прожекторов лишимся. Руслан, ты займешься этим.

Естественно, что после такого сильного стресса спортсмены тренироваться не очень хотели. Тренеру приходилось кричать, раздавать пинки и угрожать строгими сборами. Что, впрочем, и произошло сразу после тренировки. Мы, молодые, остались в большом зале. Старшие перешли в малый зал и оттуда выкрикивали поочередно наши клички. Самое неприятное в ожидании было то, что те, кто прошел через «круг», не выходили обратно к нам в большой зал, а уходили в небольшую дальнюю комнату отдыха за малым залом, откуда доносились звуки побоев. Позвали меня. Старшие численностью в пятнадцать человек стояли в кругу, поглядывая плотоядно и

безжалостно. Среди них были двое, с кем я частенько дрался в школе, до тех пор, пока они не присоединились к банде. Я встал в центр круга, спрятал руки за спиной, чтобы не мешались, и поднял лицо. Первым подошел Турбо. Не спеша примерился для джэба и ударил в челюсть. Потом — прямой удар в зубы. Потом зачем-то вложил в свой кулак металлический подшипник и снова ударил в челюсть. Потом провел прекрасную двоечку в челюсть и в зубы, повторил и закончил апперкотом в подбородок. Я падал, поднимался, снова падал и поднимался, слыша сквозь туман: «Держись на ногах или по второму кругу пойдешь!» Турбо перестал бить в голову, начал пробивать пресс под дых и весьма

Рисунок Зулейхи Камаловой

плототворно сбивал дыхание. Устав от ударов по корпусу, которые требовали больших усилий и точности, напоследок он провел троечку в голову и, неудовлетворенный, отошел в сторонку. Каждый подходящий старший производил те же нехитрые операции. Все очень старательно готовились перед каждым ударом, долго метили, примерялись. Я, в общем-то, успел тогда отрешенно подумать, что во всем этом был резон, имея в виду шлифовку боксерского мастерства. Двумя последними воспитателями стали те, двое. Первый из них начал как все, но вошел в раж и закончил сидя на мне. Второго я не помню. В комнату отдыха меня занесли мои ребята.

К обеду следующего дня я уже совсем пришел в себя. Вечером все должны были собраться на ста-

дионе в полной боевой готовности. А пока решали вопрос с питанием, ибо двое суток в спортзале мы перебивались кефиром и батоном. Один лишь раз какие-то лохи принесли нам домашнюю пищу, и только потому, что мои сотоварищи били их и угрожали жестокой расправой. Нас в спортзале оставалось пятеро. Других пятерых старшие отправили рыскать по городу: «Чтобы к вечеру было четыре пейджера, радиотелефон, мешок картошки и шесть килограмм мяса, это грех на тюрьму пацанам». Узнав об этом, я удивился и спросил Жука:

- Но ведь война, как же они по городу-то...
- Старшие сказали...

Эта фраза объясняла все, и дальнейшие вопросы просто глупо было задавать. Но я сильно подозревал, что пейджеры и радиотелефон заказали для личных нужд, что подтвердилось позднее. В парадную дверь прогромыхали. Посмотрели в глазок – Турбо. Открыли. Вошел и с порога:

– Так, че расслабились? Отдыхаем?! Чтоб через час двадцать лохов было.

– Для чего?

– Яму под фундамент выкопать надо, это возле Речного порта, там Грин магазин себе строит. Че, куда автобус через час пригнать?

Мы озадачились, почесали затылки. Все-таки лето. Училища закрыты на каникулы. Жук сообразил, что-то вспомнив:

– К техникуму.

– Все, давай, пацаны, – выходя на улицу, сказал Турбо, – решайте вопрос. Жук, ты ответственный. Только аккуратно, галевским не попадайтесь. Молотки и ножи с собой? Если кто из вас в плен попадет, сразу же отошьем.

Перебежками впятером мы пробирались к техникуму. На пути повстречались два старшеклассника. Один из них однажды с приятелями унизил меня при девочках, оскорбил, дал пинок, я ответил сдачей, после чего меня забили на глазах у всех школяров. В один миг я припомнил и заносчивость, и высокомерие, и унижения:

– Слышь, ты, черт, иди-ка сюда.

– Слышь, урод, резче ко мне подошел, – крикнул он в ответ издали, не разглядев с кем я иду.

Только этого и надо. Мои сотоварищи удивленно поглядели на Мартына и побежали к нему, на бегу выхватив молотки. Убегать не имело смысла, поскольку все равно он жил с нами в од-

ном районе, и поэтому, поняв, какую беду навлек на себя, он лишь только завизжал, прикрывая голову руками:

– Пацаны, извините, извините! Я же не знал! Погодите!

Несколько раз несильно ударили по спине, пожалели. Наконец неторопливо подошел я:

– Ну, че? Деньги есть?

Видя, что Мартын приходит в себя и думает, будто первая опасность миновала, не хочет расставаться с честью и деньгами, я приказал:

– Выворачивай карманы!

И дабы прервать дальнейшие сомнения, ударил молотком в плечо. Тот взвизгнул, но вывернул карман за карманом. Я забрал деньги. Это такая приятная легкость изымания чужих средств! Легкость, побуждающая жадность. Мне понравились новенькие спортивные кроссы на его ногах. У меня же были старые тяжелые демисезонные ботинки, в которых летом было жарко и жутко воняли ноги. Я завел Мартына в подъезд, чтобы лишить его шансов на спасение, и там сказал:

– Братан, у моей девушки сегодня день рождения, я у тебя возьму кроссы, а послезавтра верну.

– Но, братан, у меня мать...

– Не веди себя как черт, – перебил я наставительно и доброжелательно, как бы невзначай от безделья взмахнув молотком, – че для тебя два дня решают? Помоги пацану.

– Братан, но не могу же, пойми, я их вчера только купил...

Я мог бы ударить в лицо, но ударил в пресс, поскольку гораздо эффективнее дать понять, что в запасе есть еще более жестокие средства. Если бы он отказал, то тогда бы ударил по лицу. Если бы и на этот раз Мартын отказал, то тогда бы ударил молотком. Но Мартын все правильно понял, снял кроссы и отдал мне, конечно же, насовсем. Сам ушел в моих вонючих осенних ботинках. Я подумал о перипетиях жизни. Мартын в школе изгалялся надо мной. Но вот я перепрыгнул через голову и теперь уже над ним изгалялся я, будучи злее, сильнее и голоднее. И теперь уже между нами ничего не изменится, ибо Мартын ни в коем случае не присоединится к банде, боясь побоев, дисциплины и перспективы оказаться за решеткой. В то же время он не может обратиться в милицию, поскольку в этом случае весь район

будет показывать пальцем на Мартына. Значит ли это, что надо уметь перепрыгивать?

Мы двинулись дальше. Техникум находился на окраине нашей территории. Шли вступительные экзамены, и перед входом было много парней. Жук, Жираф и я пошли к толпе. Начали отводить в сторонку по два-три абитуриента, объясняли им, в чем дело, и переправляли к двум другим нашим товарищам, стоящим поодаль, чтобы они не дали сбежать лохам. Лохами для нас были все, хотя мы никого из них не знали. У нас была задача, которую мы выполняли. На двенадцатом по счету лохе мы слегка споткнулись:

— Слышь, парни, помочь надо...

Он стоял с приятелем. Ответил с достоинством:

— Понимаю, пацаны, но мы заняты.

— Да там только ямку копнуть, всего-то пять минут дела...

Он знал, что поддаваться нельзя, и мы поняли, что он это знает.

— Нет, пацаны, у меня экзамен.

— Слышь, ты че какой наглый? — возмутились мы. — Ты у нас тут учиться планируешь, а пацанам помочь не хочешь? Че, пять минут что-то решат для тебя? Не будь уж чушпаном, братан, — исподволь оскорбили и определили статус, — помоги пацанам.

Он сдался, пошел к нашим товарищам, охранявшим кучку таких же завербованных. Мои сотоварищи были не глупее этих студентов, обладали значительной силой убеждения и умели запугивать. Вследствие чего я начал думать о других ребятах, выбравших для себя иной путь, как о ничтожествах...

Остальные абитуриенты сопротивлялись вяло. Я избегал одуванчиков и выбирал самые наглые самоуверенные лица, мстя за прошлое. Сотоварищи, напротив, хотели вербовать одуванчиков и избегали наглых по виду: «С ними же хлопотно, если рыпаться начнут, надо убеждать, угрожать, бить». Но я отвечал, следуя сильной логике: «Зато работники из них крепче и выносливее», хотя, в сущности, было абсолютно плевать на качество рабочей силы. Наконец, подъехал обещанный автобус. Аж двадцать пять лохов послушно погрузилось в салон. Многие были гораздо взрослее нас. Никто не спросил, почему набралось столько народу, почему и куда везут на автобусе, ведь просили о незначительной пятиминутной помо-

щи. Один, все тот же, попытался возмутиться, но получил по зубам и моментально затих. До Речного порта ехать около двадцати минут. Мои товарищи, не таясь, хохотали и перекрикивали рев мотора:

— Вот овцы!

По прибытии всем лохам выдали лопаты, и работа закипела. Двадцать пять лохов усердно копали. Пять пацанов ходили между рабочими и приглядывали. Иногда кто-нибудь жалобно спрашивал:

— Скоро уже закончим?

Тогда ему отвечали:

— Копай знай. Быстрее выкопаешь, быстрее уйдешь.

Если этого не хватало, для убедительности били по зубам. И тогда лохи с большим усердием копали. В чистых костюмчиках, в белых рубашках, в блестящих ботинках и уже почти по пояс в земле. На деньги, отнятые ранее у старшеклассника, мы купили несколько пакетов кефира, пирожки и кексы. Пожевали немного. Я видел, как один парень смотрел на нас голодным взглядом. Перепачканный, вспотевший, ну не жалко ли? Вопреки возражениям товарищей, великодушно угостил кексом и дал ему немного попить. Остальные двадцать четыре лоха смотрели на него с ненавистью и до самого вечера злобно оскорбляли товарища по несчастью, имевшего глупость кормиться с моих рук.

Видно было, что работе конца-краю нет. Дело обещало затянуться как минимум до десяти вечера. Вскоре приехал на джипе Грин. Огромный волосатый небритый дядька лет сорока. Оглядел фронт работы, сказал удовлетворенно:

— Глядите, пацаны, никого не отпускайте, пока не закончат.

Он собрался уезжать. А мы между собой договорились, что двое останутся с лохами, а остальные поедут на сборы, на школьный стадион. Попросили Грина подбросить до нашего района, но он отказал. Было не по пути. Тогда мы втроем поехали на маршрутном автобусе, естественно, рассчитывая доехать бесплатно. У моих товарищей были длинные прически, по новой моде. Водитель и контролер оказались с виду очень крепкими мужиками. Я вышел беспрепятственно, ибо был коротко стрижен и по оценке мужиков сошел за пацана. Но моих товарищей мужики

Рисунок Зулейхи Камаловой

остановили и заблокировали дверь. Донеслась ругань, Жук послал на три известные буквы контролера, который безбоязненно и даже нахально ответил несильным ударом в грудь. Жук вынул нож и воткнул в живот мужику, в то время когда я разбил молотком лобовые стекла. Дверь немедленно отворилась. Пацаны спокойно вышли из автобуса, и мы втроем направились сквозь толпу к стадиону. Люди на остановке нервно отворачивались от нас. Я думал про мужика, что он никогда не забудет своего удивления и трех подростков шестнадцати лет.

Мы озирались, боясь нарваться на засаду или ментов. На сборы пришли вовремя, точно к шести вечера. Но никого из старших почему-то не было. Смотрящий за возрастом Руслан давал наставления:

— Старшие сказали, чтобы завтра два крайних лотка на рынке разорили. Опрокиньте прилавок так, чтоб все видели. Этим займется...

Вдруг на краю стадиона показались два старших, Блуд и Синий, взволнованные и запы-

хавшиеся. Подошли к нам, показали на меня и Жука пальцем:

— Ты и ты, поехали. Молотки и ножи возьмите.

— Куда? — не удержавшись, задал глупый вопрос Жук.

Старшие возмутились:

— Ты че, урод, накурился? Вопросы маме будешь задавать.

И мы поехали на такси по направлению к центру города. Причалили к парковке возле ресторана и отпустили водителя.

Нужно было пройти парковку, затем миновать широкие подъездные ворота, далее пересечь стоянку на десять мест, где стояли шикарные купе и кабриолеты. В ресторан мы не вошли, а сели вчетвером за летний столик во внутреннем дворике, где уже сидело достаточно взрослых парней и солидных мужиков. Мужики сгруппировались за двумя длинными совмещенными столами. Пузатые, ухоженные, с рубашками навыпуск, под которыми проглядывались очертания «пекалей». Блуд от нечего делать и по доброте душевной показывал взглядом нам на каждого мужика и просвещал. За длинными столами собралась три стороны.

У наших «стариков» были немного равнодушные, спокойные, но сосредоточенные лица, стеклянные глаза. Среди галевских мужиков двое периодически вставали, что-то нервно вскрикивали, снова успокаивались. Это были Сарай, пухлый, с хищным отвратным взглядом, и Микстура, худой, жилистый, обветренный, жесткий как камень. Всех мужиков было около тридцати. Тем временем во внутренний дворик въехал джип, из него выбрались два интеллигентных пожилых человека и атлетического сложения гигант, коротко стриженный, с крепкой шеей, одетый в легкие белые брюки и рубашку классического фасона. Блуд прокомментировал их появление:

— А вот и коммерсанты.

Пожилые люди совершенно спокойно усадились за соседним от места разбора столиком. Гигант остался стоять в центре двора. Потом начал прохаживаться: пять шагов туда, пять шагов обратно, тайком поглядывая на крыши и окна окружающих зданий. За другими пятью круглыми столиками сидели наши старшие (все мы здесь находились

для толпы). Еще три столика занимали галевские парни. Мне приспичило по нужде. Я вышел из дворика, намереваясь перейти дорогу и там где-нибудь в трущобах справить свои дела. Переходя дорогу, поглядел направо: у бордюра были припаркованы два тонированных новеньких микроавтобуса, чуть покачивались, будто кто-то ерзал в салоне. Поглядел налево: пять стареньких тонированных Жигулей, сквозь лобовые стекла было видно, что забиты до отказа. Ясно, что стареньких машин не жалко, в случае чего. Справив дела, возвратился к ресторану, сел за столик.

Стало смешно: такие серьезные дядьки, пистолеты за поясом, куча народа на подстраховке. И тут я — шестнадцатилетний салага — сижу с молотком и ржавым ножиком, голодный, в дырявых спортивных трико и старой олимпийке. Дело-то не в том, что меня таким образом дрессировали, воспитывали и тренировали. Просто чем больше мяса, тем больше шансов спастись от пуль в суматохе и даже прикрыться. Теперь стало ясным, что Турбо приказал нам бить галевских по решению взрослых, а вовсе не потому, что гулял по дворам и пострадало его чувство патриота. А ведь как говорил красиво: «Вы че за районом не следите?! Че расслабились?! Почему позволяете чужим развлекаться у нас дома?» Оказывается, если что-то говорят сверху — это значит, что наверху кому-то хочется кушать.

Между тем парни за столиками явно заскучали. Начались разговоры, беседы, болтовня, которая как бы невзначай перекрывала нарастающую брань за главным столом. Там уже некоторые мужики откровенно не сдерживались, зазвучали предупреждения и угрозы, послышались первые матерные выражения, забасили голоса. Телохранитель коммерсантов заметно нервничал, вполне сознавая свою беспомощность и, наверное, беспокоясь за жизнь. Лицо великана обильно потело. За ближайшим к нам столом один из старших (Потап иной раз был неудержимо болтлив) с увлечением рассказывал анекдот. Рассказывал негромко. Общий совокупный гул всех столиков тем временем вновь был заглушен криками за главным столом. Но, как принято в некоторых глупых анекдотах и у некоторых не менее глупых рассказчиков, самую соль нужно почему-то выкрикивать. Потап воскликнул:

— Мочи!

Моментально перевернулся главный стол, на землю посыпалась посуда, мужики заголосили, выхватили пистолеты. Эта реакция безудержно понеслась по другим столам, замелькали топорики, молотки, ножи и прутья. Человек двадцать, представители всех трех сторон, не дожидаясь бойни, бросились врассыпную. Коммерсанты поблбднели, бросились на землю и прикрыли головы руками, что-то заблеяв в испуге. Их телохранитель уже сидел за рулем джипа, завел двигатель и, судя по всему, дожидался хозяев. Потап с наивным виноватым лицом пытался до всех докричаться:

— Эй, я же просто пошутил!

Разъехались мирно, но для молодых война не закончилась. По-прежнему пасли друг друга по адресам, ставили засады во дворах, ездили искать по летним базам отдыха, жгли автомобили, стреляли, резали. Галевские узнали, что сын нашего взрослого авторитета лежит в больнице с отитом, ворвались скопом в здание, нашли палату и прямо в палате до смерти забили молотками. На общих сборах все поглядывали на Грина. Дядька ничем не выказывал печали. Все такой же лохматый, небритый, тот же равнодушный взгляд, тот же деловой говорок, тот же начальственный тон. Он раздавал приказы, разглагольствовал с другими и на отца, потерявшего сына, совсем не был похож. Восхищенные одобрительные взгляды сотоварищей и старших словно бы говорили: «О, как горе скрывает — волчара!» Но я совершенно точно прочел в глазах Грина другое. Система, на которую работал Грин, которая давала деньги, уважение, возможности, отняла у него сына. Грин был готов расстаться со свободой, здоровьем или жизнью, но система потребовала в жертву сына. Что же теперь зря убиваться, если судьба оказалась непредупредительной. Другого характера это был человек, не мы — сентиментальные опарыши. В отместку зарезали пожилого отца одного из представителей вражеской стороны. Но на этом кое-как замирили, иначе родственников было не уберечь.

На следующий день после перемирия отдыхали в ночном клубе. Старшие под несуществующим предлогом обязали прийти в ночной клуб весь наш возраст, ибо отдыхать без толпы за спиной было страшновато. Денег у молодых почти не

было. Поэтому с великодушного позволения хорошенько нагрузились спиртным вне заведения, а потом только вошли на дискотеку и присоединились к старшим. Мне повстречался знакомый — старший брат моего одноклассника, милиционер, мы поздоровались сухо. У меня возникло дурное предчувствие. Не раздумывая и не спрашивая у старших разрешения, я ушел домой. Но не пробыл дома и двух часов, как позвонили, а потом забарабанили в парадную. Мать спросила:

— Кто?

— Откройте, милиция!

Мать открыла. Не предъявляя никаких документов, трое пьяных ворвались в квартиру, нашли меня и потащили на выход. Мать заголосила — в ответ ноль эмоций. Только махнули удостоверением перед носом: «На опознание. Скоро вернется». Силком вытащили на улицу, сковали наручниками запястья за спиной и впахнули в «уазик». Скоро добрались до ОВД. Завели в грязный тусклый кабинет, там еще трое пьяных: двое огромных дядек и с ними молодой парень лет двадцати, которому дали право вести допрос. Усадили на стул. Один дядька встал за моей спиной. Парень спросил:

— С кем был на дискотеке?

— Один.

Последовал удар ладонью в висок. Посыпались искры. Я чуть не опрокинулся набок, но дядька, стоявший позади, удержал, положив огромные ручищи на мои плечи.

— Говори! Быстрее вернешься домой.

— Что говорить?

Парень молча взял какую-то толстую книгу и с размаху ударил по макушке. Глухой удар, звонкий отзвук. И снова ударил. Клацнули зубы, потому что я не успел сомкнуть челюсти.

— С кем пришел на дискотеку?

— Да один, дяденьки, — взмолился я.

— Слушай сюда, ублюдок! Твои друзья оперативника зарезали, либо ты скажешь, либо повесим на тебя смерть нашего товарища, сделаем петухом и уедешь на тюрьму.

— Дяденьки, не было у меня друзей, я один пришел и ушел сразу же. Потому что там хулиганов много было. Спросите у мамы, я уже два часа дома был, когда вы пришли.

Он снова принялся бить ладонями по голове, рвал пальцами рот, рвал уши, выдавливал глаза,

а огромный дядька держал, чтобы парню было сподручнее. Хотя я был в панике, но не отступал от занятой позиции, понимая, что в любом случае бить будут. Тем более, если погиб их коллега. Я лихорадочно гадал о том, что произошло в клубе. Если мента зарезали, то как он мог сообщить обо мне? Значит, зарезали другого мента. Значит, ментов в клубе было несколько. Какая-то логическая загадка была во всем этом. Но я не имел сил и внимания уцепиться за ниточку, потому что парень беспрестанно бил и твердил:

— Мы твоих подельников уже взяли. Они уже пишут признательные показания в отношении тебя. Давай рассказывай!

Конечно, я испугался, что кто-то спихивает вину на меня, невиновного, и ни за что ни про что уеду на тюрьму. И все же, следуя заданной логике, промычал в ответ: «Один». Губу-то он мне уже нечаянно разбил. Да и нос потек, поскольку были свежи побои еще со строгих сборов. Я думал, что он после этого остановится, что пришло время для отдыха в камере, ведь уже около получаса измывались надо мной. Но этот гад вытащил напильник из ящика стола, а дядька разжал мне челюсть. И вот этим напильником, которым, видимо, не раз мучили наркоманов, алкашей и другой разный сброд, стал подтачивать верхние передние зубы. Зубы во весь ряд заходили ходуном, и каждое мгновение казалось, что вот-вот все они посыплется. Я заорал, заревел. Он ко всему, как будто специально, задевал десны. Он отступился, и я закричал:

— Все скажу! Все!

— С кем был?

— Скажите, с кем надо, с тем и буду!

Он снова приложился напильником к зубам и протер три раза. Я ревел, как режут свиньи, когда их режут. Меня вновь оглушили толстой книгой по голове. Я притих.

— Говори, сука, с кем был?

— Дяденька, умоляю, вы скажите, что нужно повторить, я повторю, только не делайте так больше!

— Ну, раз такой упрямый, давай нижние шлифанем! — Парень вновь подступился.

Нет, я уже не смог бы этого вынести. Никого. Ни одной души. Ни проблеска надежды. В голове проносились роem истории некоторых обывателей, доведенных в милиции до отупения героином, за-

мученных электрошоком и монотонными ударами по голове, посаженных на ножку табурета. И все это без сна, без возможности присесть и прилечь, на протяжении нескольких суток. Но чтобы вот так сразу напильником по зубам! А ведь как я был уверен, полагаясь на несовершеннолетие, что милиция не страшна. Но этот невидимый страшный дядька за спиной, эти лапы на моих плечах, эти руки по-хозяйски мнущие, рвущие и бьющие мою голову, как резиновый мяч. Вдруг позади открылась дверь — я мелком успел подумать, что не слышал шагов, в кабинет кто-то вошел и сказал хриплым, тихим, уверенным голосом:

— Так, ребята, там других подвезли, встретьте, побеседуйте.

Все услыши, а голос остался. Расковал мне руки. Напротив на стуле уселся майор, почему-то в спортивных штанах и при этом в кителе. Обильная седина странно перемежалась со смолью. Что-то подсказывало, что этому мужику не более сорока лет. У него были очень сострадательные глаза: большие, черные, глубокие зрачки, голубые мешки под глазами, окруженными мелкими морщинами. С появлением майора в атмосфере появился приятный аромат духов. Вместе с тем от него еще за версту пахло перегаром. По всему было видно, что человек прожженный. Кажется, он испытывал глубокую ненависть, которая составляла весь смысл бытия, но при этом знал что-то такое горькое, неизбежное, непреодолимое, что обнуляло и делало тщетным все его бытие. Майор посмотрел пристально и спросил отечески:

— Больно?

— Больно, гражданин майор, — прошамкал я, плача.

— С кем был в клубе?

Поскольку руки у меня теперь были раскованы, я воспользовался случаем и молитвенно распростер их ладонями вверх:

— Один, дяденька, — и зарыдал, вполне искренне.

Сквозь слезы все же я заметил едва уловимое удивление в глазах, когда он увидел мой жест. Майор вдруг спросил:

— Давно в наручниках?

— Недели, когда из дома забирали.

Майор слегка побледнел, нахмурился, подумал немного и сказал:

Рисунок Зулейхи Камаловой

— Слушай, щенок, если ты не скажешь, с кем ты был, тебя действительно посадят!

— Я, дяденька, на дискотеке пять минут был. — Я шамкал, рыдал, но очень осторожно выговаривал слова, чтобы зубы не отвалились от прикосновений друг к другу. — И ушел сразу, потому что много хулиганов было.

— Вот что я тебе скажу, подонок, — как будто не верил мне майор, — сейчас под свою ответственность я тебя выпущу, но если хоть раз ты попадешься нам на глаза с гопотой...

— Но, дяденька...

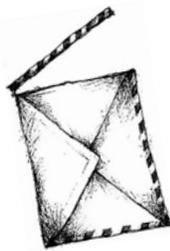
— Кому ты лепишь?! — громко возмутился майор. — Еще раз попадешься, посадим в петушатник.

Он лично проводил меня к выходу. Пощадил меня. Он не боялся, что я поеду в ближайший травматический пункт, составлю акт медицинской экспертизы и заявлю, куда следует.

На следующий день на сборах рассказывали, будто в ночном клубе произошла пьяная поножовщина с участием пацанов с одной стороны и отдыхающих ментов с другой. В результате менты одолели, пацаны разбежались, а среди ментов оказался легко раненный в плечо лейтенант. Никого, кроме меня, не поймали, ибо меня взяли уже дома, по указке того самого знакомого, который у одноклассника узнал домашний адрес. Вот и все. Никого не убивали. Никого не взяли. Никакого уголовного дела не завели, а только лишь хотели спяну отомстить и проехаться по адресам, пока было настроение. А у меня четыре зуба выпали на завтрак и еще четыре выбили через неделю. ■

► Анна Павлюкевич

Друзья журнала делятся с нашими читателями своими личными историями, связанными со временем расцвета «казанского феномена».

Самым ужасным в то время была даже не сама преступность, а затравленность и беспомощность людей. Все были настолько запуганы, что боялись дать отпор и почти никогда не заступались за того, кто попал в беду.

В конце 80-х я 17-летней девочкой приехала в Казань учиться в КГУ из маленького села под Анапой. В то время мне казалось, что переезжаю в цивилизованный город, который даст мне много возможностей для развития и реализации талантов.

Однажды я вышла в магазин, который был рядом с домом, чтобы купить молока для блинчиков и позвонить из телефона-автомата. Я выбежала в одном халате, накинув сверху плащ. Подошла к телефону, начала набирать номер и тут почувствовала, как кто-то хватается меня за волосы, наматывает их на руку и тащит куда-то. Все было как в фильме ужасов: меня посреди дня тащили за волосы в машину, я кричала, умоляла о помощи, но люди лишь спешили прочь, пряча гла-

за. Даже небольшая рота солдат прошла мимо. В тот момент вся моя жизнь пролетела у меня перед глазами: как на киноплёнке, я видела моих родных и любимых, и мне казалось, что я уже никогда не встречу с ними. В конце концов, кто-то вступился за меня, а я была так потрясена происшедшим, что даже не запомнила своего спасителя. Меня отпустили, и я бросилась домой.

Этот случай не прошёл для меня бесследно: с тех пор меня накрывает волной жуткого иррационального страха, когда я чувствую движение за своей спиной. Родные знают о моей особенности и никогда не подходят ко мне сзади неожиданно. Я даже не вожу машины из-за этого – нервы.

В остальном, этот случай никак не помешал мне построить счастливую личную жизнь и карьеру. У меня замечательный муж и трое прекрасных детей, у меня интересная работа и только сохранившийся с тех пор страх напоминает о том дне.

► Ринат Биалов

Разных историй того времени у меня море. В этом году 30 лет со дня окончания школы. В 1988 учебном году 11 учеников нашей школы были осуждены по 8 уголовным делам. Трое из них за убийство. Я расскажу историю, произошедшую непосредственно с моей семьёй.

В начале 80-х мы переехали из Эстонии в Набережные Челны. Автоград тогда воспринимался как город XXI века, что-то вроде нынешнего Иннополиса. На деле оказалось, что в город под шумок разрекламированной комсомольской стройки понаехали толпы разного сброда.

У нас на этаже собирались пацаны с алкоголем, гитарами, шумели, рисовали на стенах. После упорядоченной жизни в военных городках все это было для нас дико. Отец, треть жизни отслуживший в авиации, возвращаясь с работы, сделал

пацанам очередное замечание. В ответ они пошли в рукопашную. На шум из квартир высыпал народ. Помню, одна женщина громко кричала: «Да вы же полковника бьете!» К слову, полковником отец не был, только майором. В итоге приехала милиция, кого-то изловили и увезли в РОВД.

Развязку истории я узнал спустя 10 лет, когда отца уже не было в живых.

Как-то в дверь нашей квартиры в сопровождении моего бывшего одноклассника постучал человек чрезвычайно криминальной наружности: бритая голова, наколки. В нём я узнал представителя известной хулиганской династии нашего микрорайона. Он, уточнив, сын ли я Вагиза Биалова, сообщил, что недавно откинулся с зоны и хотел увидеть моего отца. Пришёл для того, чтобы его поблагодарить, но узнал, что он умер. Оказывается, этот человек был главным персонажем той истории, и именно он ударил отца. Но в последний момент отец на глазах у оперов и этого парня в РОВД порвал свое заявление, решив не ломать ему жизнь. Правда, на зону пацан потом все равно попал, но уже в связи с другой историей. «Человеком твой батя оказался», – резюмировал авторитетный хулиган. ■

Нури Бурнаш (Искандер Абдуллин) – казанский писатель, преподаватель, сценарист. Родился в Казани в 1975 году. Закончил филфак КГУ. Первая публикация состоялась в 1988 году в газете «Вечерняя Казань» (с предисловием Е. Евтушенко). С 1993 по 2000 год возглавлял литературно-философское общество Altera Pars. Редактор литературного альманаха «Лица» (Казань, 1999–2001). Автор двух поэтических книжек «Двадцать одно», «Графика», прозаических – «Чагынский словарь» и «Седьмая Пятница» (обе готовятся к печати), а также пестрого букета публикаций в СМИ – отечественных и не очень. Стихи переводились на татарский и немецкий языки. Учитель студентов русской литературе, член Союза российских писателей, участник фестивалей (Коктебель, Тарту, Петербург, Гисен, Екатеринбург и пр.), победитель республиканского поэтического слэма (2015).

Нури Бурнаш

(из «Чагынского словаря»)

КВАРТАЛА

Не вздумайте поправлять уникальное чагынское произношение. Оно непоправимо. Просто расслабьтесь и постарайтесь получить от него фонетическое удовольствие. Говорят, что в других землях есть кварталы – деловые, китайские и красных фонарей. Но мало ли, что брешут про иные-то края? Еще скажите, что там президенты меняются. А Квартала – вот они, за рекой. Чагынцы живут на Кварталах, ездят туда в гости, про-

клинают их – а значит, очень любят. Обитатели Кварталов убеждены, что живут в привилегированном районе. Вот эти два дома убрать – и будет такой вид на Кремль, закачаешься! А то, что болота и бройлерные комары в квартирах круглый год – так это же Квартала, чего вы хотите?

Поэтому не надо испытывать терпение таксиста своей неуместной орфоэпией – если вы вообще хотите куда-нибудь уехать.

ПУЗО

– старейшая чагынская пивная, отрада не одного поколения гурманов. Располагалась в двух шагах от Кремля и долгое время была для туристов естественным продолжением его осмотра. Право же, можно ли миновать искусно нарисованные на стене человеческие тени – цилиндры, трости, кринолины? Плавные, округлые формы здания сами по себе вели посетителя в недра этого достославного заведения, под низкие прокуренные своды. О, сколько студентов теряло здесь вместе со скудной стипендией всякий интерес к бессмысленным

наукам, навсегда обращая блестящий взгляд к подлинным ценностям! Сколько безнадежных дистрофиков в кратчайшие сроки достигало здесь настоящего идеала мужских пропорций. А разговоры? Нет, сегодня уже так не говорят! А во времена, когда деревья были большими, а печень – маленькой, ничто так не сближало, как Пузо. О, эти бессвязные, но душевные речи прекрасных незнакомцев! О, эта иллюзия доступности ажурных незнакомок! Сколько кружек с ароматным, искусно разбавленным пивом разбито вдребезги о дубовые головы

завсегдатаев этого святилища! А сама эта легкая, едва заметная разбавленность! Бармены ее маскировали стиральным порошком, способным даже в чистой воде дать густую пивную пену. Пузо закрыли — и его завсегдатаи, ставшие в одночасье чагынскими сиротами,

теперь обречены до конца дней искать «тот самый уникальный вкус» — в Чердаке и Доме чая, в беседке Фукса и Эрмитажке. Обречены скитаться — и не находить. Терять надежду и воодушевляться. До последнего бойца. До последней капли пива.

ФЕНОМЕН ЧАГЫНСКИЙ

Как известно, в Чагыне постоянно что-то делают. Славу и наследство, имущество и доходы. А в конце прошлого века в городе делили асфальт. Под этой загадочной формулировкой скрывалась пульсирующая война хулиганских группировок за расширение сферы влияния. На практике это означало, что в городе можно было получить промеж ушей везде и в любое время суток. Такие мини-государства, как Грязь, Перваки, Космос, Жилка в разные периоды своей богатой труппами истории вышались и приходили в упадок, объявляли войну и заключали стратегические союзы. У них была собственная армия и иерархия, казна и мифология. Правила этими образованиями «старшаки» — теперь те из них, кто уцелел, рулят бизнесом, идут в депутаты и даже возглавляют высшие учебные заведения. Внизу этой лестницы располагались рядовые — гопники, мотальщики, пацаны. Одинаково одетые, бритые подростки всю свою короткую, не особо сознательную жизнь «стремались козлов» и за кого-то «вписывались», ненавидели ментов и «прижимали волосатых». Потом они умирали. Либо героически и бессмысленно — в бою со смертельными врагами из соседнего двора,

либо тихо и мирно, в теплом подъезде с целлофановым пакетом на голове. Кто-то успевал «присесть на пару лет» или даже «соскочить», чтобы потом в пьяном одиночестве бить татуированным кулаком по столу и повторять, как молитву, клички ушедших товарищей.

До сих пор вспоминаю, как стадо приматов с монтажками, несясь на очередную сечу, поглотило меня — и я вынужден был бежать вместе с ним, просто чтобы не быть затоптанным. Помню, как холодный, липкий страх, дойдя до своей высшей точки, уступил место идиотской эйфории от причастности какому-то опасному, но, безусловно, великому общему делу. Через минуту я сам был готов крушить и уничтожать, рвать зубами и втапывать в пыль. Наваждение закончилось внезапно. Видимо, толпа, словно горная река, выбросила меня на берег на очередном повороте. Поток понесся дальше — навстречу упоению битвы, пене гнева и пламени страсти. И — строгим рядам черных гранитных камней на городских некрополях. На камнях изображены серьезные сосредоточенные ребята, погибшие в мирное время. А кто весь этот ужас назвал Феноменом — до сих пор не знаю. ■

Подготовила Галина Булатова

Рустем Сабиров

ОТТЕПЕЛЬ 90-Х

Что таит этот век либеральный,
кто сейчас разберет.
Что за время – разбрасывать камни
или наоборот?

Миновала нас чертова нежить
и, должно быть, не зря
не решаемся веки размежить,
ищем поводыря.

Да чтоб был посуравей, пострже
(что ни шаг, то обман!)
За прикрытыми веками тот же
розоватый туман.

И все те же огни и салюты,
будто радужный сон.
И степенно шагают малюты
получать пенсион.

И сжимает нам локоть до боли
провожатых рука.
Нам дожидаться бы вечера, что ли,
чтоб уж наверняка.

Просветленными глянем глазами
в сизый сумрак ночной.
А уж там разберемся мы сами –
темнота не впервой.

Там, глядишь, и дождемся ответа –
в свой, законный черед.
И боимся мы тьмы или света –
кто сейчас разберет.

ОТТЕПЕЛЬ-92

Снег, как ракушечник, сер, ноздреват,
съезженный и ко всему равнодушный.
И на припеке дымится асфальт
вздвухшейся, освежеванной тушей.

И словно жертвенный, душный костер,
город застыл в ожидании знака.
Сверху – неверный, туманный простор,
снизу – готовность принять без остатка

все повеления свыше. Лучи
наземь ложатся незримым налетом.
Рыжие мчат вдоль обочин ручьи,
завтра готовые стать гололедом.

Город растерянно глянет в лицо,
взгляд водянист – ни угроз, ни улыбок.
Тихо. Ни жертв не видать, ни жрецов.
Солнце опухшее в серых наплывах.

Эдуард Учаров

ПОДЪЕЗД

Бог не фраер, не лох, но весьма любознательный шкет:
он давно наблюдал втихаря, притворившись умершим,
как в прокисшем чаду, в этом грязном кирпичном мешке
нас, нахальных цыплят, становилось по осени меньше.

Кто ушел на войну – умирать под чеченским селом,
кто допрыгнул до звезд, разбежавшись по пьяни с балкона,
кто-то веру обрел, получив кирпичом за углом,
и в психушке теперь добивает земные поклоны.

Нас подъезд воспитал и вскормил из бычковых сосцов
сладкой водкой свободы безумно дешевого понта,
пацаны-старшаки нас пороли ремнем за отцов –
их отцов, не вернувшихся с фронта.

И я с лекций летел на безжалостный окрик свечи
в полутемном пространстве вселенной друзей-однодок:
там обоймой кассет Доктор Албан нас насмерть лечил,
и калечил язык беглый говор обкуренных сходов.

...Что-то вспомнилось ныне, как плавилась дух и сердца...
Нас осталось немного – шепчу я светло и печально...
Свой рубец оставляет подъезд у любого жильца,
если ты не мертвец изначально...

Подготовила Галина Булатова

Рауль Мирсаидович Мир-Хайдаров – писатель, заслуженный деятель искусств, лауреат премии МВД СССР. Родился в 1941 году в Казахстане в семье оренбургских татар. По образованию инженер-строитель. Автор более сорока книг. Широкую известность писателю принесла серия «Черная знать», в которую входят тетралогия романов «Пешие прогулки», «Двойник китайского императора», «Мать пиковая», «Судить буду я» и тематически примыкающий к ним роман «За все – наличными». В них впервые в нашей истории показана коррупция в самых верхних эшелонах власти. Жил в Ташкенте, после покушения иммигрировал в Россию. Одна из улиц родного Мартука в 1996 году названа его именем. Почетный гражданин Казахстана, член редколлегии международного журнала «Аманат», представлен в энциклопедиях Казахстана, Узбекистана, Татарстана. Произведения писателя неоднократно переиздавались. Общий тираж его книг превышает десять миллионов экземпляров.

Рауль Мир-Хайдаров

Роману «Пешие прогулки» в 2018 году исполняется тридцать лет, но до сих пор он не утратил своей актуальности. Это остросюжетный политический роман с детективной интригой, написанный на фактическом материале. Впервые книга вышла в 1988 году в издательстве «Молодая гвардия». Американский корреспондент Стив Голдстейн назвал романиста «исследователем мафии». После выхода романа на автора было совершено покушение, и он чудом остался жив.

● «Ничего подобного я до сих пор не читал и не встречал писателя столь осведомленного в работе силовых структур, государственного аппарата, спецслужб, прокуратуры, суда и... криминального мира, чем автор этих нашумевших произведений. Я считаю, что романы Рауля Мир-Хайдарова – иллюстрация всей моей жизни, и с высоты своих прожитых лет и прокурорского опыта я могу сказать: «Мне кажется, это я написал тетралогияю «Черная знать»».

*Бывший и.о. Генерального прокурора России Олег Гайданов.
Из книги «На должности Керенского, в кабинете Сталина». 2006 г.*

Роман «Пешие прогулки» нашего постоянного автора Рауля Мир-Хайдарова до сих пор находится в литературном поле, издается, переиздается. На сегодняшний день он вышел 24 раза тиражом более 3 миллионов экземпляров. В прошлом году знаменитой тетралогии писателя «Черная знать», изданной также миллионными тиражами, исполнилось 25 лет. Вся тетралогия и романы «Ранняя печаль» и «За все – наличными» переведены на татарский язык и публиковались в журнале «Казан утлары».

В арсенале Рауля Мир-Хайдарова – романы, десятки рассказов, повестей, эссе, публицистика, театральные и спортивные обозрения, очерки о политике, законе и праве, экономике, образовании и общественной жизни. По прозе писателя созданы пьесы, радиопостановки, киносценарии. В Казани издана книга «Культуру

восстановить труднее, чем экономику». Но все же Рауль Мир-Хайдаров больше известен как романист, его романы стали бестселлерами, а общий тираж всех книг превышает 10 миллионов экземпляров! Более узкому кругу ценителей творчества писателя он известен и как владелец крупной коллекции живописи. Его коллекции картин и скульптур малой формы могут позавидовать многие музеи.

Подводя итоги долгой жизни в литературе, он написал тысячестраничный том мемуаров «Вот и все... я пишу вам с вокзала», который с первых же глав, прямо с колес, печатался в разных странах в журналах, газетах и интернете.

По просьбе редакции Рауль Мир-Хайдаров подготовил для публикации сюжетную линию из своего романа «Пешие прогулки». Ее мы представляем вниманию наших читателей.

ПЕШИЕ ПРОГУЛКИ

отрывок из романа

Едва городские куранты начали отбивать полночь, по сонной Лахути тихо прошуршала шиная чёрная «Волга» с выключенными огнями и остановилась у ворот дома прокурора. Хлопнула дверца, и по слабо освещённой дорожке сада к дому двинулся человек. Один...

На бетонных плитах дорожки чётко отдавались уверенные шаги. Ритм шагов, упругая поступь сразу подсказали прокурору, что это не Акрам Садыков и уж тем более не Суюн Бекходжаев – братья были в теле, каждый за сто килограммов, и при ходьбе шумно дышали.

Хозяин дома поднялся навстречу полуночному визитёру. В ярко освещённой прихожей стоял подтянутый молодой мужчина лет тридцати пяти, элегантно одетый, в правой руке он держал новенький кожаный дипломат с цифровым кодом.

– Добрый вечер, – сказал незнакомец и нервным жестом поправил свой безукоризненный пробор – на его крепком запястье сверкнули золотом не то «Картье», не то «Ролекс».

В кабинете, не дожидаясь приглашения, незнакомец занял кресло ближе к входной двери,

тем самым оставляя прокурору место у письменного стола.

— Считайте, что я Акрам Садыков или Суюн Бекходжаев, всё равно, как вам будет удобнее — у меня самые широкие полномочия от Семьи, — заговорил пришелец, усаживаясь поудобнее, и попросил разрешения закурить. — Разговор нам, товарищ прокурор, наверняка предстоит долгий, — добавил он, но тут же, погасив зажигалку, неожиданно попросил:

— Ради бога, простите мне моё любопытство, но прежде чем мы начнём разговор, я хотел бы одним глазом взглянуть на вашу коллекцию — много наслышан. Вряд ли у меня будет ещё возможность появиться в гостях у областного прокурора, да и вообще в Средней Азии.

...Керамика, видимо, нисколько не интересовала гостя — в комнатах он задержался не более двух-трёх минут. Вернулся в кабинет более спокойный и сказал разочарованно:

— И эти черепки оценили в сто пятьдесят тысяч?! На лондонском аукционе в последние годы продано несколько известных коллекций керамики, и гораздо дороже, чем коллекции из Анкары и Порт-Саида. Эти собрания, доложу вам, также сравнивались с коллекцией вашей жены, особенно с той, что выставлялась в последний раз в Цюрихе...

Прокурор внимательно слушал ночного пришельца и пытался вспомнить, где он видел это жёсткое, волевое лицо, характерный прищур пугающих холодом глаз, высокий лоб с едва заметными залысинами...

— Не вы ли вскрыли у меня в прокуратуре сейф?

Незванный гость сделал презрительную гримасу:

«В романах писателя четко прослеживается, что раковая опухоль коррупции находится там, где и находилась всегда — в центре Москвы. На периферии — только холуйские метастазы. Причина разложения государственного аппарата всегда одна и та же — продажность власть имущих...

Культурный атташе одного из западных посольств признался, что персонал посольства изучает романы Мир-Хайдарова с целью проникновения в народный характер, в психологию власть имущих. Творчество писателя служит ключом к пониманию всего того, что и сегодня творится в коридорах власти и в среде сплетенного с ней в неразрывный клубок криминала».

— Не мой профиль, шеф. Берите выше, я работаю головой, а не отмычкой. А что касается вашего сейфа, то, конечно, открыл его человек, отбывающий тут срок, но он о нашем деле, то есть о вашем, ни гу-гу. Ему сказали, что хозяин кабинета потерял ключи, и его надо выручить. В сейфе нас интересовали ваши амбарные книги по каждому району. В обмен на информацию из этих книг было необходимо получить содействие должностных лиц против вас. И, как видите, план вполне удался.

— Почему вы мне всё это рассказываете? Не бойтесь, что каждое ваше слово в определённой ситуации я могу повернуть против вас? Организованная преступность у нас карается сурово.

Незнакомец зло рассмеялся в ответ:

— Не боюсь, товарищ прокурор, не боюсь. За это и деньги получаю... Честно говоря, мы не были уверены, что удастся растоптать прокурора области сомнительными подмётными анонимками, но Садыков оказался прав: у нас, в преступном мире, так легко оболгать человека не удалось бы. Воистину — тут, у вас, сместились все понятия о нравах.

— Ну, какие у нас нравы, — парировал прокурор. — Не всё так мрачно, как вам видится, молодой человек...

Амирхан Даутович ещё в прихожей отметил у него едва заметную ремennую лямку пистолета под мышкой... Гость достал новую сигарету из длинной золотистой пачки, щёлкнул дорогой зажигалкой.

— Бьюсь об заклад, вы никогда не догадаетесь, зачем я к вам пришёл... Скажу коротко: передать вам этот французский дипломат, кстати, модную нынче вещь, и заручиться вашим честным словом. Но прежде чем расшифровать своё

Академик Сергей Алиханов.

Из монографии «Искусство жить искусством», 1998–2001–2005 гг.

скромное поручение, я должен передать вам от всей огромной Семьи Бекходжаевых искренние соболезнования по поводу гибели вашей жены.

Видя удивление на лице хозяина дома, гость повторил:

— Да-да, самые искренние соболезнования. Не станете же вы утверждать, что вашу жену убили... специально. Мне понятна и ваша утрата, понятна и позиция Суюна Бекходжаева. Он рассуждает так: понесёт ли их сын наказание или нет, вашу жену уже не вернуть, и стоит ли губить ещё одну судьбу? Цинично, но для такого цинизма есть причины. Суюн Бекходжаев имеет в этих краях определённую власть, и многие люди на высоких постах обязаны своим восхождением ему. Против вас лично у Семьи нет никаких предубеждений, и, не затевай вы столь решительно пересмотр дела, до сих пор оставались бы на своём посту. Впрочем, извините за откровенность, мало кто думал, что вы выкарабкаетесь из двух инфарктов.

Незнакомец поднял на колени кожаный дипломат вишнёвого цвета, быстро набрал шифр. Раздался лёгкий щелчок, и крышка стала медленно подниматься.

— Здесь ровно сто тысяч. Это компенсация за организованную Семьёй потерю должности и вытекающие из этого последствия: лишение

служебной машины, бесплатных путёвок, буфета и т.д.

Незнакомец неожиданно захлопнул дипломат, ловким жестом опустил на пол, подтолкнул левую ногу к креслу прокурора.

Прокурор молча, правда, не так ловко, как ночной гость, отпихнул носком ботинка дипломат обратно.

— Не устраивает сто тысяч? Мало? Впрочем, я бы тоже за потерю такой должности потребовал «лимон».

— У меня повышенная кислотность, и лимон мне противопоказан. Не нужно мне и ста тысяч, да ещё в таком роскошном дипломате. Должность свою я никогда не оценивал в деньгах, так что напрасно думаете, что я лью слёзы, потеряв место областного прокурора...

— Bravo, прокурор, bravo! — незнакомец хитро улыбнулся и похлопал в ладоши.

— Перестаньте паясничать! — оборвал прокурор.

— Я не паясничаяю. Идея с дипломатом не моя, я сразу сказал — деньги он не возьмёт. С ним, то есть с вами, по-другому надо говорить, вплоть до крайней меры, извините за откровенность. А братья смеются, говорят, кто же от ста тысяч откажется. Тогда я предложил каждому из них

Рисунок Сергея Широкова

пари... Так что на вашей порядочности я заработал двадцать тысяч...

— Тяжёлый у вас хлеб, — прервал прокурор посланника Бекходжаевых, — и я честно хочу предупредить: если наши пути пересекутся, я приложу максимум усилий, чтобы вы никогда больше не жили среди нормальных людей, вы крайне опасный человек.

Незнакомец поправил галстук и, улыбаясь, ответил:

— Ваша убеждённость, вера мне нравятся, как это ни парадоксально. Заканчивая нашу беседу, я хочу заручиться вашим честным словом, что вы отныне не будете настаивать на пересмотре дела по убийству вашей жены... Вам сегодня не выиграть схватку, слишком неравные силы, время на стороне Бекходжаевых... У вас есть один-единственный шанс, или, точнее, единственный человек, на чью помощь и свидетельство вы можете рассчитывать. Тут вы нас немного опередили, успели перевести его в Ташкент, а жаль, у полковника Иргашева в отношении Джураева был интересный план, не успели реализовать... А что, собственно, Джураев? Работа сыщика — опасная работа, и в ней всякое может случиться, вы это хорошо знаете, прокурор...

У прокурора перед глазами встала семья Джураевых, его двое маленьких детей. Вспомнился и сам Эркин, надёжный и верный товарищ. Нет, какие бы цели ни преследовал, он не мог сейчас собственной рукой подписать ему смертный приговор...

«Давать честное слово этому подонку, значит, стать перед ними на колени, признать их правоту...» — в отчаянии рассуждал прокурор, не замечая, что гость уже нервничает и торопится.

И вдруг посланник Бекходжаевых, словно прочитав его мысли, сказал:

— Кажется, я допустил бестактность, требуя от вас честного слова, извините, я не буду настаивать на такой форме решения вопроса. Сделаем так. Я оставляю вас одного, взвесьте мои предложения и свои шансы. Ровно через полчаса, если вы приняли наши условия, включите в зале свет. Если нет, бог вам в помощь, дальше события будут контролироваться «радикалами».

И гость, подхватив дипломат, быстро выскользнул из кабинета. Когда он проходил бетонной дорожкой вдоль летней веранды, хозяин дома ясно уловил шаги ещё двух человек.

Прокурор долго сидел, понурился, потом неожиданно вскочил и бросился к телефо-

ну. Поднял трубку одного, второго — телефоны не работали. И впервые за долгую ночь чувство страха охватило его...

Раздался слабый звук автомобильной сирены — с улицы напоминали, что время истекло. Прокурор тяжело поднялся, шатаясь, прошёл в зал и на секунду включил огни. В ответ клаксоны двух машин сыграли радостный марш и, разрывая ночную тишину, гости резко рванули по сонной Лахути.

...Вряд ли прокурор собирался кому-нибудь жаловаться на судьбу, а ведь рассказ о себе, о Ларисе иначе и выглядет не мог. Совершая каждодневные вечерние прогулки по улице Будённого, он больше не заходил ни в один из ресторанов — не хотел ни с кем встречаться, даже случайно.

Неожиданная ревизия собственной жизни как бы укрепила его дух, утвердила ещё раз в мысли, что работа его нужна людям. И он понимал, что должен спешить, спешить из-за здоровья — всё чаще сердце давало о себе знать. Была ещё одна причина, почему он торопился. Пусть Бекходжаевы ещё крепко сидели в своих креслах, но недовольство растущей социальной несправедливостью уже витало в воздухе, и он не мог этого не замечать.

Как-то вечером, когда прокурор вернулся с прогулки, у двери раздался звонок. Время было позднее, гостей он не ждал, поэтому ночной звонок удивил. В полутьме на лестничной площадке стояли двое, он сразу их узнал — из тех, что рас-

кланялись с ним недавно, за соседним столиком в «Лидо».

— Добрый вечер, Амирхан Даутович, — приветствовал один из них хозяина дома. Проезжали мимо, видим, свет горит, решили зайти проведать, не возражаете?

Двое прошли в комнату, представились. По выше ростом, голубоглазый, уверенный, назвался Артуром Александровичем Шубариным, а другой — чернявый, вертлявый — Икрамом Махмудовичем Файзиевым. Оглядев более чем скромную обстановку в комнате, Артур Александрович с нотками сочувствия в голосе спросил:

— Что ж так бедно живёте, прокурор?.. Не жалеете, что отказались от компенсации в сто тысяч?

— Нет, не жалею... И много вы знаете таких подробностей из моей жизни?

Гость оживился, довольный тем, что сумел заинтересовать хозяина, и выложил ещё один козырь:

— Мы даже знаем, кто убил вашу жену... Известно нам и то, что Анвар Бекходжаев с прошлого года работает прокурором в районе, где некогда совершил преступление. Ну а чтобы вы не сомневались, что мы знаем о вас не понаслышке, мой друг зачитает сведения, которые нам удалось собрать о вашей персоне. Пожалуйста, Икрам.

Чернявый Файзиев, всё время зыркавший по сторонам, демонстративным жестом открыл кожаную папку и достал бумаги.

«Я не разделяю настойчиво навязываемую массам мысль о том, что мафия бессмертна. Убежден: с ней всерьез еще не боролись. Давайте беспристрастно заглянем по обе стороны баррикад. Воров в законе на территории бывшего СССР около семисот.

Кроме воров в законе, есть еще и уголовные авторитеты — их три-четыре тысячи. Глянем на нашу сторону баррикад. Одних многозвездных генералов в силовых структурах России более 10 000, по полтора десятка на каждого вора в законе! А офицеров — от полковников до лейтенантов, этих уже тысячи на каждого преступника. О рядовых, с той и нашей стороны, и речи не идет, за нами десятикратный перевес. Ежегодно Россия присваивает 250-300 генеральских званий, а воров в законе коронуется на всем постсоветском пространстве не больше двадцати, отбор жесточайший — это не паркетных генералов штамповать.

На нашей стороне еще и целая армия прокуроров, судей, следователей, десятки спецслужб — и после этого утверждать, что мафия бессмертна, что с ней бессмысленно бороться?!!»

Из публичного выступления Р.Мир-Хайдарова.

— Итак... Азларханов Амирхан Даутович, родился в 1933 году в Сибири. Воспитывался в детском доме, родители юристы, репрессированы в 1937 году. Служил четыре года в военно-морском флоте на Тихом океане. Закончил в родном городе университет с отличием и аспирантуру в Москве. Был женат. Жена — Лариса Павловна Турганова, искусствовед, собрала частную коллекцию восточной керамики, которая неоднократно выставлялась за рубежом...

Прокурор жестом остановил чернявого:

— Зачем вам это? — спросил он устало. — Что вам от меня нужно?

— Не гоните лошадей, прокурор. Я представляю местную промышленность и нам позарез нужен юрисконсульт, если уж вы так настаиваете на краткости.

— Юрисконсульт? — удивился бывший прокурор. — Да нашего брата сейчас развелось пруд пруди, разве это проблема?

— Не скажите... Нам ведь не всякий юрист подойдёт, нужен человек с большим опытом, изощрённый в законах, и притом неробкий, привыкший к коридорам власти, знающий дорогу в Москву. Лучше всего немолодой, внушающий доверие и уважение, образованный и эрудированный...

Было ясно — его втягивали в какое-то крупномасштабное предприятие, и дело это, скорее всего, напоминало айсберг: надводная часть имела легальный статус, а основная, подводная, была темна, как океанские глубины, и она-то и требовала юридического прикрытия.

Не исключено, что этот Шубарин является представителем новой волны советских миллионеров, ворочавших теневой экономикой. Но пришла и другая мысль: «С юности я поклялся посвятить жизнь борьбе за справедливость и оказался вдруг не нужен закону и правопорядку. Так может, ценой такого риска я послужу в последний раз тому, чему и собирался отдать жизнь?»

— Вот вы сказали — поездки в Москву... Коридоры власти. Я перенёс два инфаркта и тяжелейшую пневмонию, которая до сих пор даёт о себе знать. Не переоцениваете ли вы мои способности?

Гость вдруг так искренне и весело рассмеялся, словно сбросил с себя какую-то тяжесть.

— Не волнуйтесь, мы прекрасно осведомлены о вашем здоровье и, уверяю вас, будем всячески оберегать его. Что касается вашей работы, она будет носить официальный характер, и вам никогда и нигде ничего отстаивать ценой здоровья не придётся. Куда бы вы ни пришли, всё или почти всё будет предreshено заранее, и это уже не ваши заботы. Однако я полагаю, на сегодня деловых разговоров хватит и нам следовало бы обмыть наш союз, не так ли?

Прокурор впервые за вечер растерялся.

— У меня только чай, да и то азербайджанский, второго сорта.

Но тут в разговор вступил чернявый — наверное, остальное было по его части:

— Не волнуйтесь, прокурор, мы предусмотрели и это. — Он распахнул окно и подал знак.

Через несколько минут раздался осторожный звонок. В прихожей появился официант, тот самый, из «Лидо», где единственный раз ужинал прокурор. В руках он держал две тяжёлые корзины, одну из которых у него перехватил ловкий Икрам...

— Ну что ж, прошу за стол, — пригласил Артур Александрович, едва за расторопным Адиком захлопнулась дверь. Чувствовалось, что в любых ситуациях он привык быть хозяином положения.

Икрам разлил предусмотрительно открытый официантом коньяк, несмотря на возражения прокурора, налил и ему.

— За взаимопонимание и успех, — таков был первый тост ночного гостя, и хозяин дома пригубил рюмку вместе со всеми. Правда, прокурор с большим удовольствием выпил бокал тёмного чешского пива «Дипломат», похвалил.

Чернявый среагировал сразу:

— Нет проблем, завезу как-нибудь пару корбков «Хольстена», в жаркий день нет напитка лучше.

Сидели долго, но ни о работе, ни о каких-то проблемах больше не говорили. Расстались далеко за полночь, уговорившись встретиться на другой день за обедом в «Лидо»...

В назначенное время прокурор был в ресторане. Шубарин появился неожиданно, откуда-то из-за спины. Выглядел собранным, подтянутым. Зал уже почти заполнился, и прокурор видел,

как многие тянутся взглядом к их столу, желая поздороваться или хотя бы попасть на глаза его сотрапезнику, но тот словно ничего не замечал вокруг, всё внимание его было отдано собеседнику за столом.

— Ну как, не переменили вчерашнее решение? А то вольному воля, я предпочитаю в делах добровольные начала, — сказал он, разливая «Боржоми» в бокалы.

— Нет, не передумал, — раздумчиво ответил Азларханов. — Старость не за горами, и, как вы правильно заметили, я оказался к ней не готов. Однако я задам вам встречный, возможно, несколько меркантильный вопрос — будет ли у меня возможность скопить на маленький уютный домик в Крыму, скажем, в Ялте? Это то самое место, что рекомендуют мне врачи.

— Не только на маленький, но и на самый что ни есть роскошный, какими владеют в Крыму некоторые отставные генералы, — заверил Шубарин. — Но давайте спокойно пообедаем, а разговор наш о делах перенесём наверх, ко мне в номер.

Когда они поднялись из-за стола, прокурор осторожно подсказал:

— Обратите, пожалуйста, внимание на того молодого человека в красной рубашке, что сидит недалеко через проход. Мне кажется, он слишком тщательно выбирал место, чтобы лучше просматривался наш столик, и всё время не сводит с вас глаз.

Артур Александрович, не поворачивая головы в ту сторону, куда кивком указал прокурор, рассмеялся:

— Я не ошибся в вас, прокурор! Есть ещё пороховницы, не утратили хватки. Вы правы, он не сводит с меня глаз, потому что это мой телохранитель. Да-да, телохранитель, не удивляйтесь. У вас тоже будет свой, впрочем, он уже есть, подыскали подходящего человека.

Поднялись на третий этаж, номер располагался в конце коридора. Прокурор обратил внимание на тяжёлую дубовую дверь и два финских замка особой секретности — такие же были врезы некогда у него в кабинете.

В двухкомнатном «люксе» бесшумно работал кондиционер, и оттого в комнатах стояла приятная прохлада. Чувствовалось, что здесь живут давно, уют больше походил на домашний, чем

на гостиничный. Оглядевшись, прокурор увидел в углу большой японский телевизор «Шарп» и серебристую деку, догадавшись, что это видео-приставка.

Хозяин номера, поймав взгляд прокурора, подтвердил:

— Да, домашнее кино. Интересные есть фильмы, «Крёстный отец» Коппола, например. Жаль, времени не хватает смотреть, впрочем, у вас со временем будет лучше. Так что при желании можете смотреть здесь или систему поднимут к вам в номер. Да-да, к вам в номер, я не оговорился. Мы решили, что ваше жилье не подходит ни вам, ни нам. Прежде всего, оно далековато для ваших каждодневных пеших прогулок, да и потом, что это за квартира, не по вашим заслугам. Мы подыскали вам обмен на двухкомнатную, недалеко от гостиницы. Вашу квартиру в Черёмушках надо срочно освободить, а на новой будет пока идти ремонт. Поэтому на четвертом этаже, надо мной, вам

зарезервирован точно такой же номер, и вы сегодня или завтра должны переехать в гостиницу.

Он выдвинул незапертый ящик письменного стола и не глядя достал пачку денег в банковской упаковке.

— Вот, получите. Это вам на первое время. Не хватит — обращайтесь, не смущаясь. Повторюсь, я не филантроп, и как всякий деловой человек, умею считать деньги, но ваша работа будет оплачиваться высоко, так что вы вправе брать вперёд любые суммы... И вот что я вам скажу на прощание... Я думаю, у вас есть ещё одна причина сотрудничать с нами. Теперь у вас появится возможность свести кое с кем счёты... Доберёмся и до Бекходжаевых, дайте только срок. А пока — всего хорошего.

Неделя прошла нервная, напряжённая, что сказало на его самочувствии. Дважды среди ночи пришлось вызывать «скорую» — вот где по-настоящему он оценил опеку Ко-

Рисунок Сергея Широкова

ста... Но к концу недели всё как-то образовалось, прокурор чувствовал себя прилично и вышел на работу.

В пятницу, когда они обедали вдвоём в «Лидо» (это был день смерти Ларисы), Артур Александрович протянул ему через стол цветную фотографию, сделанную «Полароидом».

— Вот, привезли полчаса назад. Снято сегодня в девять утра.

На фотографии могила утопала в цветах, не видно было даже кованой ограды, только памятник. На переднем плане — несколько роскошных венков из белых и красных роз. В центре — из одних белых роз, на широкой муаровой ленте значилось: «От управления местной промышленности». На другой можно было прочесть только краткое «От мужа».

Прокурор смотрел на фотографию и чувствовал, как слёзы невольно подступают к глазам, а комок в горле мешает говорить.

— Спасибо, — наконец сказал он. — Я очень тронут вашим вниманием, мне даже неловко, что вы проявляете столько заботы обо мне.

— Не стоит благодарности. Я делаю лишь то возможное, что обязан сделать как человек, а теперь уже и как ваш товарищ — ведь моя жизнь отчасти в ваших руках, мы повязаны одним делом. — Шубарин подбадривающе похлопал прокурора по руке. — Вечером мы соберёмся здесь в закрытом банкетном зале. От вашего имени я пригласил узкий круг близких вам людей. Так что после обеда вы поднимайтесь к себе, отдохните, а в восемь я найду за вами, и мы спустимся к гостям...

Вернувшись к себе, прокурор вспомнил тот давний августовский день, когда он сидел в здании районной милиции и ждал сообщений от капитана Джураева. Прошло всего шестнадцать часов, как не стало Ларисы, и он с горечью подумал тогда, что к этим шестнадцати он теперь всю жизнь будет прибавлять часы, дни, недели, годы, а теперь вот набежало пятилетие.

Пять лет! Разве мог он предположить, что потеря жены, сама по себе трагедия всей жизни, обернётся ещё и такими крутыми зигзагами в его личной судьбе. Странно, в свои пятьдесят он реальной жизнью воспринимал только эти

последние пять лет, остальное виделось сквозь туман, и он с трудом соотносил себя с давними счастливыми днями.

Новый этап жизни, навязанный ему, мог продлиться несколько месяцев, от силы полгода, на большее он не рассчитывал. А что дальше? Что ожидает его, когда он сделает последний шаг в задуманном деле? Чтобы раскрутить то, с чем он собирался прийти к властям, нужны годы, надеяться, что жизнь подарит ему такой срок, не приходилось.

Но о том, что будет после, думать не хотелось... Путь свой он выбрал давно, тридцать лет назад, ещё там, на шаткой палубе эсминца, и сейчас, на краю жизни, следовало последние дни свои прожить достойно и до конца исполнить долг.

Прокурор никогда прежде не заглядывал в банкетный зал, хотя в последние недели почти ежедневно бывал в «Лидо». У двери ресторана их с Шубариным встретил Адик. Как только они вошли в ярко освещённую комнату, собравшиеся, не сговариваясь, поднялись из-за стола, словно отдавая дань торжественности и скорбности момента.

Проходя на указанное Адиком место, Амирхан Даутович увидел на стене большую цветную фотографию жены, она улыбалась на фоне медресе в Куныя-Ургенче, снимок этот очень нравился самой Ларисе. Угол фотографии перехватывала чёрная муаровая лента с датами рождения и смерти. О скорбном дне напоминало и множество роз, все только белые; высокие хрустальные вазы под цветами, наверняка доставленные на время из магазина, тоже были перетянуты чёрными лентами, завязанными в кокетливые банты.

Шубарин, деловито поправлявший цветы в напольных вазах у входа, сел на своё место последним; во главе стола, слева от него, оказался прокурор, справа Икрам. За время общения с шефом прокурор привык к хорошо сервированным столам, но этот удивлял роскошью, чувствовалось, что Файзиев перетряс не одну спецбазу; ножи-вилки-бокалы вряд ли были казённые: то ли из дома привёз, то ли с какой-нибудь обкомовской дачи позаимствовал на время.

Шубарин встал и попросил минутой молчания почтить память той, ради которой они сегодня собрались. Потом стал говорить о Ларисе Павловне, говорил долго — он действительно знал о ней немало...

И когда все подняли рюмки, Азларханов тоже выпил коньяку. Потом слово взял прокурор Хаитов — он говорил о трагической судьбе Ларисы и о нелёгкой доле, выпавшей его другу, о том, с каким достоинством нёс он свой крест. Слушая эти речи, прокурор вдруг ощутил, какой волшебной магией обладает целенаправленное, страстное слово... Скажи сейчас Шубарин, что нужно встать и пойти врукопашную на Бекходжаевых, вряд ли кто уклонился бы, не говоря уже о том, чтобы усомниться душой в необходимости такого шага. Какой дух братства, единства, жертвенности витал над столом!

Взволнованные речи не мешали бесшумным официантам без усталости снова враз-вперед, меняя холодные закуски на горячие, одни деликатесы на другие, выставлять всё новые и новые батареи охлаждённого «Боржомы». Постепенно в банкетном зале становилось всё более шумно, к плову из перепёлок появились за столом новые лица. Шубарин, державший всё под контролем, не забывал ухаживать за соседом. Подкладывал прокурору закуски, потчевал, как хлебосольный хозяин: попробуйте — это миноги, или вот этот особый салат из молодого папоротника, его регулярно присылают бухгалтеру с Камчатки, или шампиньоны, приготовленные по давнему греческому рецепту, хранящемуся в семье Георгади.

На улице давно стемнело, и в распахнутые настежь окна банкетного зала врвался свежий ветерок. Наступало время его каждодневной прогулки, и прокурору как никогда хотелось сейчас побыть одному. И вдруг, в который уже раз словно читая его мысли, Артур Александрович, наклонившись, тихо предложил:

— Не хотите ли выйти на свежий воздух? Здесь уже накурили не меньше чем в зале. Не дожидаясь ответа, Шубарин встал, и Азларханов последовал за ним.

— Я знаю, что на поминки не принято делать подарки, сюрпризы, но всё же не удержусь от возможности сообщить одну приятную для вас новость именно в этот горестный день.

Прокурор почувствовал, что сейчас Шубарин скажет что-то важное, и не ошибся.

— Сегодня, в день памяти Ларисы Павловны, хоронили убийцу вашей жены, прокурора Анвара Бекходжаева... Его убили вчера вечером, и я даже знаю — кто.

— И кто же? — Голос прокурора дрогнул, хотя он и попытался скрыть волнение и охвативший его неожиданно страх.

— Вот этот молодой человек, — и шеф протянул снимок побледневшему Азларханову.

На чёрно-белой фотографии крупным планом был заснят сам прокурор, а рядом с ним прилепился невзрачного вида молодой человек с короткой стрижкой.

— Не узнали? Странно. Это же ваш старый знакомый, отбывающий срок за убийство вашей жены, а точнее за своего дружка, Анвара Бекходжаева...

Прокурор ещё раз внимательно посмотрел на фотографию.

— Возмужал, не узнать... Хищный какой-то, я запомнил его почти мальчишкой...

— Пять лет всё-таки прошло, выжил, заматерел, настоящий волк... — прокомментировал Шубарин.

Прокурор вдруг вздрогнул от неожиданной догадки: он понял ход Шубарина — для того и фотография на всякий случай. Вот оно, дело, которым тот решил повязать его на всю жизнь. Старый, как мир, приём уголовников — привязать кровью, мокрым делом, то есть убийством. И если что, Азат Худайкулов, приведись

«Рауль Мир-Хайдаров не пишет двусмысленных текстов, не путает добро и зло, не меняет и не предаёт флаги своих отцов. Он не путает черное с белым, не умеет держать кукиш в кармане — обязательно предъявит. Он не готовит плацдармы для отступления, не стелет соломку там, даже зная, где упадет. Цельная натура, достойная своих книг и своих героев».

Литературовед, критик Юрий Александрович Мориц.

ему отвечать за содеянное, скажет, что нанял его прокурор, чтобы отомстить за свою жену.

— За что же он своего дружка так?.. Ведь росли вместе, говорят, он у того в адъютантах ходил чуть не с пелёнок?

— Было, да быльём поросло. Разошлись детские дорожки в разные стороны. Не сдержали Бекходжаевы своё слово... На первых порах помогали, посылки регулярно присылали, навевались, матери его больной оказывали всяческое содействие. А потом подустали, видно — в обузу стали Худайкуловы. Мать перед смертью написала горестное письмо сыну и обвинила в своих бедах Бекходжаевых. Каково в тюрьме получить такое письмо от матери, зная, что ты отбываешь срок за них? И стал он жить одной мыслью, одной-единственной надеждой: отомстить своему вероломному другу...

— Одно дело желать, другое выполнить. Ему удалось бежать из колонии?

— Не совсем так. Когда я узнал вашу историю, а затем историю этого несчастного молодого человека, пострадавшего, как и вы, я посчитал, что будет весьма благородно помочь восстановить справедливость. Я попросил доставить Азата в «Лас-Вегас» на несколько часов, тогда и засняли его в ресторане. Я хотел поговорить с ним, понять, насколько серьёзны его намерения, что он за человек, можно ли положиться на него...

— Вы помогли ему бежать? — нетерпеливо спросил прокурор.

— Нет, зачем же, побега я ему не обещал. Я взял Азата из колонии всего на несколько часов. Люди Ашота, хорошо изучив привычки Бекходжаева, разработали план, и Азату преподнесли всё на блюдечке с голубой каемочкой, вся операция заняла пять минут.

— Значит, раскрыть это преступление будет непросто и есть гарантии безопасности? — уточнил Азларханов на всякий случай.

— Гарантии скорее в другом: нам неважно, кто нанесёт удар врагу, мы не тщеславны, нам важен результат. Я упоминал, что Анвара Бекходжаева уже давно приговорили, и он об этом знал, знали и в прокуратуре. Впрочем, многие хотели бы посчитаться с ним, и не только уголовники и дельцы, ему и за его донжуанство давно обещали оторвать голову. Так что поле деятельности у следователей и без нас широкое. В кон-

це концов, Азат у нас в руках ещё лет пять... — неопределённо закончил Шубарин.

Когда они снова вошли в банкетный зал, прокурор заметил, что поминки превратились в очередную гулянку, но стоило появиться Артуру Александровичу, как шум, гам, смех моментально стихли и все чинно заняли места за столом. Внесли ляганы с обещанными особенными мантами — обложенными зеленью, посыпанными красным корейским перцем... Поднялся один из незнакомых мужчин. Говорил он тоже долго и не менее искусно, чем другие, и хотя старался придерживаться темы, то есть поминок Ларисы Павловны, то и дело ловко съезжал на другое, ради чего, наверное, и был приглашён сюда. Он говорил о том, что удостоился большой чести разделить горе, выпавшее на долю друга его давних друзей, и готов служить верой и правдой людям, которые горе ближнего воспринимают как своё...

...Вскоре за столом остались только прокурор и Икрам...

— Давайте выпьем за здоровье моего самого ценного друга, всесильного Артура Александровича. Отныне я ему обязан по гроб жизни и буду служить верой и правдой до последнего дыхания.

Файзиев как-то странно посмотрел на него:

— За него выпью с удовольствием, — и опрокинул рюмку коньяка залпом, как пьют водку. — А вот с тем, чтобы считать себя обязанным ему до гробовой доски... По-моему, вы в этом несколько переусердствовали.

— Да вы же не знаете, — сказал с притворным возмущением прокурор. — Он... Он отомстил за смерть Ларисы и снял с моей души такой камень... Мне теперь от жизни ничего не надо, справедливость восторжествовала, зло наказано.

— Почему же не знаю? — усмехнулся Файзиев. — Вы зря недооцениваете меня, в этом деле есть и моя заслуга: к тюрьме нашёл подходы именно я.

— Спасибо и вам... — благодарно закивал прокурор.

— Дело не во мне, — нетерпеливо отмахнулся зам. — Устроил это Шубарин вовсе не ради вас

и уж тем более не ради торжества справедливости...

— Тогда ничего не понимаю... — Азларханов изобразил на лице недоумение. — Зачем же ему тогда так рисковать? Убийство прокурора всё-таки...

— Вот с этого вопроса и надо было начинать, — назидательно объявил Икрам. — Дело в том, что пять лет назад, когда вы ещё были прокурором, он уже имел интересы в вашей области. Сначала, правда, незначительные. Но вы ведь изучили его хватку, аппетиты, ему только палец покажи, он всю руку отхватит. Знаете, как его в Москве называют? Японец! Он действительно толковый инженер, а как финансист и предприниматель — просто гений. Сколько раз мы выручали прогоревших коллег, выкупая у них оборудование и сырьё, разумеется, за бесценок, и налаживали дело так, что вокруг только диву давались... И покровители у него были — кто бы вы думали? Разумеется, Бекходжаевы... Наверное, помогая ему развернуться, они и не предполагали, какой золотиношной курочкой окажется дело Шубарина — деньги потекли рекой. Но Бекходжаевы не учли одного: Шубарин согласен делиться и кормить многих, но хозяином дела и денег он считает только себя. Короче, нашла коса на камень. Бекходжаевы через нового прокурора области, давнего своего друга, обложили Шубарина со всех сторон, и он вынужден был оставить налаженное дело, личное оборудование, станки и ретироваться из области, даже не выбрав паи. Я знаю людей, которые видели, как лютовал тогда Японец. Нет, не о потерянных деньгах жалел — он не мог простить предательства. Он поклялся тогда, что Бекходжаевы заплатят ему за это только кровью. Вот и дождался своего часа, да так расправился, что комар носа не подточит. Я уверен, что пройдёт какое-то время, и он предъявит Бекходжаевым ультиматум, чтобы вернули ему то, что он вложил, да ещё и прибыль за все годы. А если не вернут — а сумма перевалила за миллион — будет убит следующий Бекходжаев, и так до тех пор, пока не добьётся своего, он безжалостный человек...

— Страшный человек! — невольно вырвалось у прокурора.

— Настоящий мафиози, — согласился Файзиев. — И знаете, любимый фильм у него «Крёстный отец», он его каждый месяц смотрит. Мне кажется, он и у них, в Италии или Америке, всё быстро к рукам прибрал бы. А теперь и вас в это дело впутал... — Он вдруг осёкся, поняв, что сказал лишнее, и громко позвал Адика, попросив чайник чая.

Вот-вот мог вернуться Шубарин, но Азларханов сегодня уже не желал ни с кем общаться, слишком серьёзный оборот принимали события. Не хотелось ему и оставлять Файзиева без надежд, кто знает, к кому придётся вдруг обращаться за помощью, чтобы уцелеть, поэтому он сказал:

— Я признателен вам — вы на многое открыли мне глаза. Но я вынужден всё перепроверить и взвесить своё положение, разумеется, не затрагивая ваших интересов. Думаю, мы с вами ещё продолжим этот разговор и проясним отношения на будущее...

Прокурор поднялся из-за стола и направился в конец зала, где висел портрет жены. Осторожно сняв застеклённую фотографию, он вышел с нею в узкий коридор, что вёл прямо в гостиницу.

— Пауки! — вырвалось у него, едва он закрыл дверь своего номера.

Он понимал: не обладай Шубарин властью и не имей за плечами опыт поражения, Файзиевы и дня не церемонились бы с ним и так же, как Бекходжаевы, попытались бы всё прибрать к рукам....

«Благословила бы меня Лариса на то, что я задумал, будь жива, зная, какому риску я себя подвергаю?» И, вспомнив давние дни и споры с ней о законе и праве, ответил себе утвердительно. Лариса понимала, чему посвятил жизнь её муж, и слово «долг» было для неё не пустым звуком, потому что выросла она в среде русской интеллигенции. И вдруг, только сегодня, в день годовщины смерти жены, он понял, что внутренне никогда не слагал с себя полномочий прокурора — от этой мысли стало спокойнее на душе, исчез страх, сидевший в нём как гвоздь весь вечер. ■

1988 г.

Материал подготовила Галина Булатова

17 января 2018 года великому татарскому писателю исполнилось бы 90 лет. Очерк помогает нам открыть новые грани его личности. В 2017 году казанский поэт и переводчик Наиль Ишмухаметов перевел повесть на русский язык для сборника автобиографических произведений Аяза Гилязова «Давайте помолимся!». Книга вышла в Татарском книжном издательстве. В русском переводе эссе публикуется в периодике впервые.

Милеуша Хабутдинова

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К КНИГЕ

Аяз Гилязов написал эссе «Балачак сукмаклары» («Тропинками детства») летом 1991 года по заказу Т. Нурмухаметова, который планировал издать сборник воспоминаний татарских писателей о детстве. Автор, очерчивая круг воспоминаний о раннем детстве, стремится выразить «память сердца». В структуре повествования взаимодействуют два субъективных плана, соответствующие разным ипостасям «я»: план маленького героя и план взрослого повествователя. Чередование контекстов, организованных точкой зрения маленького героя, и воспоминаний взрослого повествователя создают в тексте лирическое напряжение. Вместе с читателями автор очерка стремится выявить первоосновы собственной творческой личности.

Мир детства превращается в особую Вселенную, разворачивающуюся в заданной системе пространственно-временных координат («дом», «родная деревня», «дорога», праздники...). Важное место отводится образу

родителей. Детство окрашивается романтическими и ностальгическими тонами. Читателям явлено воспоминание о чем-то светлом, необыкновенно радостном и удивительном красивом.

Мы становимся свидетелями формирования ценностной картины мира героя «Тропинками детства». Выстраивая цепь воспоминаний, автор стремится усилить эмоциональное и воспитательное воздействие историй на читателей-детей. Аяз Гилязов через описание мира родной деревни стремится утвердить патристический идеал, воспитать в юных читателях любовь и уважение к родной земле и односельчанам. Автор реалистически достоверно воссоздает атмосферу времени, в котором протекало его раннее детство. Исторические катаклизмы, зафиксированные глазом ребенка, овладевают вниманием читателя, заставляя задуматься о причинах этих «странных событий». Кульминационным событием автобиографического произведения становится испытание героя смертью.

Осознанию хрупкости и бренности мира противопоставит мотив Вечности. Лирические воспоминания о детстве преобразуются в повествование о духовных основах бытия. Эссе стало стартовой точкой для написания автобиографического романа «Давайте помолимся!» (1991–1993).

Впервые оно было опубликовано на родине писателя в газете «Зэй офыклары» (1998 г.), затем в Казани в «Мэдәни жомга». В 2001 году увидело свет в майском номере журнала «Идел», в 2004 году – в журнале «Мирас». Произведение включено в «Избранные сочинения» писателя (Казань: «Хәтер», 2004), (Казань: Тат.кн.изд-во, 2013) и сборник воспоминаний «Аяз Гилязов» (Казань: Тат.кн.изд-во, 2006).

Аяз Гилязов

Перевод с татарского Наиля Ишмухаметова

ТРОПИНКАМИ ДЕТСТВА

(Автобиографическое эссе)

1

Вот и сегодня, проскочив отметку «шестьдесят», стремительно приближаясь к семидесяти годам, я не могу равнодушно смотреть на пешие стёжки-дорожки. Пересекающие большак тут и там, перпендикулярно и вкось обыкновенные тропинки рождают во мне сладкие грёзы, тёплые воспоминания. Куда бы и на чём бы я ни ехал – будь то поезд или автобус – невольно лгну к окну: глядя на убегающие вправо и влево, мелькающие в куцых придорожных посадках или скрывающиеся в объятиях неведомых, таинственных лесов тропки, погружаюсь в мир фантазий. Мне кажется, что этими узенькими, утрамбованными десятком тысяч стоп, окаймляющими берега родников-озёр, ведущими сквозь заколдованные чащи-буреломы, плутающими, истомляющими, но всегда выводящими к

свету тропинками ходят самые счастливые люди на земле. Так и кажется, что они, не суетясь, не пихая друг дружку острыми локтями, наслаждаясь неповторимыми красотами природы, срастаясь душой с синим-пресиним небом, с ярко-зелёным убранством земли, хмелея от густого аромата полевых и лесных цветов, не по тропинке идут, а плывут по морю счастья.

В детстве все тропинки – твои! Знакомство с миром начинается с первых шлёпающих шагов именно по этим пешим тропкам. Куда ни помотри, всюду незнакомые, доселе невиданные, да и не мог ты их видеть, края, дивные миры.

Воспоминания детства – сродни неспешно текущим, разрозненным облакам, никогда не связанным друг с другом, события в них, затерявшиеся вдали по таинственным тропинкам, затихшие за

туманным горизонтом, никак не выстраиваются в единую, связную цепь. Они похожи и на розовые тени, и на негромкую песню, что звучит на заре, и точно не скажешь, когда всё это было - произошло. Детство горя не ведает, а время начинаешь чувствовать лишь тогда, когда живущая бок о бок беда даст о себе знать в полный голос...

Я благодарен Всевышнему: с рождения наделил он меня тонкой, поэтической душой. Я и сам так считаю, и это же подтверждают въевшиеся в память события.

Однажды летом мама зашла на огуречную грядку, что в огороде напротив гумна. А я, сев на колени, облокотившись, задрав зад, едва не тычась носом в землю, грызу, оказывается, не срывая со стебля, маленький, не больше мизинца, огурчик... Мама, крайне удивившись, спрашивает: «Сынок, чего это ты ешь огурец, лёжа на грядке?» Вспыхнув, как солнышко на заре, отвечаю: «Ты же сама не велела рвать!» Сам - то я не помню, конечно, своего ответа, это мама мне рассказала, и рассказала очень убедительно, первое воспоминание детства храню как самое дорогое для меня.

Мой папа — уроженец Сармановского района, но, сколько себя помню, мы жили в красивом крестьянском селе Верхний Багряж, в доме Андриян-дэдэя, что располагался аккуратно напротив церкви. Крепкое, добротное подворье, высокая, как у богатых, изба, но особо мне нравился каменный амбар, его толстые стены летом сохраняли прохладу, а зимой, даже в самые лютые морозы, удерживали тепло. Андриян-дэдэй — плотник, его позвали на работу в сиротский приют, что в Федотовке, он со всей семьёй перебрался туда, а мы временно поселились в их доме. Мои самые тёплые, самые дорогие воспоминания связаны с этой крохотной точкой Земного шара. Церковь, что напротив нашего огорода, школа по правую от нас руку, просторный пришкольный двор — всё это дорогие моему сердцу, сердцу непоседливого мальчишки, места, открывшие мне кое-какие тайны бытия.

Задворки дома Андриян-дэдэй располагались на южном склоне холма, полого спускающегося к одному из рукавов Багряжки, именуемому в народе «речушка Дмитрия». По весне ручей наполняется водой, а во время половодья бурлит два-три дня, как настоящая река, но в летнюю жару пересыхает. Наш отец разбил на берегу этой речушки Метри

самый настоящий огород. Источающие сладкий аромат смородиновые кусты сладкой изгородью тянулись там же. Огурцы, морковь, свекла, помидоры, а рядом с этим изобилием буйно росли и пахли непривычные для Верхнего Багряжа дыни и арбузы. Когда приходили гости, папа, прежде чем усаживать их за стол, вёл на огород. Наш папа, учитель химии и биологии в средней школе, любил по утрам и вечерам возиться на грядках.

Самая прекрасная, благодатная пора за последние восемьсот лет выпала, похоже, на тридцатые-сороковые годы двадцатого века. Землетрясения случались изредка, разгулы стихий уменьшились, вулканы, и те с большой осторожностью плевались магмой, лето не жарило беспощадно, было тёплым и приятным. Тридцатые-сороковые — пора моего счастливого детства! Я сравниваю нынешние, то засушливые, то чрезмерно дождливые, летние месяцы нескольких последних лет с той благодатью, что выпала на моё детство, и невольно проникаюсь жалостью к современной детворе... Как же мы были обласканы и избалованы милосердной землёй в своё время!

Деревянная церковь! К стене, противоположной нашим окнам, на самом верху прибита выкрашенная в жёлтый цвет жестянка с датой — «1840». Когда мы были маленькими, церковь отметила, оказывается, своё столетие. Я хорошо помню высокий, даже выше древних окрестных сосен, крест, красующийся на маковке, внутреннее убранство, сверкающее позолотой и серебром, развешанные по стенам кресты, убранные вышитыми рушниками. В тридцатые годы коммунисты деревни — Озын Микайля (Долговязый Михаил) и ещё какие-то мужики — спилили кресты с маковок и, беспощадно топча и сминая жёсть куполов, сбросили на землю.

Наискосок от церкви и дома Андриян-дэдэй, слева от нас, здание караулки. Там и пожарная каланча, и конюшня, ржавая ручная помпа, разошедшие бочки, на гладких, ободранных липовых столбах, подпиравших кровлю сеней, подвешены крюк, багор, перепачканные сажей кисти-щётки, на мощные дубовые сучки нанизаны протёртые до дыр хомуты, дуги с облупившейся, облезшей краской, взлохмаченные подседельники и прочая сбруя. Мы — ребятня со Средней и Нижней улиц — счастливы! Несмотря на материнские слова «Одна нога здесь — другая там, понял? Говорю,

ыштубы уши твои слышали!»), ни один из нас не торопится, после обеда мы всегда спешим в караулку. Надо занять удобное место за печкой, где никто не помешает. Вот в караулку по одному, по двое подтягиваются старики, ближе к вечеру аккуратно подходят и мужики. Они степенно, никуда не спеша, здороваются, расстёгивают длиннополье чекмени, старые, поношенные пиджаки, выколачивают трубки и набивают их табаком. И начинается разговор! Двери раскрыты настежь, однако через некоторое время помещение всё равно наполняется дымом, но мы и не думаем уходить, наоборот, из-за печи сначала показываются блестящие носы, потом головы, до предела вытягиваются шеи. Ужин, дом, предупреждения матери забыты, лишь бы не прогнали!.. Где, как не там услышишь шутки, прибаутки, анекдоты, весёлые истории... А если придут знаменитые на весь Багряж охотники Аксак Ибан (Хромой Иван) и Савалай Питыр (Пётр Савельев)... всё, конец! Мы готовы до ночи слушать их байки. Свёрнутые из самосада «козьи ножки» глухо потрескивают при каждой затяжке, на окна, сто лет не знавшие тряпки, липнет сумрак, на полы, и без того густо унавоженные вековой грязью, ложится новый слой, облетающий с загвазданных лаптей вновь входящих, а нам благодать. Кряшены — весьма терпеливый, покорный народ. Прожив столько лет в Багряже, я не то что не видел, даже не слышал, чтобы багряжские дрались или ссорились между собой. Авторитет взрослых в Багряже — непререкаем, а младшие — знают своё место...

Кто уж меня надоумил, не помню, в общем, однажды я принёс для завсегдатаев караулки полный карман огурцов с нашего огорода. Это я уже сам чётко помню!.. Думаю, кряшены, все как на подбор с большими, что твоя совковая лопата, окладистыми бородами, ради хохмы отправили меня воровать огурцы, увидев мелочь размером со стручок гороха, они спросили: «А чего таких маленьких-то нарвал?», ну я и ответил, недолго думая: «Большие я не смог бы поднять!» А самому-то стыдно, красный, ещё не отошедший от быстрого бега, опускаюсь на пол и начинаю по одному сбрасывать «мальков» в щель погребного люка.

Как сейчас помню и свой стыд, и эти мелкие огурчики, и дружный мужской хохот.

Не стоит удивляться тому, что воспоминания сельского мальчишки начинаются с огурцов да

репы. Огородные грядки — это первое место для проявления усердия и трудолюбия деревенской детворы.

О том, что мой папа уроженец Сарманово, я уже сказал, мама Мугаттара из тех же мест, она выросла в селе Верхнее Ахметьево, что почти вплотную примыкает к райцентру Сарманово. Папа поступил в педучилище Мензелинска, а мама там же училась в школе для девочек. В Мензелинске они и познакомились, и поженились. Папу направляют на работу в село Чукмарлы, а мама осталась дома, у неё один за другим родились три сыночка. Отца, как молодого специалиста-педагога, отправили на границу района в Верхний Багряж, и даже когда село перешло в подчинение Заинска, наша семья всё равно осталась в Багряже. Мои детство и юность прошли именно в этом селе, среди радушных, гостеприимных, очень человеческих, искренних и беззлобных кряшен. И стар и млад относились к нам с неизменным почтением. Бородатые авторитетные старцы и мужчины средних лет уважали нашу маму, к простой учительнице обращались с пиететом — «апа», завидев издали, склонялись в поклоне. Мама была мастерицей-швейей, великолепной портнихой, когда она стала обшивать багряжских красавиц, наряжать их в платья с кисточками-рюшами-оборками, её авторитет вырос ещё сильнее. Родительский авторитет среди односельчан сказался и на мальчишках. Помню: в клеть амбара, расположенного посреди села, где хранились семена для следующего урожая, выгрузили подсолнечник. В один из солнечных дней семена подсолнечника раскидали для просушки под навесы. В кряшенских подворьях этого подсолнечника завались, но глаза мальчишек неотрывно следят за амбаром... Не столько семечки их интересуют, сколько возможность стырить!.. Прокравшись за амбаром, мы начали было набивать карманы семечками, но тут, откуда ни возьмись, выскакивает Миндай Ибан (Иван), громила из Верхнего села, и хватает меня за шиворот! «Ну всё, пропал...», — мелькнула мысль, но Ибан, увидев, чьего сына он поймал, сменил гнев на милость, самолично набил мои карманы отборными семечками...

В долгие зимы никуда не выезжаем, сидим безвылазно в Багряже, а весной-осенью отправляемся на праздники — джиен, Сабантуй — в Сарманово или в Ахметьево. Как чудесный сон вспоминаю нашу поездку всей семьёй за двадцать вёрст в

Сарманово. Днище тарантаса устлано ароматным сеном, школьная лошадь, которую запрягали только летом, неспешно трусит по пыльной дороге... Взбираешься на заводской холм, дальше дорога идёт по лесу, а там видимо-невидимо, целый ковёр земляники, так и манит, так и завлекает остановиться и нарвать. Люди нашего поколения безмерно возвеличивали матушку-природу, почитали её как святыню, что есть, то есть! И мы, мальчишки, собирали ягоду с краешка поляны, по одной да по две, осторожно, чтобы ненароком не затоптать. Сначала набивали «красные сундуки» — в рот кидали, понятное дело, лишь потом начинали собирать в какую-нибудь посудину, чтобы угостить родню и приятелей. Земля и вода первоначально чисты, с неба льются серебряные дожди, а природная кладовая — грибы-ягоды-орехи — приносит лишь пользу здоровью!

Как ни странно, но мне почему-то казалось, что улицы Сарманово обиты жестью, а люди в селе Нуркеево живут в брезентовых юртах с островерхим куполом. Разве станет какой-либо мальчишка надевать обувь? Улицы густонаселённого Сарманово сильно утрамбовывались тысячами ног и потому раскалялись, наверное, в летнюю жару не хуже жести! Я понял это только сейчас, когда взялся за написание мемуаров. А вот почему я переселил нуркеевцев в брезентовые юрты, не пойму до сих пор, возможно, мы когда-то проезжали с отцом Нуркеево?

Помню, как с двоюродным братом, ровесником Максутом, мы, два невысоких, круглых мальчика, входим через калитку во двор родного старшего папиного брата Махубрахман-абыя, отца Максута. Руки за спинами, лица серьёзные, рты на замке. Мамы посмотрели на нас и... принялись хохотать! А потом... потянулись за крапивой. Мы переглянулись, оба предательски измазаны чем-то жёлтым... Дело в том, что лет с четырёх мы пристрастились с братом к сырым яйцам. Мамы запрещали нам, наверное, то и дело лазить на насест, поэтому мы время от времени совершали набеги в соседские сараи... Как вспоминаю об этом, тут же приходят на ум строчки одного из ранних стихотворений известного татарского поэта Хади Такташа «Как Мокамай яйца воровал». Вот так, у каждого Мокамай есть своя тётка Айша, а у тех, кого сызмальства разок-другой «попарили» крапивным венником, навсегда отбита охота к воровству.

То ли четыре мне исполнилось, то ли уже пятый год парился я под солнцем, когда в нашем селе открыли детский сад. В народе его называли «Площадка». Кажется, настала пора сбора урожая. Воспитателями поставили мою маму и Феону-апу Васюкову из Верхнего села. Они и повара, и воспитатели, и уборщицы, и прачки. Кроме того, моя мама шила для детей, мальчишек и девчонок, парные летние костюмчики-платица. Как же нам было хорошо в ту пору! Купаемся вволю, на прилегающих к селу склонах собираем ягоды, дружно, все вместе смотрим, как старшие мальчики купают лошадей. Близко подходить к лошадям боюсь, издали, из укрытия наблюдаю сквозь прибрежный тальник. Почему, спросите, а потому что однажды мы с отцом вернулись домой на телеге, в которую был запряжён конь по кличке Аманат, папа распряг Аманата, а я побежал открывать сарай. Ничего не подозревая, я шёл по двору, и вдруг шагавший позади Аманат, потряхивая головой и шумно отфыркиваясь, ни с того ни с сего укусил меня за плечо и одним сильным кивком швырнул на землю. Я заревел, на спине проступила кровь. Следы от зубов Аманата зарубцовывались очень долго. «Ни перед лошадьёю, ни перед каким-либо ещё животным не становись, не окликнув ласково!» — наставлял меня отец. Я-то всю жизнь помнил его наказ, но что поделаешь, домашние скот и птицы не внимали, видимо, наставлениям отца: три раза меня кусали гуси, четыре-пять раз бодала коза, самый большой колхозный хряк сбивал с ног, а однажды на улице Имянле (Дубовой) с неистовым клёкотом набросилась и истребала в кровь индюшка.

Точно не помню, в чьём доме расположилась «Площадка», но мы спускались к речушке мимо караулки, по меже участка Макар-дэдэя и Ипис-тютю (Ефросинья). На том берегу речки была небольшая пёстрая полянка, сплошь усыпанная разнообразными цветами. Начиная с ранней весны и до поздней осени, каждый в свой срок распускался на этой поляне очередной сорт цветов, наполняя округу неповторимым, свойственным только этому виду ароматом. И хотя никто не предупреждал, но всякий, кто ступал на эту полянку, чудесным образом менялся, старался не рвать цветов, не топтать траву. Откуда бы ни дули ветра, они не могли проникать до густого, насто-

янного на цветочном аромате воздуха поляны, каждый божий день мы гонялись в этом райском уголке за бабочками, играли в прятки, и даже если мы немного сминали растения, то после нашего ухода они в считанные минуты выпрямлялись в полный рост. Частенько к этой поляне спускался и папа, сажал нас кружком вокруг себя и, показывая пальцем на бутоны-травы, говорил их название. «В наших краях растёт примерно сто видов съедобных растений», — учил он. Чего только не ели мы в багряжских лесах-лугах! Про ягоды и грибы не говорю, после схода снега на южных склонах оврагов появляются яркие, жёлто-медные «веснушки». Соцветия мать-и-мачехи можно есть от пуза, вреда не будет. Рядом с выводком мать-и-мачехи, в лесу, раздвигая прошлогоднюю жухлую листву, пробивается медуница. На лугах буйно растут щавель, свербига полевая, свербига лесная... В разных местах собираем анис, топинамбур, рогоз, борщевик. В устье реки — саранка!.. Если по козьему переулку спустишься задками гумна, чего там только нет: алтей, чёрный паслён, сурепка... В переулках растут крапивные серёжки. Едим паслён, закусываем сурепкой. Дягиль, дудник, пестряк. Любой каприз оголодавшей души!

Жара! Зной! В тот год лето выдалось засушливым, однако на облюбованной нами полянке по-прежнему прохладно, мы, попарно взявшись за руки, спускаемся к речушке Дмитрия. Впереди, показывая дорогу, идёт мама, а чтобы не заблудилась в картофельной ботве всякая мелкота, замыкает строй зоркая Феона-апа. Прямо напротив нас, на том берегу, правее прибрежной поляны проходит небольшая, домов пятнадцать-двадцать, улица Имянле. В начале улицы дом Однорукого Кунуна (Никанора). К их забору примыкает ограда пастбища. Я сам видел несколько раз, увязавшись за мамой, ходил встречать стадо. Большеголовый, коренастый сын Кунуна Владимир (Владимир) тоже посещает «Площадку», сейчас я держу за руку именно его. Вот уж сорванец так сорванец! Никому нет покоя от Владимира, девочек дёргает за косички, а тех, у кого нет косичек, кусает за пальцы, мальчикам ставит подножки, во время купания завязывает в девчачьи платья булыжник и швыряет в воду. Насколько сильный, настолько же и хитрый этот Владимир. «Мальчик-ртуть», едва поступив в школу, извёл своим поведением всех учителей. Спокойно сидеть за партой не мог,

прятался в школьном погребе и орал оттуда разные непотребные песни... Улицы Имянле теперь не существует, кончилась она, народ разъехался кто куда. Мой сверстник Владимир давным-давно покинул этот свет. Вырос, остепенился, набрался мудрости, терпения и добропорядочности, работал шофёром, пас скот... Изредка, соскучившись, встречались мы с ним. Да упокоится душа твоя в раю, годок!

Спускаемся, мама, чтобы всегда был на глазах, поставила его в первую пару, так он и там норовил свалить меня подножкой. Коленки облуплены, на подбородке шрам, губами постоянно причмокивает, ушами шевелит — ну никак не может идти спокойно! Мой взгляд упал на надвигающуюся на Имянле небольшую, размером со стог сена, тучу. Увидев тучу, остановилась и мама. Небо было чистое-пречистое, откуда появилась эта неприглядная сизая туча?! Внезапно всё переменялось, из тучи выпорхнула красная с голубым отливом вспышка и полетела вниз, к земле, на улицу Имянле. Небо с ужасным треском расколосось надвое, от невыносимого грохота мы упали на землю. Мама лишь успела развернуться и крикнуть: «Дети!» На ногах остался стоять один Владимир. Вырывавшийся из-под крыш домов Имянле дым он заметил первым и закричал детским, срывающимся голоском: «Пужар! Пужар!» Вскоре по всей округе полетел тревожный перезвон церковных колоколов. Мама и Феона-апа кинулись собирать нас, как наседка пытается собрать разбежавшихся, напуганных появлением грозного, зоркого коршуна цыплят. Одна девочка со страху скатилась на самое дно оврага, к реке Метри. Спряталась в зарослях мать-и-мачехи и помалкивает! Пока мы, не разбирая дороги, топчя картофельную ботву, поднялись к караулке, там уже началась кутерьма-суматоха. Обленившиеся без работы пожарные лошади, испугавшись колокольного набата, никак не желали запрягаться в телеги, пожарные тоже взволнованы, они отчаянно охаживают лошадиные зады кожаными плетьюми. Лошади ещё больше противятся, задирают, натягивая узду, головы, хрипят. Сократив путь, напрямую, а не по мосту, жители Средней улицы той же тропинкой, по которой недавно поднялись и мы, спускались с ведрами, лопатами, баграми к Метри, переправлялись на тот берег и мчались к месту пожара. Поначалу всё заволкло сизо-чёрным дымом, потом стали

вырваться длинные языки пламени, вскоре улица Имянле превратилась в один сплошной костёр. Ой-ёй-ёй! Горит Имянле, гудит, а скверная туча, словно попросившись: «Счастливо оставаться!», сделала круг над деревней и удалилась восвояси. Испугавшиеся бежать на пожар старики собрались возле караулки. На языках одно: «Вот ведь зараза, нет чтобы пролиться мощным ливнем! Почему лишь огнём метнула в нас эта туча, за что?!»

Одиннадцать домов сгорело дотла.

От усердия звонаря лопнул даже церковный колокол...

«Из самого Заинска приезжали, из пятнадцати окружных аулов пригнали конные подводы», — рассказывала за ужином мама. В тот вечер она спешила в «Площадку», туда привели ночевать детей с Имянле. Мама всю ночь пробыла с ними, кормила их, укладывала спать, стерегла «Площадку».

Я долго не мог уснуть, пробившаяся из безобразной тучи молния стояла у меня перед глазами. Вроде начинаю дремать, но наваливается страх, с криком просыпаюсь. И мамы, как назло, рядом нет!

С того дня я стал бояться грозových туч, молний, грома. Стоит начать сгущаться на горизонте сколько-нибудь внушающей страх грозовой туче, я бегу в дом и забиваюсь в самый укромный уголок. Но плётка молнии настолько вездесуща — во все щели и углы проникает. В чулане у нас большой деревянный сундук стоит, я уж и за него стал заползать-прятаться — но молния, ужасающе треща, и там достаёт меня. Закутавшись в тулуп, затихаю за печкой — но гром грохочет, того и гляди, перепонки лопнут. В конце концов нахожу надёжный способ. Мама в изголовье их с папой кровати горкой складывала перины и подушки. Стоит только чуть набухнуть и почернеть какой-нибудь туче, я сбрасываю эту гору на пол и зарываюсь в неё с головой. Во время грозы все двери-окна плотно закрываются, заслонки дымохода задвигаются, домик-то наш маленький, душный, жаркий. Под перинами стократ тяжелее, чем на банном полке, дышать нечем, вымокаю до нитки, не мальчик, а комок влаги, но страху и не такое под силу одолеть.

«Страх — это самая неборимая, грозная сила», — учит уму-разуму отец, призывая меня проявить, наконец-то, мужество. Очень долго избавлялся я от этого панического страха, и сей-

час абсолютно равнодушен к молнии, помню, как во время одной из ужасных гроз я преспокойно рыбачил с лодки посреди Волги. Какие только устрашающего вида трезубцы да вилы не промелькивали перед моими глазами, втыкаясь в перепуганную не на шутку землю — но я не дрогнул. Когда страх жив лишь в детских воспоминаниях — не так-то он и страшен, если честно!

3

«Растёт наш сынок!» — радовались папа с мамой. Соседи и гости, поставив перед собой, наперебой меня нахваливали. «Поглядите, какой большой он у вас, настоящий джигит!» — множили они родительскую радость. Только сейчас, став отцом троих детей, стал я понимать — чем больше хвалишь хозяйского ребёнка, тем вкуснее и обильнее будут тебя угощать...

Все приметы роста налицо: теперь я в одиночку встречаю стадо по вечерам, вдвоём с братишкой Алмазом стережём гусят-утят от стального крючковатого клюва зоркого коршуна. Вместе с папой чищу коровье стойло, помогаю мести двор, подкладываю сено домашней скотине. Это было самое благодатное время — помогать отцу, крутиться возле него, задавать бесконечные вопросы...

Хоть и говорят, «вырос», но я пока ещё маленький всё-таки! Всего-то на два года старше меня Азат, но и от него частенько влетает. Вот это я понимаю, вырос! До самой верхней полки шкафа он дотягивается и умыкает пряник, а если я попрошу, то вместо пряника — подзатыльник получаю. Азат теперь взрослый, не то что некоторые, он в школе учится, разговаривать с ним нужно, тщательно подбирая слова. Как старший мальчик в семье он пилит с отцом дрова, тянет за один конец пилу-двухручку. Я таскаю под навес нарубленные дрова, а братишка Алмаз собирает и складывает горой в медном тазу щепки и кору. Хоть и окружён Багряж с трёх сторон лесом, но наш папа не любит, когда древесина пропадает без толку.

Но и я, наверное, подросток: уже много чего знаю. Наш дед был имамом самого бедняцкого прихода в Сарманово — «Махалли белештанников». У отца было несколько старших сестёр: Нурлыхода, Магианвар, Асма, а ещё в Сарманово жил старший брат Махибрахман, о котором я уже упоминал. Человек разносторонних талантов, выпускник ещё старого медресе «Мухаммадия», образованный,

интеллигентный, скрипач. И к тому же заядлый огородник, большой специалист по выращиванию ягод и фруктов. В нашем роду каждому присуща тяга к посадке деревьев, к строительству дорог и мостов, любовь к природе. Увидеть мужа тётушки Нурлыходы муллу Ризвана мне, кажется, не доводилось, а вот их единственный сын Хамза, красавец-парень с кудрявыми волосами и приятным голосом, частенько гостил у нас. И мы бываем у них в гостях. Дети Асмы-апы Лена, Ильтузар, Разия время от времени тоже приезжают к нам. Надо сказать, что раньше, когда мы были юными, родственники намного чаще навещали друг друга: выказать уважение, узнать о самочувствии и делах — естественная и неременная потребность каждого нового дня, она впиталась в нашу кровь. Чаще остальных гостила у нас, наверное, одинокая старшая сестра отца Магианвар. Мы называли её коротко: «Анвар-тютю». Она не только чаще остальных бывала у нас, но и жила подолгу, по два-три месяца. Приезжала осенью, после того, как закончатся работы в полях и на огороде и справят всем селом, с песнями и плясками, праздник коллективного забоя гусей, и оставалась до весны. Анвар-тютю непохожа на многих из нашего рода: с семьёй не повезло, не успела выйти замуж, быстро развелась, любит поспать, понежиться в постели, полениться, вкусно поесть, а пойдёт в баню, раньше четырёх-пяти часов и не жди. От рождения смуглая, почему-то любила носить тёмные, чёрно-коричневых тонов, одежды с длинным подолом, и белых платков, насколько я помню, не носила, повяжет голову ниже бровей, лишь массивный нос торчит. Этой одинокой, не избалованной особым вниманием с нашей стороны женщине нравилось гостить у нас. Ну а что, обстирывают, кормят, самые лакомые кусочки ставят перед гостями. Однако справедливости ради нужно сказать: когда к нам навещались уважаемые люди, «гостю» не звали к столу, накрывали ей в кухне, возможно, она сама так хотела, но мне всегда было жалко Анвар-тютю, когда она сиротливо ела за перегородкой, отдельно от всех. Надо учитывать ещё один фактор: сколько бы она у нас ни жила, всегда оставалась гостией, по дому не помогала, редко-редко подметала пол, взбивала подушки и выносила их вместе с одеялами на солнышко, просушить. Вроде бы взрослая уже, но намаз не читает, я не помню, чтобы она молилась или благода-

рила Аллаха после трапезы. Мне казалось, что она живёт в тягости и смущении от чего-то. Правда, я ни разу не слышал от неё ни жалоб, ни песен, но почему-то особенно сильно влекло меня именно к этой замкнутой в своём мирке, странной женщине.

Мы были дружны с ней.

Вот взрослые расходятся каждый по своим делам. Закинув за спину холщовый мешок, Азат уходит в школу, Алмаз — на улице, увлечён игрой. Мы с тютю остаёмся вдвоём. Иногда с нами остаётся и Алмаз. Выйти бы на улицу, но за окном дождь со снегом, стёкла покрылись мутной испариной, ветер обрывает в палисаднике последние листья с черёмухи. Вот в такие минуты, оставаясь наедине с нами, мальцами, Анвар-тютю внезапно преобразается, усыпанные горестными морщинками уголки карих глаз разглаживаются, взгляд теплеет и лучится, она ловким движением одёргивает платок, обнажая смуглый лоб, на который озорно выпадают из-под платка подёрнутые сединой смоляные пряди. Видя смену её настроения, я несканно радуюсь, мне хочется ещё сильнее обрадовать тютю, передвинув ближе к углам и стенам столы-стулья, я расширяю пространство дома, перескакивая с пола на нары, с нар на пол, начинаю беситься-веселиться. Корчу рожицы, показываю язык, передразниваю отражение в зеркале, обуваю мирно дремавшие возле порога огромные калоши и, нарочито шумно шлёпая, пускаюсь в пляс. В какой-то миг калоши разлетаются по разным углам... Анвар-тютю, сильнее прежнего расчувствовавшись, смотрит на моё обезьянничание, не возмущается, не ругает, лишь беззаботно смеётся, вся такая лёгкая и воздушная. Она подёргивает плечами, лицо заливается румянцем: прихлопывая-притопывая, заводит частушку. Её частушка короткая, из двух-трёх слов, однако мои ноги, обутые в шерстяные носки, невольно начинают скакать, я, выйдя на середину комнаты, отчаянно притопывая, пускаюсь в пляс. Тютю по многу раз на один мотив повторяет одни и те же незатейливые слова: «Кто у вас там молотит коноплю, кто у вас там молотит коноплю?» Соскучившиеся по общению губы поют всё громче и громче, сколько бы ни длилась частушка, я не устаю, её простые слова заводят меня, распалют, придают сил, но отнимают разум. Я настолько забылся, что ничего не замечаю вокруг, однако тютю прислушивается к звукам извне, затихает, перевязывает пониже

платок, пряча лоб, и в секунду исчезает за печью. Увидев эти изменения, остаюсь без слов. Лишь шипящий окрик тютти: «Вернулись!» — опускает меня с небес на прохладные половицы.

Наши с Анвар-тютти спектакли никто, кроме Алмаза, не видел, наверное, ни я, ни она, нашей тайны не выдали. А может, видели да ничего не сказали?

Хоть деревенская изба очень маленькая, но сколько всего помещалось в ней раньше! Отелится корова, телёнка заносят в дом, берегут от мороза. В наше детство холода действительно лютые стояли. Выпавший с осени, где-то в первых числах ноября, снег уже не таял, лежал до самой весны. Следом за телёнком в дом заходит и корова. Вылизывает детёныша, ласкает, даёт ему сил, вскармливая густым, жирным молозивом... Мы все любили сметану из переработанного молозива. Есть на столе сметана — значит, сегодня праздник, единственный за весь год. У этого дня есть ещё одна радость: я, наполнив большой, его ещё «колхозный» называли, таз, разношу сметану из молозива по соседям! Ипис-тютти даёт мне за сметану пригоршню орешков, пригоршню семечек, долго и обстоятельно расспрашивает меня о новорожденном телёнке. «Со звёздочкой во лбу? Бабки не белые, случаем? Какого окраса?..» Какое же это блаженство, пить свекольный чай с собственным гостинцем — сметаной!.. Детские радости — они особенные, по-особому дороги, по-особому близки...

Когда в дом заводят корову, я, боясь острых рогов, прячусь за печкой. Анвар-тютти обнимает меня сзади, а я, прильнув к её тёплому телу, забываю обо всех страхах, успокаиваюсь...

Когда остаёмся одни с Анвар-тютти, мы не только комедии ломаем, иногда она подходит к мёрзлому окну, упрётся двумя руками в наличники и тихонько заводит грустную песню. Голоса у неё нет, поёт она чуть лучше, чем курица квохчет, но я по причине малолетства не мог понимать, что сирота-тютти, несчастливая одинокая женщина, непрерывно напевает мунаджаты. Слов мунаджатов я не мог до конца разобрать, но мне очень нравилось, как она сквозь морозное окно устремлялась в своё далёкое детство, кого-то вспоминала, по кому-то скучала-тосковала. В такие минуты не тютти, а я обращался в слух, при малейшем шорохе с улицы шептал ей: «Верну-

лись!»... Я не хочу, чтобы все узнали о наших с ней тайнах...

С каждым днём наша «семья» становится всё многочисленнее, к немного окрепшему озорному теленку, у которого начали прорезаться рожки, один за другим добавляются ягнята. Барашки очень быстро растут: всего через неделю становятся полновластными хозяевами! Нет такого угла, куда бы они не достали, нет такой вещи, которую они не опрокинули бы. Сито, корыто, миски с хлебом каждый день «переезжают» в новое место. Дом становится тесным, шею телёнка привязывают верёвкой к железному кольцу, вбитому в простенок. Попробуй не привяжи, потянется за ягнятами и начнёт скакать-брыкаться, круша всё вокруг! Однажды отвязался и опрокинул бадью с питьевой водой. Ох и влетело тогда нам с тютти!

Анвар-тютти нравится оставаться одной в доме вместе с ягнятами-телятами. Она их обнимает, чешет шею, угощает разжёванным хлебным мякишем, целует во влажные носы. Чем больше она с ними возится, тем озорнее становятся барашки, скачут перед ней на задних ножках и носятся гурьбой по всей избе. Телёнок в загоне тоже начинает скакать, того и гляди оборвёт верёвку, Анвар-тютти встаёт в центр пола и, ударяя в ладоши, заводит свою извечную частушку: «Кто у вас там молотит коноплю, кто у вас там молотит коноплю?» От дружного топота маленьких бараньих копыт изба — ходуном, на пол слетают ошмётки пакли из-под расшатанных «пляской» брёвен, «спрыгнула» с насиженного места скалка и ну давай гнуть коленца, а полешки, прихватки для угля, самоварная труба и ухват заметно подрагивают под «музыку». Разве можно устоять на месте в такие минуты? Я тоже вливаюсь в танцующую массу и, подстроившись под Анвар-тютти, завожу частушку... Нет, я не повторяю вслед за ней, у меня своя, «авторская» частушка...

Сейчас уже не вспомню, наверное, целиком свою первую частушку, в памяти осталась только последняя строчка... Понятное дело, она посвящена кудрявым, шустрым ягнятам с озорным огоньком в глазах... «Горками черёмухи весь пол усыпают», вот так звучала последняя строка. А первые строчки... всё-таки попробую напрячься и вспомнить их: «Любят свежие листочки шустрые ягнята... как от пуза наедятся, тут же засыпают... А проснутся, вскачь пойдут, словно бесенята,

горками черёмухи весь пол усыпают», как - то так, в общем... Удивительно, но Анвар - тютти обратила внимание на мою частушку, забыла о своём «молотильщике конопли» и, повторяя за мной, стала распевать мою частушку, мы с ней вдвоём вволю напрыгались, наорались, насмеялись.

Назавтра мы опять остались одни в избе, не успели стихнуть скрипы половиц под ногами взрослых, бычок, три барашка, Анвар - тютти и я продолжили светопреставление... Анвар - тютти пела целый день лишь мою частушку... Это придало мне сил, раззадорило... В тот же день я ещё написал частушку. Если меня не подводит память, она была о грустящем в загоне бычке...

4

Сошёл снег, обнажились тропинки. Я почти не захожу в избу. На нижней улице, напротив дома Кируша (Кирилл), полянка, она первая избавляется от снега. Мы, местная ребятня, там общаемся в кости, в бабки, бросаем монетки. По вечерам за колхозным амбаром собирается молодежь. Иногда посиделки перемещаются ближе к нашему дому — к амбару Андриян - дэдэя. Сулицы Имянле с гармонью подмышкой поднимается Чыжык Бачели (Василий). Играют, поют. Накинув на плечи старый отцовский пиджак, плотнее в него укутавшись, и я стою с краешку. Губами повторяю слова песни за взрослыми, и вдруг, неожиданно даже для себя, вставляю свою частушку.

Весна — время праздников. Знаю, скоро придёт Олы кен (Великий день). У кряшенов Олы кен — Пасха. Весь Багряж будет стоять на ушах. С утра до вечера детвора будет собирать яйца. Зайдут в избу и дружно закричат: «Иисус Христос воскрес!» И мне хочется ходить по избам, крашенные яйца собирать. Но мама не отпускает: «Мы — татары, мусульмане», — объясняет она. Хотя и не до конца понимаю её объяснения, но разницу между татарами и кряшенами успел почувствовать на себе. Когда идём купаться, мальчики от души смеются надо мной, а те, кто позлее, и частушку в мой адрес отпустят:

*Эй, татарин - татарва,
Не ходи за нами.
Будем бошку отрывать,
Гривенник — цена ей!*

Мне хочется заткнуть злые рты своей частушкой, но ничего достойного пока не получается, в ответ по им где - то подхваченные строчки:

*Кряшен, кряшен — замавашка,
Скачут блохи по макушке.*

Приближение праздника вот ещё по чему замечая: каждый божий день со всего Багряжа тянутся к маме заказать новое платье кривые да кособокие девушки. Разве одни только красавицы чувствуют приближение праздника?!

В Нижнем селе жил один бедняк по имени Жамай. Где уж доставал он газеты зимой для своих самокруток, не знаю, но с наступлением весны неизменно наведывался к нам. Приходит, садится на ступеньку крыльца и молчит — немой потому что. Кто - то так и называл его Немой Жамай, но кличка тоже была — Пружина. Длинное, худое тело изогнуто вопросительным знаком. С острого подбородка свисают три - четыре жидкие пряди козьей бородки. На нём старый чекмень с непомерно огромным воротником, локти — в заплатках. Штаны на коленях тоже сорок раз залатаны - перелатаны, но в прорехах всё равно видны худые ноги. На ногах лапти, перевязанные бечёвкой с многочисленными узлами на местах разрывов, длинные концы которой стелются по земле, словно усы. В грязной обуви в дом не заходит, зовёшь его, зовёшь, а он только головой трясёт в ответ, отнекивается. Наша мама никогда не отпускала пришедшего за газетой Жамая, не накормив досыта. Всё, что испекли для себя, она кладёт на тарелку и выносит Жамай - дэдэю. Я люблю смотреть, как он ест. Длинные узловатые пальцы непослушны и искривлены; ногти — без содрогания не взглянешь. При виде тарелки с едой он сразу преобразается, сгорбленная спина выпрямляется. Он ест, не обронив ни одной крошки, не пролив ни одной капли, с чувством, с толком, с почтением к еде. Положив в рот кусочек хлеба или ломтик дурычмака, запрокидывает голову, аж кадык выпирает, веки с редкими ресницами блаженно закрывают зелёные глаза, морщинки в уголках глаз светятся доброй улыбкой.

С чем бы ты к нему ни вышел: с тарелкой, плоской или сковородой — опустошив посуду, он тщательно выскоблит края и дно хлебной корочкой, сдобренную маслом - жиром горбушку рассасыва-

ет, как конфету... Зполучив газету, сворачивает папиросу толщиной с рукоять клюки. Возле нашего дома не прикуривает, знает, что мама не переносит табачный дым. Словно говоря «не курю, не курю!», поднимает самокрутку на уровень глаз.

Не знаю, куда в тот день ушли родители, в обед пришёл к нам Жамай-дэдэй. Анвар-тютю во дворе, раскидала подушки по солнечным местам, а я, перевернув медный таз, подперев один край палкой с верёвкой, рассыпав под тазом корм, пытаюсь ловить голубей. Увлёкшись охотой, я забыл о Жамай-дэдэе, опомнившись, смотрю, он сидит и сидит, ни звука, только прикрыл прорехи на коленах подолом чекменя. Анвар-тютю ничего ему не вынесла. Я подбежал к ней. «Полно тут всяких дармоедов да бедняков шляются!» — отвечает тютю. «Ну хоть горбушку хлеба вынесу!» — дёрнулся было я бежать в дом, но тютю удержала. «Не ходи!» Не знал я, что тютю такая вздорная, сильно удивился. Жамай-дэдэй посидел-посидел и, сгорбленный, скрюченный, ушёл со двора. Я даже не заметил, как выкрикнул: «Жадная жаба ты, Анвар-тютю!»

Кстати, о бедняках: во время нашего детства бедняки круглый год бродили по деревням. Что ни дашь им, всё берут, и старые, заношенные до дыр одежды, и горбушку хлеба принимают с низким поклоном и бесконечными благодарностями. Как ни странно, появлялись в наших краях и киргизы на приземистых телегах, запряжённых верблюдом. Они оставляли верблюда посреди улицы и шли по домам, почёсывая шею кончиком рукояти камчи, жаловались, мол, «погорельцы мы, без всего остались», и давили из прищуренных глаз скупую слезу.

Кряшены — сердобольный, душевный народ, всегда готовый прийти на помощь. Они верят киргизам, жалеют их, спрашивают, «много ли детишек-то?» По полмешка картошки выносили им, муку на дне бадьи-пудовки, в дом приглашали покушать. А мы, будто мёдом намазано, не отходили от верблюда. Приближаться не решаемся, знаем, что нрав у животного суровый. Не заметишь, как плевок в лицо получишь!..

В селе случилось ещё одно странное событие: тех, кто позажиточнее, прогнали из домов и переселили в бани да каменные амбары. Живущую в двух-трёх домах от нас семью Утеми-дэдэя тоже переселили в баню. В доме многодетной семьи Утеми-дэдэя устроили школу. И кто же думал, что скоро, очень

скоро мы с моим ровесником, сыном Утеми-дэдэя Бачели (Василием) пойдём в первый класс в их родной дом...

5

За давностью лет уже не вспомню — возвращались ли в Багряж хозяева дома, в котором жили мы. Мне кажется, Андриян-дэдэй с женой и двумя сыновьями очень долго жили и работали в детском доме Федотовки. Наезжали, наверное, им хватало благоразумия и терпения жить и между собой, и с соседями в дружбе и согласии. Если бы они вернулись и причинили бы нам какое-либо беспокойство, возможно, я бы запомнил. Я уже понимал, что плохое вырублено в камне, а хорошее писано палочкой по песку. Андриян-дэдэй был небольшого роста, коренастый. На одной руке недоставало четырёх пальцев, помню, как он напугал меня, погладив по спине изувеченной ладонью. А волосы у него были на удивление мягкими, шелковистыми и кудрявыми. В Багряже у каждого есть родовая кличка, которая переходит по наследству. Род Андриян-дэдэя — бояре. Не понимаю, откуда у его предка, простого крестьянского сына, кузнеца, прозвище Боярин? От одного дома к другому, что расположены и в Верхнем, и в Нижнем селе, переходит азбука прозвищ, например: Андриян — Бөдрэ, «Бояр ыштанын салып йөгерэ...» (Андриян — Кучерявый, «Снимает боярские портки и бежит...»). Если кто-нибудь из твоего рода причинил селу или односельчанам зло, всё, кранты, куда бы ты ни поехал, чёрная борода злодеяния неотступно будет следовать за тобой! Интересно, кто-нибудь помнит азбуку прозвищ Багряжа? Лентяям, тупицам, мямлям, вертихвосткам, бездельникам-попрошайкам, упрямым-строптивцам с походом воздавал «по заслугам» острый на язык сборник!

Не могу точно сказать, почему «бояр» гоняли без портков? Не знаю. В деревне жило немало представителей этого рода, все они рукастые, умелые, добрые и старательные люди. «Боярин» Иван, годок, жив ли ты? Куда запропастился?..

Неизгладимым впечатлением осталась в памяти поездка в гости к семье Андриян-дэдэя. И радостным, и одновременно трагичным было это событие.

«Ну что, давай съездим, что ли, сколько раз уж звали они!» — услышал я однажды разговор родителей: ведь поездка в гости для детей — празд-

ник! Если предстоит поездка в гости, тут я лёгкий на подъём. Новые дороги, незнакомые деревни, новые места... Всюду загадочно, интересно. А я был живым, охочим до чудес и загадок мальцом. Слово за слово, речь дошла наконец до главного вопроса: «Кого оставим - то? Кто будет приглаждать за скотиной, за домом?» В спешном порядке пригласили Анвар - тютю. Да разве ж откажется наша соня - сладкоежка Анвар - тютю? С маленьким узелком в руках, неспешно вышагивая, к вечеру пожаловала и сама тётушка. «А мы поедем в гости к Андриян - дэдэю!» — с порога выкрикиваю я. Доить корову Анвар - тютю не поручишь, бурёнки за человека её не считают. По соседству живёт многодетная мать, расторопная да умелая Ипис - тютю. Ответственные дела поручили ей, а всю мелочёвку — Анвар - тютю, и, наконец, тронулись в неблизкий путь.

В Федотовку от нас можно проехать двумя дорогами, первая — через райцентр Заинск, а вторая — полупустая, по полям да просекам, нужно миновать Ашыт, Ахметьево, Кадырово. От Имянде направились было в Нижнее село, но тут промеж родителей произошёл небольшой спор. Папа предложил: «Давайте поедем через Заинск, дорога там надёжнее», но мама воспротивилась: «Чем вкруговую ехать, лучше напрямки». Папа продолжал настаивать на своём: «Объездная дорога зачастую короче бывает, разве ты не знаешь этих лесных дорог?» Когда родители спорят, разве ж останется в стороне такая прилипчивая мелюзга, как мы? Азат с важным видом сидит на козлах, держит вожжи. Старший сын, гордо вздёрнув курносый нос, встал на сторону отца: «Через Заинск поедем, через Заинск!» А я, мамин сын, талдычу своё: «Через лес поедем, через лес!» Уютно устроившийся на маминых коленях Алмаз с первых минут пути сладко уснул. Пока не доехали до Нижнего села, спор так и продолжался, наконец, пришли к примиряющему обе стороны решению: туда поедем через Ашыт и Ахметьево, а обратно — через Заинск! Азат, повернувшись ко мне, показал язык. И чего старается, всё равно оба желания удовлетворили!

Мы въехали в Нижнее село. Люди соседней деревни, узнав родителей, уважительно приветствуют их, интересуются, куда мы поехали, расспросив, желают счастливого пути. Когда проезжали мимо магазина, отец остановил повозку и отпра-

вился посмотреть необходимую в быту мелочёвку. Пока я увлечённо крутил головой в телеге, мой взгляд упал на одного человека. Выйдя из ворот одного дома, неуверенной, шатающейся походкой он отправился к другим воротам, за которыми исчез. Вскоре показался и снова исчез из поля зрения. Жамай - дэдэй! Почему он ходит по Нижнему селу от дома к дому? Мама тоже увидела его, заметив немой вопрос в моих глазах, пояснила: «Жамай - дэдэй милостыню собирает по домам, тем и питается». От жалости к Жамай - дэдэю я расплакался. Я ведь абсолютно не представлял, с кем и как он живёт, чем зарабатывает на пропитание! Мама что - то пыталась объяснить, о чём - то говорила, но эти слова стёрлись из памяти, помню только, что стал тормозить её: «Давай дадим еды Жамай - дэдэю!» Из мешка с угощениями мама зачерпнула полную пригоршню шершавых домашних печений и протянула мне: «Сходи, сынок, отдай дяде Жамаю!» Я побежал навстречу выходящему из очередных ворот бедному, несчастному немому, споткнулся о камень, но печенки не рассыпал, потому как плотно прижимал их двумя руками к груди, однако нос расквасил до крови. Но я не плакал.

Жамай - дэдэй отправил гостинец в холщовый, притороченный к поясу мешок и большой ладонью ласково погладил меня по спине. Потряхивая жиденькой бородёнкой, поблагодарил. Из его зелёных, лишённых ресниц глаз скатились скупые мужские слезы...

Пока мама вытирала мой окровавленный, изгвазданный в пыли нос белоснежным фартуком, папа вышел из магазина, и мы продолжили путешествие. Только оказавшись за околицей, мама тяжело вздохнула и сказала: «Ох, сынок, сынок, знал бы ты, сколько таких горемык живёт на белом свете».

Родители разговаривали между собой, мой слух резали незнакомые, непонятные слова: неурожай, налоги, притеснение. Это встреча с Жамай - дэдэем так повлияла на них или что - то другое? Мы проехали через лес, въехали в очередную деревню, остановились, напоили лошадь, мама коротко перебросилась дежурными фразами с пришедшими к колодцу незнакомыми селянками, однако печаль не сходила с лиц родителей до самой Федотовки. В этот раз многое из их разговора врезалось в мою память. На всю жизнь запомнил я мамыны

слова: «Ох, сынок, сынок, знал бы ты, сколько таких горемык живёт на белом свете».

Ещё раз поверить этим словам пришлось прямо там, в Федотовке.

Хозяева встретили нас очень радушно. Не только взрослым, но и нам, мальчишкам от горшка два вершка, угощений поднесли немерено. И пельмени сварили, и курицу потушили (правда, куриные бёдрышки достались старшему и младшенькому, Азату и Алмазу, а я грыз шею). Сыновья Андриян-дэдэя Никипар (Никифор) и Иван показали нам детский дом, бывшее подворье одного помещика, сводили к притаившейся в зарослях тальника плотине. Взобравшись на очень высокую гору, сплошь покрытую вишнёвыми деревьями, я остался без слов. Никогда не видел я столь бескрайних просторов, недостижимых горизонтов, неопишуемой красоты. На гору в Багряже я тоже поднимался, однако наше село с трёх сторон окружено лесом, поэтому дальних горизонтов с той горы не увидишь. А здесь... Необычайно изумили меня многочисленные перекрёстки полевых дорог, стёжки-тропинки, соединяющие участки леса, тянущегося вдоль русла реки. Мне захотелось пойти в неведомую даль по этим тропинкам, похаживая на цепочку заячьих следов на свежем снегу, открывать новые просторы...

Сейчас не вспомню, сколько дней прогостили мы, но хорошо помню, как в один из вечеров мы вместе со взрослыми ужинали, чаёвничали, с тарелкой дымящихся картофельных ватрушек вышла из малой половины тётя и вдруг грузно плюхнулась на стул. К сожалению, я не помню имени жены Андриян-дэдэя... Ну вот, значит, плюхнулась она на стул, тарелка из её рук упала на пол, масляные ватрушки покатались во все стороны. «Что случилось? Что произошло?» — засуетились-забегали вокруг тётушки взрослые. «По голове точно обухом ударили!» — немного придя в себя, объяснила она. Взрослые кинулись искать лекарства, я остался в недоумении. Какой обух? Кто ударил? Дома же, кроме нас, никого больше нет? Никипар и Иван тоже куда-то ушли. По-моему, охотятся в камышах на уток вместе с приехавшим в гости из Заинска родственником. К ужину они должны вернуться. Тётушка вся в слезах, дёргается, места себе не найдёт. Вскоре пришёл позванный Андриян-дэдэем фельдшер. Ни одного лекарства не выпила жена Андриян-дэдэя, лишь повторяла,

словно в бреду: «Беда пришла в наш дом, большое горе свалилось на наши головы!»

В сумерках привезли бездыханное тело младшего сына Андриян-дэдэя Ивана... А произошло следующее. Приехавший из Заинска гость, заметив какое-то шевеление в камышах, наугад выстрелил в ту сторону. Дробь прямёхонько угодила в грудь Ивану, проникла в сердце. Иван только успел вскрикнуть и в ту же секунду испустил дух... Именно в тот момент и ударило его мать обухом по голове. Материнское чутьё не обманешь, равного ему нет!

Андриян-дэдэя сколачивает из свежих, жёлтых, источающих аромат смолы сосновых досок гроб для младшего сына... На кровати, убранной сосновыми веточками и цветами, покоится Иван. В изголовье сидит мать в чёрном платке. Во дворе, отчаянно размахивая сцепленными в мёртвый замок руками, ходит незадачливый охотник — земляк Андриян-дэдэя. Возле избы собрались сотни воспитанников детского дома. Обычно шумные, неугомонные мальчишки, сегодня притихли.

Я тоже среди них. Я сегодня своими глазами увидел, какая бывает беда, что такое родительское горе. Сегодня я не замечаю ни глади озера, ни высоких гор, ни нависающих над водой пруда деревьев, ни поместья, ни круглых, богато украшенных резьбой столбов крыльца. Пасмурный день или ясный — всё равно темно...

Не запомнил я, где и как похоронили Ивана. Не помню и то, какой дорогой возвращались мы домой. Да разве это важно теперь? Горькие слёзы того дня, восковое, осунувшееся лицо Ивана в ореоле хвои, шатания Жамай-дэдэя от дома к дому в поисках милостыни — вот самые печальные воспоминания того лета.

После гибели Ивана семья Андриян-дэдэя не стала задерживаться в Федотовке, вернулась в Багряж. А мы переехали в один из пустующих домов Средней улицы. Куда уехали его хозяева, не помню, но думаю, что не от хорошей жизни покинули они родные края. Хорошо помню разговоры отца и матери, перешёптывавшихся, оставшись наедине, о грядущей новой, беспокойной жизни, всё чаще вынуждающей людей покидать насиженные места и мыкать счастья на чужбине... ■

*Займище
Июль-август 1991 года*

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
ПРОБА ПЕРА
СПОРТ

► Аделя Зуров, Артур Хисматулин

ГОПНИК STYLE. Как отстой вошел в моду

«Казанский феномен» – это явление общественной жизни, и оно влияет на умы даже спустя десятилетия после исчезновения с повестки дня. Только теперь акцент сместился – и то, что раньше отталкивало и пугало, теперь привлекает и продается. Как типичный внешний вид казанского гопника стал модным коммерческим продуктом, и что об этом думают казанцы – в нашем материале.

80-е, 90-е годы прошлого века для нашей страны были смутным периодом, когда поздний застой привел к сгущению общественной атмосферы и в конце концов закончился перестройкой. А для столицы нашей республики эти годы ознаменовались сильной криминализацией быта. Именно тогда молодежные банды стали набирать силу, а старшее поколение с удивлением и ужасом обнаружило, что социалистические ценности эти люди не только не разделяют, но и даже и не принимают во внимание.

В Казани сформировалась целая молодежная криминальная субкультура. Она была, с одной стороны, плоть от плоти народной массы, с другой – резко от нее отличалась. Казанских гопников всегда легко было узнать не только по поведению, но и по внешнему виду. Тренки, олимпийки, очень короткая

стрижка или вообще лысая голова, галоши на толстый носок домашней вязки – такая одежда не мешает в драке; в любой момент ее можно снять и кинуть лоху, чья курточка, джинсики и кроссовки прямо сейчас приглянулись юному бандиту. Очень простой и утилитарный подход.

Гопники ходили стаями и были очень похожи друг на друга. Да и как иначе – почти все они были детьми несостоятельных родителей, выросшими в атмосфере неблагополучия. То, как они выглядели, громко кричало о бедности, социальной заброшенности и отсутствии интереса к внешнему миру. По прошествии нескольких десятилетий молодежная мода почти в точности повторяет образы гоп-культуры – но носят эту одежду сытые, благополучные и уверенные в себе молодые люди. Акценты сместились, и это объясняется новыми ценностями в головах у потребителей.

«УЛИЦА» НА ПОДИУМЕ

Тренд на «уличность» в моде существует по миру не первый год. Первые ласточки полетели на Западе в начале 2000-х, во времена хип-хоп революции. Десятые годы двадцать первого века ознаменовались все более демократичными коллекциями от снобистских Armani, Versace и Dolce & Gabbana и все большим проникновением спортивного стиля в масс-маркет. А примерно в 2014 году именно российские гопники стали теми, кому подражают миллионы потребителей. Тренд 2016, продолжившийся и в 2017 году – post soviet aesthetics, стиль постсоветского босяка: толстовки, кроссовки, леггинсы, безразмерные пуховики. Французская марка Vetements с большим успехом продает безразмерные худи, отбеленные джинсы, огромные пиджаки ярких цветов. Ее идейный вдохновитель Демна Гвасалия – один из самых востребованных современных дизайнеров, ныне

креативщик французского дома моды Balenciaga. «Маргинальная» и «разрушительная» одежда Гвасалии, росшего в Грузии 90-х, по его словам, во многом вдохновлена внешним видом жителей родного Сухуми.

неклассической красоты и близости к уличной моде. Их модели порой производят странное впечатление, однако именно из этого агентства вышла новая звезда подиума – всемирно известная модель и дизайнер родом

с черно-белым фото, где сурово смотрят в кадр бойцы одной из казанских группировок.

«Наш арт-директор Настя Ярушкина делает классный бренд “Сухая река”. Когда она заказывает что-то

Пользователи Инстаграма одели американского президента в кроссовки и пуховики от Демны Гвасалии. Фото из Инстаграма дизайнера

Знаменитая водолазка с принтом «Спаси и Сохрани» от Гоши Рубчинского. Фото из Инстаграма дизайнера

Всеволод Черепанов-Север. Фото из Инстаграма модели

Гоша Рубчинский – российский дизайнер одежды, вошедший в список 500 самых влиятельных людей мира моды по мнению сайта Business of Fashion. Единственный, кто показал коллекцию во флорентийском Pitti Uomo, а после продал ее в культовом лондонском универмаге Dover Street Market. Его невозможно прекрасные юноши-модели, одетые в кошмарные на взгляд среднего российского потребителя вещи – до боли знакомые футболочки с «адидасом», широкие спортивные штаны, мешковатые толстовки, искусственный мех, кожаные куртки. И бренд Comme des Garçons, взявший дизайнера под свое крыло. И каждая коллекция сопровождается ахами в модных журналах. Тренки с лампасами, безразмерные толстовки, немаркие цвета, неяркие принты, спортивные костюмы – вот оно, все такое родное и знакомое, на звездах шоу-бизнеса и инстаграм-знаменитостях.

Российское модельное агентство Lumpren, продвигающее идеи

из киргизского Бишкека Всеволод Черепанов, он же Север. Внешне Черепанов – ну просто квинтэссенция всех «ровных пацанчиков» 80-х и 90-х. Он стал успешным, эксплуатируя полубандитский образ «парня из нашего двора», и теперь его называют неофициальным лицом постсоветской моды. Входит в сотню самых модных людей мира, заключил рекламный контракт с Nike, принял участие в показах Гоши Рубчинского, Walter Van Beirendonck, Comme des Garçons, Hood By Air, Lanvin, запустил свою модную линию под брендом Sever.

А ЧТО У НАС?

В декабре 2016 года в инстаграме одного из казанских интернет-журналов появился пост, где предлагалось приобрести футболки от Анастасии Ярушкиной, арт-директора журнала и дизайнера. На футболках были принты: крупными буквами надписи «Квартала», «Теплоконтроль» со стилизованной короной рядом, а на одном из изделий – принт

новое – приносит сразу в редакцию. Так, первая партия футболок достается только нам. Пишите Насте на прямую», – гласил пост (*пунктуация и орфография автора сохранены*).

Реакция инстаграм-подписчиков журнала была резко негативной. Посыпались комментарии: зачем делать такое? Зачем пиарить то, что хочется забыть? Для чего делать из бандитов объект коммерции? «Можно еще количество жертв выводить красивой инфографикой. Главное же – клево смотрится», – написал один из

Футболки из коллекции Анастасии Ярушкиной. Фото из Инстаграма

отметившихся под постом в Instagramе (*пунктуация и орфография автора сохранены*).

Тут надо знать, что заметная популярность именно молодежных журналов – само по себе довольно необычное явление в весьма бедной на события и явления казанской общественной жизни. Чаще всего все самое интересное у нас создается с помощью варягов из культурных столиц, будь то Москва или Париж. И особенно сложно проявить себя «миллениалам» – тем, кому нет еще 30, кто не мыслит своей жизни без цифровых технологий в разнообразных проявлениях. Несколько лет назад в Казани выходил журнал «Карл Фукс», позиционировавший себя как городской и просветительский, но что-то пошло не так, и после 15 выпусков издание закрылось. С тех пор на казанском рынке появилось не так много игроков, делающих действительно интересный широкому кругу читателей контент. Тем острее оказалось столкновение вектора нестандартности и незамшелости, очевидно продвигавшегося авторами футболки с изображением ОПГ, и суровой действительности умонастроений казанцев.

Возможно, авторы озвучили очевидную, но не слишком приятную вещь: «казанский феномен» – едва ли не самый главный казанский бренд. И его вполне можно монетизировать, ведь помимо гневных комментариев, в Instagramе было много тех, кто готов был немедленно приобрести изделие. Для многих казанцев это оказалось столь неприятным открытием, что они не смогли его принять (во всяком случае, в публичном пространстве), и обрушили на дизайнера и редакцию весь гнев и темную мощь нашего поволжского Мордора. Причем произошло это не во всеядном ВКонтакте или

пролетарских Одноклассниках, а в продвинутых и толерантных Instagramе и Фейсбуке. В декабре 2016 года бренд «Сухая река» даже не смог принять участие в очередном Open space market, мероприятии, где свою продукцию выставляют на продажу небольшие независимые марки.

Сама же дизайнер Анастасия Ярушкина обозначила свою позицию так: «Майки задумывались мной не для жителей районов – это просто красивые словосочетания, которые что-то значат для небольшого количества людей. Наверно, я сама бы стала носить майку с названием места, где выросла, только там, где про него никто не слышал» (из статьи «Теплоконтроль: 12 казанских брендов уличной одежды для досрочно наступившей зимы»).

Своеобразным эхом этой истории стал свежий сюжет: в середине января 2018 года казанский интернет-магазин Sorry, mom предложил своим покупателям футболки, на этот раз детские, с надписями вроде «Киса», «Соска», «Шпана», «Самец». На своей странице в соцсети магазин выставил фотографии с 5-7-летними детьми, одетыми в футболки с такими принтами. Свое мнение о товаре посетители группы высказывали не стесняясь, информация выплеснулась в другие паблики и в СМИ.

«Казань, 2018 год. Люди совсем сошли с ума! Мало было пиарить вещи для взрослых с рожами ОПГшников, которые полгорода на колени в свое время поставили, так нашлись желающие и наших детей переодеть в бандитов и сосалок – чтобы точно знали, кем вырастут», – написал один из посетителей группы магазина в соцсетях (*авторские орфография и пунктуация сохранены*).

Многие, очень многие посчитали, что на детской одежде подобные

Футболки с принтами от магазина Sorry, mom. Фото из группы магазина ВКонтакте

надписи как минимум некорректны. Другие же с удовольствием покупали трикотаж и называли его стильным. А кончилось все предупреждением, которое магазину вынесла прокуратура: по ее мнению, продавец не добавил на фото знаки «Запрещено для детей» и «18+», тем более, согласно мнению эксперта, подобные надписи оправдывают допустимость насилия, а значит, среди детей такую информацию распространять нельзя.

К слову, «Бандита» и «Самца» для детишек легко приобрести и сейчас: несмотря на предупреждение от прокуратуры, футболки эти куда не делись, их и сейчас можно увидеть в группе магазина ВКонтакте.

Да и сами создатели бренда не считают такие принты чем-то из ряда вон выходящим. «Менять

Футболки с принтами от магазина Sorry, mom. Фото из группы магазина ВКонтакте

линию одежды мы не собираемся. Люди покупают, людям нравится, в том числе и нам. Понимаете, люди разные бывают. И все воспринимают это по-разному. Просто мы не видим смысла закрываться и что-то менять», – комментирует происшествие администратор Sorry, топ Сумбуль Мукминова.

Надо сказать, что казанские дизайнеры нового поколения с удовольствием подхватили общемировой тренд на люмпенизацию в одежде и вполне успешно его эксплуатируют. Так, марка «Святая» с успехом открыла фирменный магазин в одном из крупных казанских торговых центров. Ассортимент знаковый: футболки, спортивные костюмы, пуховики. Еще платья, пальто, рубашки вполне благородного кроя и чистых линий. А одна из популярных моделей брюк выглядит вот так:

Футболки с принтами от магазина Sorry, топ. Фото из группы магазина ВКонтакте

В Казани немало компаний, производящих некий гибрид спортивной и офисной одежды, но и здесь главенствуют неизменные футболки и толстовки. Этот стиль очень легко вписывается в любой социум в любой стране. Вот как описал свое отношение к подобной моде анонимный источник в fashion-индустрии Казани: «Такая одежда – это так называемая “хулиганская мода”, она

пришла к нам из Англии, и да, у нас она в последнее время очень популярна. В первую очередь из-за того, что ее очень просто и дешево шить. Во-вторых – из-за простоты и удобства носки. Вообще-то мода пошла от футбольных хулиганов Англии и Шотландии, которым было важно, чтобы одежда была удобна для драк на улицах. “Хулиганская мода” – это самые простые лекала, фасоны – ее банально удобно носить. Футболки бренда “Сухая река”? Я такого не видел. Что там пошито? Лица?! Я, к сожалению, с таким еще не встречался. А может быть, и к счастью. Скорее всего, к счастью. Это безвкусно».

Выясняется интересная вещь: для тех, кто родился в конце 80-х, гоп-культура давно перестала ассоциироваться с бедностью и криминалом. А родившиеся в начале века юные потребители масс-маркета и знать не знают, с чем ассоциируются новомодные одежды у их родителей. «Мое милое, летнее дитя. Что ты знаешь о страхе? Страх приходит зимой, когда дома по крышу завалены снегом», говорит один из персонажей «Игры престолов». И молодое поколение казанцев не знает о «зиме» в истории родного города буквально ничего. Для них штаны с лампасами – это удобная и прикольная одежда, а «Теплоконтроль» – всего лишь район на окраине. Реальности столкнулись, и побеждает молодость.

«Это очень скромная – буквально пригоршней – попытка полить воду на мельницу разрушения криминального диспозитива, изменения отношения к нему со смертельно серьезного на подчеркнуто наплевательское. Да и пускай предъявляют: выкручивание эстетики подрывает этику, а табуирование и разговор с позиции силы, напротив, только укрепляют традицию насилия и преступлений», – написал после скандала с «ОПГ-футболками» Феликс Сандалов, московский журналист и музыкальный обозреватель. Кто знает, возможно, и вправду настало время переосмысления своего прошлого. Ведь будущее уже настало – вот они, люди 21-го века, не носившие шапок-фернанделек и не мимикрировавшие под представителей молодежных банд своего района.

Мрачный гопнический образ начал переосмысляться уже в 2000-х годах. Вспомните все эти паблики во ВКонтакте с мемами и демотиваторами, где гоп-юноши цитируют Гегеля и рассуждают об устройстве вселенной. Вспомните Comedy club на ТНТ с бывшим КВН-щиком Сергеем Гореликовым в роли Turbo, одного из солистов United Sexy boys – чудесная пародия на всех российских гопников, вместе взятых. За десятилетия образ перестал быть угрожающим, затем стал юмористическим (что-то вроде трансформации пиратов из жестоких головорезов в героев детских фильмов). А теперь униформе для уличных драк пришел черед становиться хитом продаж.

И, наверно, это к лучшему. Наверно, пройден еще один виток спирали, и «зима» наконец-то перестанет владеть нашими умами. ■

► **Анастасия Иванова,**
Медиалаборатория Университета Талантов

Университет Талантов рассказывает о талантливых жителях Татарстана, ставших лучшими в своей сфере. Героиня – доцент кафедры экономической методологии и истории Института управления, экономики и финансов КФУ, кандидат экономических наук Ляйсан Арсентьева.

ЛЯЙСАН АРСЕНТЬЕВА: «Каждый день нужно бросать себе вызов!»

История успеха
татарстанской
участницы
Всемирного
экономического
форума в Давосе

Участница из Татарстана вошла в число 50 представителей Global Shapers Community со всего мира, став единственной россиянкой на форуме. Ляйсан рассказала, кто такие глобальные шейперы и как прошел Всемирный экономический форум в швейцарском Давосе.

МАМЕ ВСЕГДА БЫЛО ВАЖНО, ЧТОБЫ Я НЕ ГНАЛАСЬ ЗА МЕСТАМИ И МЕДАЛЯМИ, А ПОЛУЧАЛА УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ ВСЕГО, ЧТО ДЕЛАЮ. С детства я была «звездным» ребенком, с трех до четырнадцати лет работала на телевидении, выступала на концертах, участвовала в конкурсах, ходила в музыкальную школу и двенадцать лет занималась хореографией, а в школе получала одни пятерки.

Я СЧИТАЮ, ЧТО КАЖДЫЙ ДЕНЬ НУЖНО БРОСАТЬ СЕБЕ ВЫЗОВЫ В ЧЕМ УГОДНО: да хотя бы нарезать лапшу или поехать сложной дорогой. Это нужно, чтобы расширять свое мировоззрение, получать новый опыт, делать жизнь интересной. Я постоянно чувствую себя не до конца образованной и талантливой, и меня это не пугает, а наоборот, радует, мне есть к чему стремиться, как и каждому из нас.

СООБЩЕСТВО ГЛОБАЛЬНЫХ ШЕЙПЕРОВ – ЭТО ДЕЙСТВУЮЩАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ПЛАТФОРМА для вовлечения молодых лидеров в глобальные процессы и реализацию совместных инициатив. Ежегодно среди членов Global Shapers Community проводится отбор на Всемирный экономический форум. Лотерейный билет, возможность участия в форуме, получают только 50 молодых людей со всего мира. В этом году я вошла в число 50 счастливиц, став единственной участницей из России.

ЭТОТ ФОРУМ – СЕРЬЕЗНАЯ ПЛОЩАДКА, участие в нем – возможность донести свой голос до большого мира, презентовать свою страну и регион. Круг глобальных вопросов, затронутых на форуме, был очень обширен, но так или иначе связан с экономикой: как тенденции в экономике повлияют на конкурентоспособность стран, на выбор профессии, как изменят жизнь каждого человека.

МЕНЯ ОЧЕНЬ РАДУЕТ, ЧТО СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ НЕ СТОИТ НА МЕСТЕ и понемногу модернизируется. На своем примере я вижу, как стираются иерархические границы между преподавателем и студентами. Я работаю со

студентами из Центра магистратуры КФУ в формате открытого общения, между нами происходит некая коллаборация. Образовательные программы подстроены под современные реалии, и мне это безумно нравится самой, особенно, когда идет постоянное движение и обновление.

МЕНЯ ВПЕЧАТЛЯЮТ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ ПРОДВИГАЮТ ИДЕИ МНОГОСТОРОННЕГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ. Например, Фабиола Джанотти, генеральный директор Европейской организации ядерных исследований CERN, выступила на секции форума Steam talents и рассказала об идее многостороннего развития личности. Занимая высокую должность, Фабиола еще и ядерный физик и выпускница Миланской консерватории – и все это в одном человеке!

ВСЕСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ И ТВОРЧЕСКОЕ НАЧАЛО – ЭТО ФУНДАМЕНТ ВОСПИТАНИЯ ЧЕЛОВЕКА. Я не только преподаватель

экономики, но и композитор. Я написала музыку к английской песне для Global Shapers Community, которую мы исполнили на этом форуме. Когда училась в Институте экономики, управления и социальных технологий КНИТУ-КАИ им. А. Н. Туполева, руководила хором из сорока человек.

СВОЮ ПЕРВУЮ ПЕСНЮ Я НАПИСАЛА, БУДУЧИ ЧЛЕНОМ СООБЩЕСТВА «СЭЛЭТ», в котором состою уже 14 лет. Там же я обрела своих наставников, среди которых и Тимур Сулейманов, исполнительный директор фонда. Благодаря наставникам я научилась создавать проекты, работать в команде и правильно выстраивать цели. Я думаю, что в жизни каждого человека появляются люди, которые направляют по жизни и вселяют веру в себя. В моей жизни было много наставников, например, директор Института управления, экономики и финансов КФУ Наиля Гумеровна Багаутдинова, также наставниками для меня были учителя, преподаватели, и, конечно, родители. ▀

► **Адель Ахметгалиев,**
13 лет

ТРАГЕДИЮ ХОЛОКОСТА ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ!

Конкурс «Кооперация талантов» проводится с 2015 года и дает возможность выявить и поддержать школьников, студентов, аспирантов, магистрантов и их наставников, создающих качественные тексты разного жанра. Одной из лучших зимой 2018 года признана работа, которую мы предлагаем читателю.

Я достаточно редко смотрю фильмы, похожие на кинокартину «Мальчик в полосатой пижаме», однако они каждый раз меня захватывают и заставляют задуматься о нашей истории, о будущем.

Как известно, одним из самых известных и самых страшных проявлений геноцида стало истребление евреев в годы Второй мировой войны, сначала на территории Германии, а затем и на всей территории Европы. Миллионы погибли в концлагерях, а судьбы выживших были исковерканы. В истории Второй мировой войны эта тема широко раскрыта в контексте Холокоста. Когда я думаю о злодеяниях, которые совершили фашисты против людей, я невольно задаюсь вопросом: «Неужели когда-то это будет забыто?»

Почему в XXI веке, когда прошло более семидесяти лет после этих трагедий, мы снова говорим о Холокосте? Если забыть историю, она может повториться, и тогда вновь прольется человеческая

кровь. Поэтому сегодня дети пишут письма о войне... Я думаю, мы, юное поколение XXI века, воспринимаем такие события ближе к сердцу.

Холокост – это трагедия не только еврейского народа, это одна из трагических страниц нашей истории. Об этом говорится и в фильме «Мальчик в полосатой пижаме», снятом по одноименной повести ирландского писателя Джона Бойна. В фильме нет ни одного сражения. Несмотря на то, что на экране не так много мрачных эпизодов, профессиональная игра актеров ярко передает атмосферу того времени. На протяжении всего фильма режиссер возвращает нас в события тех страшных лет. Все это помогает мне окунуться в трагическую историю целого народа на примере судеб мальчиков – немца Бруно и еврея Шмуэля.

У главного героя, маленького Бруно, в отличие от Шмуэля, в жизни все хорошо: большой дом в Берлине, любящая мама, старшая сестра и отец – офицер

немецкой армии. Вскоре Бруно и его семья поселяются рядом с концлагерем Аушвицем-Освенцимом, куда комендантом лагеря назначают его отца. В окрестностях нового дома Бруно обнаруживает необычную «ферму» с проволочным забором, где люди ходят в странных полосатых номерных пижамах. Мальчик думает, что это счастливые семьи, работающие на ферме. Из окон спальни он замечает трубы, из которых постоянно валит черный дым. Не зная, чем себя занять, мальчик пускается в путешествие вдоль этого забора. По другую сторону проволоки он находит себе друга – испуганного, с печальными глазами Шмуэля.

В то время немецким детям внушали, что евреи – ничтожные создания. Ведь проявление религиозного фанатизма и нарушение основ демократии – это составная часть гитлеровской идеологии во Второй мировой войне. Так считает почти вся семья Бруно, но не он сам. Вывод о том, что евреи – такие же, как

и все, люди, он сделал после знакомства со Шмуэлем. Бруно не может понять, почему его новый друг боится выйти за проволоку, почему он голодный и не играет с ним в футбол? Шмуэль такой же ребенок, как и Бруно, который должен смеяться, радоваться жизни, бегать по зеленой траве. Вопросов много, ответов нет... Лишенный детства и семьи Шмуэль смотрит в лицо смерти, голоду, страху.

Бруно приносит своему другу еду, хочет прийти к нему в гости. Эта светлая линия в фильме, которая показывает, что вне зависимости от сложной обстановки в стране, в мире, в душе человека сохраняются такие светлые качества, как верность и дружба. Но это, к сожалению, длилось недолго. Казалось, ничего не предвещало беды...

Бруно попадает в гости к Шмуэлю: роет подкоп, переодевается в полосатую одежду и пролезает под сеткой. Мальчик отправляется в вечное путешествие, не осознавая того, что за проволокой находится страшная машина по имени Смерть.

Самым сложным и тяжелым эмоциональным моментом для меня стал финал фильма – истощенных евреев вместе с детьми безжалостно загоняют в темную комнату. Бруно опустил голову, взял крохотную ручку Шмуэля и крепко сжал. «Мой лучший друг на всю жизнь», – сказал он тихо. Это были последние слова девятилетнего черноволосого мальчика с голубыми глазами, попавшего на «фабрику смерти». Он сам не осознавал, что это конец. Вмиг все ахнули, и скрипучие железные двери закрылись. Вокруг темно... Впереди – смерть. Именно в этот момент понимаешь, почему из длинных печных труб идет черный дым.

Меня потрясла бесчеловечность. Кто дал право этим «людям» распоряжаться судьбой народа? В печи не евреи, а в первую очередь живые люди! Вот и получается, что война создает новые жесткие, бескомпромиссные законы.

«Мальчик в полосатой пижаме» (англ. *The Boy in the Striped Pyjamas*) – полнометражный игровой фильм режиссера Марка Хермана, снятый по одноименному роману Джона Бойна в 2008 году. Съемки фильма проходили в Будапеште. Лента удостоилась множества призов и наград на международных и европейских фестивалях.

Благополучная семья не дождалась сына. Бессердечный папа находит детскую одежду возле колючей проволоки и с ужасом осознает, что случилось с сыном. Он не успел спасти сына, так как машина смерти была уже запущена. Мне кажется, его еще долго будет мучить ужасный запах трупов, напоминающий сожженного заживо сына. Неужели так важно, какой национальности человек? Все люди на земле, несмотря на то, какой они нации, имеют право на жизнь, и никто не имеет права решать, кому сколько жить.

В фильме есть и положительные герои, которые выступают против фашистской диктатуры. Мать Бруно, Эльза, не сразу понимает, где они находятся и что за дым идет из труб... Осознав все это, она, как любящая мать, боится за своих детей. Она тяжело воспринимает то, что ее муж участвует в построении благополучного государства на костях и слезах невинных людей. Что же может быть дороже детей? Однозначный ответ – самое дорогое у любого народа – дети! Нацисты физически уничтожали евреев. Концлагеря служили орудием для решения этой задачи: было уничтожено шесть миллионов евреев, среди них полтора миллиона детей.

В эпизоде, где слышится крик матери, понявшей, что она навсегда

потеряла сына, осознаешь масштабы преступления, боль матери при потере самого близкого человека. Чистая, искренняя дружба между мальчиками, такие общечеловеческие качества, как милосердие, сострадание, противопоставляются жестокости геноцида.

Когда мы видим на экране поступки Бруно и слышим рассуждения на откровенные темы, используется эффект «растворения» стен. С одной стороны, это светлый дом Бруно, с другой – темная «ферма», окруженная колючей проволокой, где обитает Шмуэль. В контрасте с серым, темным лагерем, где зверски относятся к пленным евреям, противопоставляются красивые, светлые тона природы. Музыка переносит зрителя во внутренний мир Бруно.

Фильм заставляет глубоко задуматься о ценности человеческой жизни. Режиссер Марк Херман и автор повести смогли объединить в судьбе двух мальчиков миллионы человеческих трагедий, связанных с Холокостом. После таких потерь, трагедий, мы обязаны стремиться к миру, доброте, любви, к бережному отношению к окружающим, помнить об этих тяжелых днях и не забывать о погибших. Фильм «Мальчик в полосатой пижаме» – это свидетельство геноцида евреев во времена Второй мировой войны. ■

► **Ангелина Акберова,**
администратор клуба

Я НЕ ПРИЗЫВАЮ БОЛЕТЬ — НАСЛАЖДАЙТЕСЬ ХОККЕЕМ!

Собираюсь сегодня на тренировку команды – фотографировать красивые моменты игры для альбома. В мои обязанности входит создание текстов о клубе, и хотя я владею хоккейной терминологией лишь на любительском уровне, мне в работе помогает уверенность – чтобы говорить с миром такого спорта на одном языке, нужно хоккей обожать.

Первым на льду появляется вратарь Вячеслав Салимов. Мощный парень – природа дала ему и талант, и красоту. Он прославился, став лучшим вратарем Ночной Хоккейной Лиги Республики Татарстан (приз имени Владислава Третьяка). Я восхищаюсь Славой, считаю, что исход игры зависит на 90 процентов от вратаря, и никакой эксперт меня не убедит в обратном!

Дальше на лед вылетают братья Даниловы. Максим прославил

Татарстан в городе Сочи, став лучшим бомбардиром и снайпером Ночной хоккейной лиги. Артем идет уверенно по стопам старшего брата – в таблице лидеров Ночной Хоккейной Лиги братья Даниловы идут рядом по забитым шайбам. Мне нравится наблюдать за братьями – такая родственная забота друг о друге. Старший брат передает секреты хоккейных баталий младшему. У Артема также есть опытный наставник Айрат Сальманов. Айрат и Артем играют в одной пятерке. Мне интересно смотреть на стиль игры этого тандема – друг друга чувствуют и понимают с полувзгляда. Сальманов – коренной игрок в команде, позитивный, харизматичный человек крепкой закалки, из тех, что скользят по льду «со скоростью света». За ним практически невозможно уследить, когда он на льду.

Любительский хоккейный клуб существует в поселке Джалиль с 1994 года. Он назывался сначала «Юность», а в 2010 году был переименован в «Нефтяник». В сезоне 1997-1998 команда клуба становилась серебряным, а в 1998-1999, 2002-2003 годах бронзовым призером первенств России, в 2016 году стала победителем Ночной Хоккейной Лиги в г. Сочи.

Настраиваю свой фотоаппарат на «спортивный режим», потому что на ледовой глади появляются Ильнар Фазылзянов и Ирек Шавалиев. Скорость у ребят высоченная, талант безграничный – это не игра слов, а двадцатилетняя хоккейная жизнь. Ирек и Ильнар верны спорту, тренеру, незаменимы в спортивных соревнованиях: играют в футбол, занимаются легкой атлетикой. Ильнар часто участвует и становится победителем соревнований ДПО (Добровольное пожарное общество).

Перед объективом фотокамеры проносятся два друга по жизни и спорту – Марсель Илдарханов и Рамиль Зиятдинов. За Марселем закрепилась

слава исполнителя победного буллита в сочинском финале Ночной Хоккейной Лиги. Марсель после такого знаменитого броска стал самым узнаваемым хоккеистом в поселке городского типа Джалиль. Перед игрой к нему часто подходят фанаты – взять автограф и сфотографироваться. Друг Марселя Рамиль Зиатдинов знаменит тем, что любая забитая шайба каллиграфически изящна. Передачи нападающего Зиатдинова всегда точны и метки. А траектория полета шайб Рамиля в ворота соперника всегда непредсказуема.

Фотокамера фиксирует Олега Малова. Интеллектуал, хоккейный гроссмейстер. Олег – тактик на льду, на секунду раньше чувствует, от кого принять шайбу, как обработать и как ее «заколотить» в ворота. А на фото – волевой, решительный и просто красивый мужчина.

Трудно не заметить два родных и любимых моих номера: «59» – играющего тренера и капитана команды, и «10» – нападающего Марселя Ахметова. Первый – мой отец Альберт Акберов. Второй обладает сильным духом, умеет мотивировать и себя, и других, на льду полностью отдает силы игре. Марселя, как и других мальчишек, в хоккей привел его отец. Зиннур абый доверил сына Альберту Акберову, теперь между ними – полное взаимное доверие. Разные по эмоциональному типу, но схожие по духу состязания, приверженности к риску. Мне нравится в них то, что они стремятся разложить все по полочкам, никакого сумбура. Марсель всегда забивает со «вкусом», и каждый его гол – шедевр.

Все эти игроки на протяжении более двадцати лет составляют стержень команды «Нефтяник» (Джалиль), и это – заслуга моего отца, играющего тренера и капитана команды Альберта Акберова. Как сказал один великий человек, легко следовать правильно за тем, кто правильно идет вперед.

Закончилась разминка. У ребят отличные физические данные: растяжка, шпагаты, скорость – их способностям мог бы позавидовать любой титулованный атлет. Игроки разделились на «пятерки», и пошла игра...

А игры с соперником – это совершенно другие эмоции. Ребята все как натянутые струны. А ведь часто приходится брать интервью именно после матча. К интервью я готовлюсь очень тщательно. Главное требование к себе – не задавать нелепых вопросов, уважительно относиться к сопернику, выглядеть открытой и доброжелательной, каким бы ни был счет и какие бы баталии не происходили на ледовом поле. И я рада, что у меня получается. И рада тому, что, выплескивая эмоции во время игры, я умею быстро успокоиться и всем своим видом показать, что все хорошо и жизнь продолжается.

Я не призываю болеть хоккеем, я бросаю клич – наслаждайтесь хоккеем! ■

► Артур Хисматулин

ЧЕМПИОНСКИЙ ХАРАКТЕР, ОЛИМПИЙСКИЙ ДУХ

Алина Загитова – человек невероятной психологической выдержки и физической выносливости, работающий до пределов своих возможностей.

Все спортсмены переживают сложные этапы карьеры. Выгнали из группы одного из самых успешных и известных тренеров России? Пережили, не бросили катание, пошли к другому тренеру. Получили перелом руки, самостоятельно приняли решение об участии в спартакиаде и там же получили перелом лодыжки, после которого нужно учиться ходить? Алина испытала все это на себе. И вернулась на лед. Воздалось ей сторицей – Этери Тутберидзе сама предложила войти в группу обратно. Впоследствии Алина скажет, что сама виновата в том, что ее выгнали из группы – недостаточно серьезно отнеслась к занятиям.

Нельзя забывать и о том прессинге, что испытывает спортсменка с самого начала своей «взрослой» карьеры: «судьи благоволят», «попрыгун», «машина для прыжков»... И тем не менее, несмотря на личные переживания, несмотря на травмы до Олимпиады, выигрывает домашний чемпионат Европы.

Олимпиада в Пхенчхане. Финальное выступление. Алина ошибается так, что, кажется, все: теряет львиную долю зачетных баллов. А она спокойно по ходу выступления перекраивает программу таким образом, чтобы полностью завершить все намеченное и делает это – будто шьет. Такому хладнокровию в 15 лет на мероприятии такого уровня можно только позавидовать.

После победы Загитовой Эшли Вагнер, американская фигуристка, выступающая в одиночном катании, раскритиковала программу чемпионки за отсутствие целостного впечатления и перегруженность концовки выступления. На что Алина спокойно ответила: «Пусть она попробует выступить на Олимпийских играх с идентичной программой. И я с удовольствием понаблюдаю за ее выступлением. Однако комментировать после не стану». ■

<https://commons.wikimedia.org/>

Президент России **Владимир ПУТИН**
и Олимпийская чемпионка **Алина ЗАГИТОВА**

Данир и Лейсан Хазеевы – победители фотоконкурса на самую романтическую пару среди наших читателей.

Первый этап конкурса проходил в социальной сети «ВКонтакте», в группе журнала «Идель».

На второй тур прошло 13 участников. В голосовании за самую романтическую пару на сайте журнала приняло участие более восьми тысяч человек. Победители удостоились приза – двухчасовой профессиональной фотосессии в студии-партнере журнала.

Призеры живут в татарстанском селе Шемордан. История Данира и Лейсан началась семь лет назад, а сейчас они уже воспитывают двоих детей. Как признаются супруги, журналом «Идель» они заинтересовались благодаря социальным сетям. Подписались на страничку журнала в VK и Instagram, потом подписались и на бумажную версию издания. «Теперь советуем его друзьям и близким. В конкурсе за нас голосовали все родственники, друзья, знакомые, коллеги. Мы очень обрадовались победе и подарку! Хотелось выразить огромную благодарность журналу и всем, кто голосовал за нас!», – сказали победители конкурса. Дорогие читатели! Следите за нашими конкурсами на сайте idel-rus.ru и добавляйтесь в наши группы в соцсетях. Следующий сертификат на фотосессию ждет своих обладателей!

